

Б
В
Г
Ж
З
И

ТЗ(4/9)
Б94

Винод Бхатия

Джавахарлал
НЕРУ
и становление
ИНДИЙСКО-
СОВЕТСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

1917 - 1947

А

НЕРУ
ЛЕНИН

Милл
Len in

У
Д
А
Ч
З

Винод Бхатия

**Джавахарлал
НЕРУ
и становление
ИНДИЙСКО-
СОВЕТСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

Vinod Bhatia

**Jawaharlal
NEHRU
and the
making of
INDO-SOVIET
RELATIONS**

1917 - 1947

Виног Бхатия

**Джавахарлал
НЕРУ
и становление
ИНДИЙСКО-
СОВЕТСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

1917 - 1947

Москва «Мысль» 1989

~~ББК-63.3(0)6~~
Б 94

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНОМУ
РАБОЧЕМУ ДВИЖЕНИЮ

Vinod Bhatia

JAWAHARLAL NEHRU
AND THE MAKING OF
INDO-SOVIET RELATIONS
(1917—1947)

Ответственный редактор — профессор
Г. Г. Котовский

Перевод с английского М. Х. Тарховой

На обложке использованы фрагменты из рукописи
Неру, относящейся ко времени изучения им русского
языка

Б 0503010000-083 17-89
004(01)-89

ISBN 5-244-00271-6

© Panchsheel Publishers. New Delhi. 1981

© Издательство «Мысль», 1989

Предисловие

Джавахарлал Неру вошел в историю как выдающийся политик и государственный деятель, мыслитель, внесший весьма значительный вклад в теорию и практику национального освобождения и преобразования на путях независимости бывших колониальных и полуколониальных народов. Столь редко встречающееся сочетание в одном человеке крупнейшего политика-практика и мыслителя-теоретика поставило «архитектора независимой Индии», как назвал Неру народ его родины, в ряд самых замечательных личностей XX в. Вот почему как в самой Индии, так и за ее пределами не ослабевает интерес к осмыслению теоретического наследия Неру, продолжается разносторонний анализ его деятельности как во время освободительного движения, так и в период становления новой Республики Индии. Появляющиеся все новые исторические и публицистические работы о Неру высвечивают новые грани деяний великого революционера, политика-практика и мыслителя. Для советских людей Джавахарлал Неру еще и основатель разностороннего советско-индийского сотрудничества, дружбы между двумя великими государствами и их народами, которая стала важным интегральным элементом комплекса внутренней и внешней политики Индии, получившего название «линия Неру».

Исследованию возникновения и дальнейшего развития в период освободительного движения исторических предпосылок советско-индийских отношений в связи с деятельностью Джавахарлала Неру посвящена предлагаемая советскому читателю книга индийского историка и общественного деятеля, одного из руководителей Общества друзей Советского Союза в Индии — Винода Бхатии. Разработка автором избранной им темы ведется по двум основным линиям — роли Неру в формулировании и осуществлении внешнеполитического курса партии Индийский национальный конгресс на этапе освободительного движения в новей-

шее время, формирования того направления в его мировоззрении, которое позже получило наименование «социализм Неру». При этом В. Бхатия вполне закономерно раскрывает два основных источника становления указанной струи в экономических, политических и историко-философских взглядах великого человека — труды основоположников научного социализма и практику социалистического строительства в нашей стране в период первого тридцатилетия ее истории после Октября. Исследование В. Бхатии, обращенное, кстати, к достаточно широкому кругу читателей, явится, на наш взгляд, хорошим дополнением к имеющейся на русском языке литературе о Джавахарлале Неру, посвященной как общей характеристике его жизни и деятельности¹, так и анализу отдельных аспектов его мировоззрения — экономических, политических, философских взглядов². Книга будет также способствовать углубленному восприятию советским читателем литературного наследия самого Неру — переведенных на русский язык его основных историко-философских трудов³.

В. Бхатия справедливо оценивает как решающий вклад Джавахарлала Неру в разработку внешнеполитической доктрины Индийского национального конгресса и установление действенных связей с организованным демократическим, антиимпериалистическим движением за пределами Индии. Неру значительно раньше и глубже, чем другие лидеры Конгресса, осознал, что успех освободительного движения в Индии в конечном счете зависит от исхода развернувшейся в мировом масштабе борьбы между силами социализма, антиимпериализма, прогресса и демократии, с одной стороны, и империализма, реакции, милитаризма и фашизма — с другой. Однако практическое осуществление этих установок Джавахарлалом Неру, который с конца 1920-х годов стал ключевой фигурой в международных связях Конгресса, сталкивалось с серьезными трудностями как внутреннего, так и внешнего порядка.

Внутри самого Конгресса линии Неру противостояли две опасные тенденции. Первая из них заключалась в недооценке значительным числом конгрессиистских лидеров установления связей с антиимпериалистическими силами вне самой Индии. Этим своего рода «изоляционизмом» иногда, как убедительно показывает В. Бхатия, страдал и М. К. Ганди.

Вторая линия, также вытекавшая из непонимания того, что индийское национально-освободительное движение есть часть общемирового революционного процесса, выражалась в недооценке той угрозы делу освобождения Индии, которую нес в себе фашизм. Эта тенденция, как это ни парадоксально на первый взгляд, наиболее полно олицетворялась некоторыми леворадикальными группами в Конгрессе. В их позиции как бы своеобразно была продолжена традиция мелкобуржуазных революционеров-подпольщиков, установивших накануне и в период первой мировой войны связи с руководством Османской Турции и кайзеровской Германии и исходивших при этом из принципа: «военно-политические противники Англии — наши союзники». Из сходной установки исходил второй, помимо Неру, крупнейший левый лидер Конгресса — Субхас Чандра Бос, пытавшийся в годы второй мировой войны вести вооруженную борьбу с английским колониализмом, опираясь на помощь нацистской Германии и милитаристской Японии. Бос, потерпев в конце 30-х годов неудачу в попытках сделать значительно более радикальной политическую программу и тактику Конгресса и выйдя вместе со своими сторонниками из партии, взял курс на массовую вооруженную борьбу с колониальным режимом. Однако в осуществлении своих замыслов он совершил трагические просчеты, стоившие ему в конечном счете жизни. Хотя Бос в своих попытках создать антиколониальную национальную армию из числа десятков тысяч плененных индийских солдат и офицеров, служивших в британских вооруженных силах, сотрудничал сначала с властями нацистской Германии, а затем — милитаристской Японии, в глазах индийцев он не был коллаборационистом. Напротив, он остался в их сознании как выдающийся лидер левого крыла Конгресса, более других активно сотрудничавший в 20-е и 30-е годы с коммунистами в обоюдном стремлении создать единый антиимпериалистический фронт, как политик, принявший Октябрьскую революцию и восхищавшийся достижениями социалистического строительства в Советской России⁴. В Индии его имя произносится вместе с присвоенным ему почетным титулом «нетаджи» (букв. «вождь», «лидер»). Оценивая его историческую роль, Хирен Мукерджи, ветеран коммунистического движения Индии, известный писатель, публицист, историк,

парламентарий, завершил свою книгу о Босе следующими словами: «Никто не сделал больше для свободы Индии, чем нетаджи Субхас Чандра Бос. Его имя навсегда будет связано с брошенным им лозунгом: «Джай Хинд!» (Индия победит!)»⁵.

В противоречивой и сложной судьбе С. Ч. Боса в определенной степени отразились сложности и противоречия внутренней структуры и внутреннего развития Индийского национального конгресса и его взаимодействия с другими политическими силами как внутри, так и вне Индии. Конгресс оставался наиболее массовой и наиболее влиятельной общественно-политической организацией, в которой были представлены как все классы индийского колониального общества, так и почти все политические течения в освободительном движении — от коммунистов и мелкобуржуазных радикалов до умеренно-консервативных сил. Вот почему многие современные индийские историки склонны рассматривать эволюцию Конгресса не просто как становление политической партии, а как развитие своеобразной организационной формы освободительного движения. Подобный характер Конгресса был логическим следствием стратегии и тактики его гандистского руководства, ставившего задачу на основе межклассового мира и определенного компромисса между различными идеологическими фракциями объединить все силы индийского национализма в антиколониальной борьбе, развертывавшейся в формах гандистской сатьяграхи и по планам, начертанным М. К. Ганди.

Подобный характер Конгресса как общественно-политической организации накладывал определенные ограничения на развитие международных связей и контактов, проводником которых был Неру. Это в первую очередь относилось к возможностям установления связей с международным коммунистическим движением, хотя Неру субъективно и признавал его как естественного союзника индийского освободительного движения. С другой стороны, расширение спектра внешних связей Конгресса в сторону буржуазного либерализма и социал-демократии ограничивалось проимпериалистическими и колониалистскими позициями лидеров этих политических течений в Европе и Северной Америке.

Трудности в установлении сотрудничества Конгресса или хотя бы его левого крыла с международным революционным движением создавались также сектант-

скими установками, получившими распространение в практике как отдельных компартий, так и Коминтерна в целом после его VI конгресса (1928 г.)⁶. Именно в силу этих особенностей в развитии мирового революционного процесса в конце 20-х — первой половине 30-х годов вхождение Индийского национального конгресса в Антиимпериалистическую лигу и работа в ее руководящих органах самого Неру остались наиболее ярким, но, к сожалению, кратковременным эпизодом в истории международных связей Конгресса в колониальный период его истории.

Антиимпериалистическая лига была создана на проведенном в Брюсселе в феврале 1927 г. Международном конгрессе против колониального гнета и империализма. Как на самом конгрессе, так и в рабочих органах Лиги были представлены политические течения весьма широкого спектра — коммунисты, левые социалисты и социал-демократы, демократические организации колониальных и полуколониальных стран. Историческое значение создания Лиги заключалось в том, что произошло объединение на общей антиимпериалистической и антиколониальной платформе демократических сил в метрополиях, колониях и полуколониях. При этом Лига взяла курс на поддержку и солидарность с Советским Союзом. В этих условиях эффективное функционирование Лиги могло бы внести существенные позитивные коррективы в расстановку политических сил как на национальном, так и на глобальном уровне и значительно укрепить фронт, противостоявший наступлению милитаризма и фашизма. Однако сектантская линия представителей многих компартий по отношению к буржуазным и мелкобуржуазным силам в национально-освободительном движении и к социалистам в метрополиях, проявившаяся уже на втором конгрессе Лиги в 1929 г. во Франкфурте, постепенно привела к ее ослаблению, а затем и к прекращению деятельности в 1935 г. Все попытки Неру противодействовать сползанию руководства Лиги на левосектантские позиции не имели успеха, и уже в 1930 г. Неру фактически прекратил сотрудничество с ее исполкомом. Эти драматические события разворачивались в контексте очень неоднозначных, сложных и порой противоречивых отношений между левыми конгрессистами и коммунистами, между Конгрессом и Компартией Индии.

В коммунистическом движении Индии всегда существовали, противоборствуя и взаимодействуя, две основные линии по отношению к Конгрессу: сотрудничества и борьбы. Первая из названных тенденций питалась осознанием того, что Конгресс представляет наиболее массовую и влиятельную общественно-политическую организацию, стоящую на позициях борьбы за национальную независимость страны. Вторая тенденция была обусловлена реальностями глубоких социально-классовых противоречий, классовой борьбы рабочих, крестьян и других групп трудящихся Индии, развернувшейся под руководством Компартии и массовых организаций, находившихся под ее политическим и организационным влиянием. К тому же проявление и даже доминирование в практической работе Компартии Индии той или иной из указанных тенденций стимулировалось установками, сложившимися в международном коммунистическом движении.

На начальном этапе истории коммунистического движения в Индии, в 20-е годы, коммунисты, активно действуя в организациях Конгресса различного уровня и открыто выступая на его форумах, пытались сделать более радикальными как его политическую платформу, так и методы его антиколониальной борьбы. Но этот период сменился этапом следования сектантской политической линии по отношению к Конгрессу, когда в конце 20-х — начале 30-х годов коммунисты иногда выступали инициаторами раскола массовых профсоюзных организаций и т. д.

Однако после VII конгресса Коминтерна (1935 г.) была выработана линия на превращение Индийского национального конгресса в орган единого антиимпериалистического фронта путем вхождения в Конгресс организаций Компартии и активного участия коммунистов в его массовых акциях. В середине — второй половине 30-х годов было восстановлено единство профсоюзного движения и усилилось влияние коммунистов в различных органах Конгресса. В этот же период коммунисты стали решающей силой в созданных в 30-х годах массовых организациях крестьян, молодежи, писателей, театральных деятелей. Этот процесс происходил на фоне значительного расширения в Конгрессе влияния его левых фракций, достигшего своей кульминации в 1936—1938 гг., в период избрания на пост президента Конгресса С. Ч. Боса и пребывания Дж. Неру на посту

генерального секретаря Конгресса. Хотя конгрессиистское руководство и не приняло предложения Компартии о коллективном вхождении в Конгресс, оно тем не менее не препятствовало вхождению в него коммунистов на индивидуальной основе.

Поворот в отношениях между этими двумя основными силами в национально-освободительном движении произошел в конце 30-х годов, после того как правые и правоцентристские силы в Конгрессе, обеспокоенные усилением в его руководстве левого крыла, используя инициативу М. К. Ганди, сместили С. Ч. Боса с поста президента Конгресса и вынудили покинуть его ряды. После этого были приняты организационные меры по ограничению деятельности коммунистов в партии. С этого времени с новой силой развернулась между Конгрессом и Компартией борьба за руководство национальным движением, — борьба, которая практически не прекращалась с самого начала возникновения коммунистического движения в Индии.

Новые драматические формы это соперничество обрело в годы второй мировой войны, когда в 1942 г. Компартия была легализована колониальными властями, а Конгресс, напротив, был запрещен после массовых выступлений летом того же года.

Легализуя деятельность Компартии Индии, английский империализм ставил сразу несколько задач. Во-первых, это был определенный жест в сторону своего союзника — Советского Союза; во-вторых, учитывалась позиция поддержки военных усилий Англии, которую Компартия заняла после начала Великой Отечественной войны; в-третьих, и это, пожалуй, главное, преследовалась цель противопоставить Компартию Конгрессу, внести раскол в освободительное движение и тем самым ослабить его. В прямом смысле последняя задача не была выполнена, поскольку Компартия Индии, значительно укрепив в годы войны свое влияние в организациях трудящихся, на последнем этапе борьбы за независимость (1945—1947 гг.) выступила как одна из наиболее активных и боевых сил в массовых антиколониальных действиях. Однако косвенно эта задача была решена в том плане, что легализация Компартии в 1942 г. была широко использована и используется до сих пор Конгрессом в идеологической борьбе с индийскими коммунистами. Этой позиции придерживается и В. Бхатия. Следует сказать, что ветераны ком-

мунистического движения Индии, активные участники освободительного движения уже неоднократно, на широкой документальной основе отвергали как совершенно необоснованные обвинения коммунистов в сотрудничестве с колониальными властями в период войны и доказали, что, напротив, коммунисты продолжали вести активную борьбу с колониализмом, в том числе участвуя в августовских событиях 1942 г., и подвергались жестоким репрессиям, несмотря на формальную легализацию своей деятельности⁷.

Какой же глубиной политического видения обладал Джавахарлал Неру, который в обстановке глубоких разногласий и даже борьбы с левыми силами вне Конгресса как внутри страны, так и за ее пределами сохранил целостность своих социалистических и демократических идеалов и верность курсу на дружественный союз с нашей страной!

Теоретически разработанная в годы освободительной борьбы и практически осуществлявшаяся Неру сразу же по достижении независимости доктрина дружбы и сотрудничества с силами мирового социализма, прежде всего с Советским Союзом, стала одним из важнейших факторов становления новой Индии.

Неру придавал большое значение установлению дипломатических отношений с Советским Союзом. Еще до провозглашения независимости Индии, вскоре после образования в августе 1946 г. временного правительства, в сентябре — октябре того же года состоялся обмен письмами между Дж. Неру и министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым. А 14 апреля 1947 г. было опубликовано сообщение о том, что Правительства Советского Союза и Индии решили с 13 апреля установить дипломатические отношения и обменяться послами. Это короткое сообщение символизировало начало нового этапа в отношениях между двумя великими странами. Решительный слом перегородок, которые английский колониализм пытался на протяжении целого тридцатилетия возвести между СССР и Индией, установление в полном объеме дипломатических отношений, несомненно, оказали в тот период серьезную внешнеполитическую поддержку народу Индии, способствовали достижению им независимости в августе 1947 г., а также ускорили процесс международного признания новой Индии.

С этого времени началось поступательное развитие советско-индийского сотрудничества в политической, экономической, научно-технической и культурной областях, переросшего в отношения прочной дружбы. Основы этого многостороннего сотрудничества были заложены еще при жизни Джавахарлала Неру, который затем дважды — в 1955 и 1961 гг. — посетил Советский Союз. Неру, в частности, придавал первостепенное значение торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству с Советским Союзом, справедливо рассматривая его как надежную опору в осуществлении разработанного им курса постепенной перестройки колониально-феодальной экономической структуры общества, превращения его в современное промышленно развитое государство. Объективно этому способствовало то обстоятельство, что как на экономическую концепцию Джавахарлала Неру, так и на проводившуюся под его руководством экономическую политику оказала серьезное влияние та «социалистическая струя» в его теоретических представлениях, которая возникла и развилась в 1917—1947 гг. в результате пристального изучения им теории и практики социализма.

Неру глубоко понимал решающее значение национальной экономики — фундамента и гаранта национальной независимости. Его стратегия и тактика в сфере экономических преобразований покоились на ряде основополагающих принципов.

Неру неоднократно подчеркивал, что единственный путь к увеличению национального богатства пролегает через индустриализацию.

Итак, первый основополагающий принцип — индустриализация как основа независимого экономического и, следовательно, политического развития.

Неру четко определял, что индустриализация означает создание ключевых отраслей промышленности, в первую очередь тяжелой промышленности, металлургии, машиностроения, при адекватном и опережающем развитии энергетической базы. Выступая еще в декабре 1952 г. в парламенте страны, он подчеркивал, что без ключевых отраслей промышленности Индия не сможет сохранить политическую независимость.

Итак, второй основополагающий принцип экономической концепции Неру — создание тяжелой про-

мышленности как стратегическое направление политики индустриализации.

Осуществляя политику независимого экономического развития, Неру ясно осознавал, что осуществить индустриализацию страны невозможно лишь на путях частнокапиталистического предпринимательства. В сложной индийской действительности 1950-х годов, в условиях необходимости проведения индустриализации при преобладании в народном хозяйстве полуфеодалного аграрного сектора, Неру искал собственные пути социально-экономических преобразований в Индии. Так возник третий основополагающий принцип — смешанной экономики, при преимущественном развитии государственного сектора.

Осуществление экономической модернизации и индустриализации в рамках смешанной экономики оказалось возможным лишь при условии внедрения в государственное регулирование народнохозяйственного развития плановых начал. Отсюда — четвертый основополагающий принцип его экономической политики: планирование. В этом принципе как бы сфокусировались главные аспекты индийской модели государственного капитализма, в которой развитие государственного сектора сочетается с ростом частнокапиталистического предпринимательства, регулируемого государством.

Наряду с индустриализацией страны Неру уделял особое внимание экономическим и социально-культурным преобразованиям в индийской деревне. Он был инициатором проведения антифеодалных аграрных реформ, внедрения различных форм сельскохозяйственной кооперации, включая производственную, разработки и осуществления крупномасштабной комплексной программы социальных и культурных преобразований в деревне. При этом он многократно подчеркивал необходимость тесной увязки программ преобразований в городе и деревне.

Таким образом, взаимозависимость и гармоничность в развитии промышленности и сельского хозяйства, модернизация последнего на основе проведения всеобъемлющих социально-экономических и агротехнических мер — все это составляет пятый основополагающий принцип стратегии экономического развития независимой Индии, разработанной и осуществлявшейся Джавахарлалом Неру.

Советско-индийское торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество внесло, как известно, значительный, а в некоторых случаях и решающий вклад в реализацию экономических планов и замыслов Неру. Десятки крупных промышленных объектов, сооруженных в Индии с советской помощью, стали ядром не только государственного сектора в целом, но и таких важнейших отраслей экономики, как энергетика, добыча и переработка нефти, металлургия, тяжелое машиностроение и др.

Все расширявшееся и приобретающее новые формы торгово-экономическое сотрудничество потребовало качественных сдвигов в научно-технических связях. Уже после кончины Джавахарлала Неру, в 70-е годы, были заключены широкомасштабные соглашения о сотрудничестве между плановыми органами обеих стран в области фундаментальных, в том числе общественных, наук и прикладных научно-технических исследований.

Естественным результатом многолетнего и многостороннего сотрудничества между двумя странами стал гигантский рост взаимного интереса советских людей и индийцев. Именно этот интерес, чему способствовали многократно возросшие за последнее сорокалетие личные контакты между гражданами двух стран, стал основой подлинного взрыва в культурных связях, достигших своей кульминации в фестивалях Индии в Советском Союзе и СССР в Индии, с успехом проходивших в 1987—1988 гг.

Фундаментом столь бурного развития дружественных многосторонних советско-индийских отношений явилось политическое сотрудничество между СССР и Индией, совпадение или близость точек зрения и подходов по всем ключевым вопросам международных отношений. Регулярные советско-индийские встречи на высшем уровне, доверительный характер отношений руководства обеих стран цементировали дело советско-индийского сотрудничества, покоящегося на прочной основе Договора о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г.

Продолжавшая шириться и крепнуть при преемниках Неру — Индире Ганди и Радживе Ганди — советско-индийская дружба стала одной из весомых реальностей всей системы современных международных отношений. Это было блестяще подтверждено подписанием исторической Делийской декларации в ходе

дружественного визита М. С. Горбачева в Индию в 1986 г.

Бурное развитие всестороннего советско-индийского сотрудничества, покоящегося на прочных основах дружбы народов двух стран, подтверждает всю жизненность и действенность как теоретического наследия Джавахарлала Неру, так и его реальных дел.

Как уже было сказано, теоретические основы внутри- и внешнеполитического курса Неру, в том числе и в сфере советско-индийских отношений, были разработаны им в тридцатилетие, предшествовавшее достижению Индией независимости. Анализ этого процесса и посвящена предлагаемая вниманию читателя монография Винода Бхатия, который, в значительной степени опираясь на свой опыт прохождения аспирантуры в Москве, всесторонне исследовал различные аспекты советско-индийских отношений. Вслед за этой книгой им были опубликованы в последующие годы: «Индийско-советские отношения: проблемы и перспективы» (1983); «Индия и страны СЭВ: области сотрудничества» (1984); «Индийский национальный конгресс и Советский Союз» (1985).

Рекомендуя широким читательским кругам книгу Винода Бхатии, мы надеемся, что она расширит их знания о недавнем прошлом великой Индии, о ее самом замечательном сыне — Джавахарлале Неру.

Г. Г. Котовский

Примечания к предисловию

¹ Горев А., Зимянин В. Неру. М., 1980; Ульяновский Р. А. Три лидера (М. Ганди, Джавахарлал Неру, Индира Ганди). М., 1986; См. также: Насенко Ю. П. Дж. Неру и внешняя политика Индии. М., 1975.

² Мировоззрение Джавахарлала Неру. М., 1973; Вафа А. Э.-Х. Исторические воззрения Джавахарлала Неру: Автореф. дис. М., 1975; Мартышин О. В. Политические взгляды Джавахарлала Неру. М., 1981; Вафа А., Литман А. Философские взгляды Джавахарлала Неру. М., 1987.

³ Неру Д. Автобиография. М., 1955; Неру Д. Открытие Индии. М., 1955; Неру Д. Взгляд на всемирную историю. М., 1975; Изд. 2. М., 1983. См. также: Неру Д. Внешняя политика Индии: Избр. речи и выступления. 1946—1964. М., 1965.

⁴ *Gautam Chattopadhyaya. Subhas Chandra Bose and Indian Communist Movement. New Delhi, 1973.*

⁵ *Mukerjee H. Bow of Burning Gold. A Study of Subhas Chandra Bose. New Delhi, 1977. P. 118.*

⁶ Подробнее см.: Коминтерн и Восток. М., 1969.

⁷ См., например: *Basavarunnalal M. Quit India Call and the Role of Communists. New Delhi, 1984; Gautam Chattopadhyaya. Arun Shourie's Slanders Rebutted. History has Vindicated the Communists. New Delhi, 1984.*

Введение

Сейчас, спустя десятилетия после провозглашения независимости, еще многие из наших соотечественников либо находятся в полном неведении относительно исторических основ внутренней и внешней политики Индии, либо, а есть и такие, не желают признавать их правильность. Те, кто недоволен проводимой в настоящее время политикой, вероятно, еще не осознали, что это — плод нелегкого опыта наших народов за последние два столетия. Политика не является творением каких-то отдельных личностей, созданным либо на базе тех или иных учений, либо на основе их собственных симпатий и антипатий. Хотя, конечно, личность гигантов, которые встали во главе движения в разгар борьбы за освобождение, оказывала влияние на ход исторических событий и даже на проводимый страной курс. На долю некоторых из них выпала неповторимая роль — обобщить пережитое нашим народом и сформулировать наши нынешние этические принципы. К их числу по праву относятся Махатма Ганди и Джавахарлал Неру, которым принадлежит первое место как авторам нашего современного взгляда на мир и политики. Джавахарлал Неру был единственным среди националистических деятелей, кто внес величайший вклад в наше понимание характера мировых сил, определяющих сегодня судьбы человечества.

Ясное представление об этих силах отличает Индию от большинства молодых освободившихся стран, хотя нам еще предстоит признать тесную связь внутреннего развития государств с действием внешних факторов. В то же время мы уже не говорим, что народ может сформулировать свои внутренние задачи и спокойно осуществить их в условиях враждебного окружения. Следовательно, очень важно хорошо знать, что собой представляют эти внешние силы, уметь сдерживать их или же использовать в своих целях.

Любопытным фактом нашей истории является и то, что интернационалист Джавахарлал Неру был более убежденным националистом, чем его противники, рядив-

шиеся в тогу ультранационалистов. В то же время, когда он подчеркивал самобытность индийского народа и его роль в мировой истории, его противники подыгрывали реакции и империализму, умаляя авторитет Индии в глазах остального мира. Стремясь к самостоятельности во всем, Неру не воспринимал идей других людей в качестве единственной истины, тем более что его противники не проявили ни способности, ни намерения сформулировать действительно независимые политику и взгляды.

Общепринято считать разумной политику, основанную на опыте страны, — это общеизвестная истина. Каким же был опыт Индии? Вторжение к нам европейцев означало господство иностранной державы — Англии. Но это господство отличалось от известного нам ранее. Прежние завоеватели не эксплуатировали нас в интересах своей «метрополии», а, напротив, становились частью Индии. Главной же целью европейского завоевания была эксплуатация покоренных стран в интересах «метрополий», расположенных в Европе. Европейские завоеватели использовали ресурсы покоренных стран с целью накопления капитала для своей индустриализации, они создавали рынки сбыта продукции своей молодой промышленности для собственного обогащения. Это различие необходимо понять прежде, чем мы перейдем к теме нашего исследования.

Европейцы не стали частью покоренных государств. Они относились с откровенным презрением к «туземцам», которых считали варварами, и всячески стремились сохранить свою исключительность. Иными словами, ими двигало не просто стремление к приобретению территорий, а логика мировой капиталистической экспансии. В конце концов эта логика переросла в империалистическую политику.

Индийцы, да и другие покоренные народы, однако, смотрели на приход европейцев как на еще одно вторжение иностранных завоевателей, полагая, что последние в конце концов ассимилируются с их собственной системой. В Индии многие образованные индийцы поступили на службу в Ост-Индскую компанию, подобно тому как раньше индийцы служили Моголам и другим правителям. И так же как в могольский период, главным требованием «туземцев» были уступки, поскольку никакой надежды на возможность сбросить власть иноземцев с помощью вооруженного сопротив-

ления не было. «Мятеж» 1857 г. представлял собой героическую, но бесплодную попытку изгнать чужеземных правителей.

Образованные индийцы все же вряд ли понимали характер своей зависимости или природу капитализма и империализма. Винить их за это нельзя, поскольку даже европейская интеллигенция лишь к концу прошлого столетия начала уяснять пороки промышленной революции в своих собственных странах. И хотя Карл Маркс вскрыл истинную сущность капитализма, его открытие долгое время почти никак не влияло на европейских мыслителей. Индия же ничего не знала о споре относительно промышленной революции, капитализма и империализма, который велся в Европе, и до конца прошлого столетия не была знакома с Марксовой теорией и философией.

Она конечно же не была погружена в сон, но погрязла в невежестве и предрассудках. Ее народ можно было повести в бой, хотя и неизвестно чем кончающийся — победой или поражением, но поднять его на революцию против эксплуататоров было невозможно. Для этого требовались просвещение и подготовка, иначе говоря, пробуждение масс. Религиозные деятели прошлого века старались напомнить о прошлой славе Индии и разбудить национальное самосознание, а реформаторы и писатели стыдили народ за то, что он пал так низко. Когда же доведенная до отчаяния страна принялась искать пути борьбы с британским господством, Ганди дал ей в руки уникальное оружие борьбы против могущественной Британской империи — ненасильственное несотрудничество. А Неру лучше, чем кто-либо другой, нарисовал картину современной Индии и мира, в котором она жила.

Мы очень скоро забыли Махатму — «отца нации», и многие пренебрежительно относятся к его методам и идеям. Редко кто вспоминает, что, не будь его, Индия все еще умоляла бы вице-королей об уступках либо переживала бы опасности и разрушительные последствия насильственной революции. Когда на политическую арену вышел Ганди, во главе Индийского национального конгресса стояли представители городской, в первую очередь образованной, буржуазии, не имевшие никакого представления о том, как добиться освобождения страны. Фактически они даже и не ставили такой цели. Они питали туманные надежды на то, что

в конечном счете Индия могла бы стать доминионом его британского величества, где они получили бы больше постов и привилегий. Ганди все это изменил и превратил Конгресс в массовую организацию. Он предложил новый метод борьбы, отвечавший характеру индийской действительности, и выдвинул идею самоуправления. Никто, даже Неру, не смог бы сделать это. Таков неповторимый вклад Махатмы, признанный Неру, который назвал Ганди «отцом нации».

Поэтому если Махатму следует считать величайшим организатором освободительной борьбы Индии, то Неру являлся ее самым прилежным учителем и строителем. Он оказал влияние на целое новое поколение индийцев и заложил основы нашей политики, ни одна из которых не пошатнулась впоследствии.

Во время борьбы Индии за освобождение члены Конгресса не понимали ни природы капитализма, ни природы империализма. Известно, что Сардар Валлабхай Патель* выговаривал Неру за его восторженное отношение к социализму и заявлял, что капитализм можно очистить от его пороков. Неру же таких иллюзий не питал. Сегодня мы можем сказать, что Патель был не прав, а Неру — прав. Капиталистическая эксплуатация ведет лишь к перекладыванию богатств из одного кармана в другой, но чужеземная эксплуатация приводит к обнищанию страны. Сейчас западный капитализм идет на какие-то уступки внутри своих стран, усиливая в то же время эксплуатацию более слабых государств. Однако пороки капитализма из-за этого стали еще более ощутимыми. Он сплотился в могущественную фалангу для сохранения так называемой экономики «свободного рынка», т. е. капиталистической системы эксплуатации.

Возможно, Патель полагал, что и империализм можно очистить от его пороков. Но у Неру и в отношении империализма не было никаких иллюзий. В то же время члены Конгресса, солидарные с Пателем, после достижения независимости обратили свои взоры на Запад, добиваясь проведения Индией прозападной политики. Это объяснялось либо тем, что их боязнь

* Сардар Валлабхай Патель (1875—1950) — видный деятель правого крыла Индийского национального конгресса, начиная с 1930-х годов министр внутренних дел, заместитель премьер-министра в первом правительстве независимой Индии (здесь и далее примеч. ред.).

«безбожного коммунизма» была сильнее ненависти к империализму, либо тем, что они были очень заинтересованы в системе частного предпринимательства, обеспечивавшей верхушке общества социально-экономические блага, и не могли понять, в чем заключаются подлинные национальные интересы Индии.

Конгресс являлся организацией, в которой были представлены различные точки зрения, от самых реакционных до самых прогрессивных. В период освободительной борьбы он не пожелал заняться разработкой своих экономических воззрений из опасения внести разброд в националистическое движение. И это было правильно. Многие конгрессисты не хотели выходить за рамки безобидных социальных программ Ганди. Но активные противники социалистических программ Неру уже тогда готовились к борьбе с ним. Они втайне отстаивали западную модель свободного предпринимательства. Отсюда их нежелание высказывать свои взгляды открыто. Неру же был не только автором всех экономических программ, когда-либо выдвигавшихся Конгрессом, но и их самым активным пропагандистом.

Конгрессисты также не понимали истинной сущности империализма. Поэтому они ограничивались требованиями уступок, самоуправления, статуса доминиона и т. п. А Неру имел ясное представление о природе империализма и поэтому соглашался лишь на полную независимость. Потребовалось немало лет, а также усилий, чтобы убедить Конгресс в необходимости добиваться полной независимости. И даже тогда английские власти смогли побудить консерваторов в рядах Конгресса заменить во внесенной Неру резолюции требование о полной независимости требованием о статусе доминиона, в результате чего он вынужден был действовать самостоятельно, вне Конгресса, но оставаясь в его рядах, чтобы развернуть упорную борьбу за полную независимость. Но и после достижения Индией независимости стало ясно, что многие конгрессисты все еще не понимают, что такое империализм.

Эти противоречия внутри Конгресса имели катастрофические последствия. После провозглашения независимости правые на каждом шагу пытались мешать проведению в жизнь политики Неру, сводить на нет ее результаты. К тому времени, когда пост премьер-министра заняла Индира Ганди, положение стало настолько серьезным, что в Конгрессе дважды про-

изошел раскол, оказавшийся неизбежным и необходимым для того, чтобы внести какое-то единообразие в политику. В результате те, кто всю жизнь сопротивлялся политике Неру, оказались на свалке истории, а политика Неру легла в основу политической деятельности Конгресса.

В данной книге рассматривается главным образом эволюция позиций Индии по отношению к Советскому Союзу, зарождение и дальнейшее развитие этих связей в эпоху Неру. Однако следует указать, что в основе этого процесса лежало понимание Неру трех важных моментов, а именно: Индия не может быть союзником империализма; необходим новый международный порядок, основанный на социалистических принципах; Индия должна построить у себя социалистическую форму общества. Неру уже заявил, что будущее принадлежит социализму. Следовательно, он должен был разработать социалистическую программу развития Индии, поддерживать социалистический международный порядок, который создал бы надлежащие условия для развития страны.

Какое же место занимал Советский Союз в глобальной концепции Неру? Он вернее всех в Индии оценил значение русской революции 1917 г. Он увидел в ней мощный удар по империализму, а в Советской России — антиимпериалистическую силу, союзника угнетенных народов. Он уже получил какое-то представление о социально-экономической программе большевиков, знакомясь с социалистическими учениями и фабианством в Англии, и поэтому пришел к выводу, что возникает новая общественно-экономическая система, противоположная капиталистической. Он также считал Советскую Россию единственной надежной антиимпериалистической силой и утверждал, что для создания нового мирового порядка, свободного от империализма, необходимо, чтобы Индия боролась вместе с Советским Союзом. А поскольку будущее принадлежит социализму, то именно в Советском Союзе создается жизнеспособная модель нового, социалистического общества. Короче говоря, выдвинутая Неру политика дружбы с Советским Союзом неизбежно вытекала из его мировоззрения. Этому способствовал и его прагматизм. Вот потому-то даже тогда, когда Неру не одобрял каких-то сторон советской действительности, он был убежден, что новое советское обще-

ство останется верным основному направлению своего развития и политики.

Политика дружбы с Советским Союзом возникла еще до достижения Индией независимости. Она уходит корнями в антиимпериализм Индии, в международную политику Советского Союза, отражала глубокую тревогу Индии за судьбу Советской страны во время нападения на нее германского фашизма, а также видение Неру будущего мира. Лучшим доказательством этого беспокойства Индии за судьбу Советского Союза и ее стремления поддерживать с ним дружественные отношения является возникновение во время войны обществ друзей Советского Союза повсюду в Индии. Обществ для поддержки других стран, также участвовавших в войне, в то время в Индии не создавалось.

В Конгрессе и вне его было немало противников дружбы Индии с Советским Союзом. Но это не влияло ни на политику Неру, ни на ход событий, поскольку налицо в них была внутренняя логика.

Неру обладал большим даром предвидения. В 1927 г. он предсказал, что Англия в конце концов превратится в сателлита Америки и что последняя станет крупнейшей империалистической державой. Он также предвидел, что единственной державой, противостоящей неоимпериализму, будет Советский Союз и что Индии и СССР придется вместе бороться за сохранение мира на Земле и независимость народов. Поэтому, хотя вначале индийско-советские отношения развивались медленно, это его не обескураживало, и он продолжал усилия, направленные на укрепление этих отношений. Когда же Советский Союз в свою очередь понял логику поведения Неру, то не оставалось ничего, что помешало бы неуклонному развитию отношений между СССР и Индией. Это было подтверждено логикой последующего развития, когда на протяжении десятилетий, уже в наше время, они ни разу не были чем-либо омрачены.

В отличие от развития этих отношений американская политика с самого начала существования независимой Индии была направлена на то, чтобы помешать ее превращению в могущественную державу. Индия не бралась в расчет в американской политике потому, что не желала служить интересам США. Советский Союз, наоборот, устами своих руководителей

неоднократно заявлял о своем стремлении видеть Индию великой мировой державой. Я не собираюсь заниматься здесь глубоким анализом советской политики последнего времени. Достаточно лишь сказать, что мы считали необходимым выступать вместе с Советским Союзом, чтобы нанести поражение империализму, что Советский Союз также рассматривал дружбу с Индией как важнейший фактор своей борьбы против империализма. Вот эта-то взаимная заинтересованность и обеспечила самую прочную основу для такой дружбы.

Неру был создателем этой дружбы, а также ее защитником и теоретиком. Именно благодаря его взглядам и политике Индия вписала в свою конституцию в качестве одной из целей социализм. Если мы остаемся неприсоединившейся страной, то потому, что слишком хорошо знаем, что такое империализм и колониализм, о чем не раз говорил Неру. Если мы остаемся друзьями Советского Союза, то ведь мы были его друзьями и в годы войны, и до нее, и позднее, когда один лишь Советский Союз в кризисные моменты вставал на сторону Индии и оказывал помощь в осуществлении чаяний нашего народа.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в данной книге рассматривается только роль Джавахарлала Неру и Индийского национального конгресса в развитии индийско-советских отношений. Различные видные деятели, а также другие политические партии тоже внесли свой вклад в расширение этих отношений как до достижения независимости Индии, так и потом. Но их деятельность не входит в тему настоящей работы.

Винод Бхатия

Становление националиста*

(1889—1917)

«Появление Лютера 17 апреля 1521 г. в Вормсском сейме может считаться величайшим событием современной истории Европы, событием, с которого начинается вся последующая история цивилизации... С одной стороны, там сидит вся знать, там и власть, с другой — встает на защиту истинного слова божьего один человек, Мартин Лютер, сын бедного шахтера... Это, как мы говорим, величайшее событие современной истории человечества. Английский пуританизм, Англия и ее парламенты, события, происходившие в Америке в эти два столетия, французская революция, Европа и все, что в ней делается в настоящее время, — зародыш всего этого надо искать там...»¹

Так писал Карлейль** о великом творце европейской Реформации. То же самое мы можем сказать о Джавахарлале Неру, создателе современной Индии, последнем из великих титанов, рожденных угнетенным, но гордым народом, показавшим миру, что хотя он и побежден, но не покорен. Боги, казалось, одарили Неру всем, чем могли: он сочетал в себе гордость Рама Мохан Роя, чистейшую духовность Даянанда Сарасвати, пламенный национализм Тилака, миссионерский пыл Вивекананды*** и поэтический ум и видение

* Этим термином в индийской литературе называют участников национально-освободительного движения.

** Томас Карлейль (1795—1881) — английский писатель, публицист и историк, оказавший значительное влияние на формирование взглядов индийской интеллигенции с конца XIX в.

*** Рам Мохан Рой (1772—1833) — ранний индийский просветитель и религиозный реформатор, предшественник индийского национализма; Свами Даянанд Сарасвати (1824—1883) — реформатор индуизма, основатель религиозно-реформаторского общества «Арья самадж» (Общество ариев); Бал Гангадхар Тилак (1856—1920) —

Рабиндраната Тагора. А Махатма Ганди, величайший вождь индийского народа, одарил его чисто индийским качеством — любовью к миру и ненавистью ко всякому насилию.

Не появившись он в тот исторический момент, когда будущее Индии определялось заново, развитие этой страны, да и всего мира, приняло бы иной, несомненно худший оборот.

Неру все еще с нами, все еще в наших сердцах. Было бы неверно сейчас ставить его на один пьедестал с великим Ашокой или Акбаром*, двумя величайшими сыновьями Индии. И тем не менее в будущие столетия он займет место рядом с ними. Каким же был этот человек, ставший вершителем судеб, любимец своих родителей, застенчивый ученик наставников-европейцев, студент, изучавший уголовное право других стран, юноша, искавший свое призвание, вождь освободительного движения Индии, зрелый государственный деятель и обожаемый герой широких масс индийского народа?

Джавахарлал Неру родился 14 ноября 1889 г. Его предки, выходцы из Кашмира, служили могольским императорам в Дели и занимали при их дворе видное положение. После восстания 1857 г. и окончательного краха династии Великих Моголов семейство Неру (Кауль) переехало в Агру, где вскоре заняло видное положение среди местной аристократии. Отец Джавахарлала, Мотилал, получил образование в Агре. Затем он переселился в Аллахабад, стал известным и богатым адвокатом, жил в поистине княжеской роскоши. Его семья пользовалась большим уважением у жителей Аллахабада. Будучи националистом в широком смысле этого слова, Мотилал Неру в то время мало чем отличался от других получивших английское образование индийцев. Подобно им, он ценил преимущества западного образования для индийцев, западную цивилизацию.

один из крупнейших деятелей освободительного движения в Индии, в 1880—1920-х годах — лидер левого крыла индийского буржуазного национализма; Свами Вивекананда, подлинное имя — Нарендра-натх Датта (1863—1902) — реформатор индуизма и философ, учение которого по своему социальному содержанию было близко к мелкобуржуазному радикальному направлению в индийском национализме.

* Ашока — древнеиндийский царь из династии Маурьев, правивший обширной империей в 268—231/32 гг. до н.э.; Акбар (1542—1605) — наиболее выдающийся правитель (1556—1605) из индийской мусульманской династии Великих Моголов (1526—1858).

Поэтому он выступал за связи с Англией и видел в них путь к спасению своей страны. Мотилал Неру, естественно, хотел, чтобы его единственный сын — Джавахарлал мог вести такой же образ жизни и получить такое же образование, как и англичане.

Джавахарлал Неру вырос в атмосфере европейской культуры и с младенческих лет находился под влиянием западного образа жизни. До пятнадцати лет его учили учителя-европейцы, в частности англичане, после чего его отправили для продолжения учебы в Харроу. Поэтому неудивительно, что, прибыв в Англию в 1905 г., он инстинктивно относился с большой приязнью к англичанам. В своей «Автобиографии» он писал: «Я не ощущал... никакой вражды к отдельным англичанам... В душе я даже восхищался ими»².

В Аллахабаде Неру, впрочем, как и вся его семья, вел замкнутую жизнь. Пробуждавшееся среди индийцев стремление избавиться от чужеземного господства почти не затрагивало членов этой семьи. Первые проявления национального самосознания приняли форму религиозного возрождения. Целый ряд подобных движений возник в различных районах страны. Все они в конечном счете вызвали к жизни новое сознание единства Индии и ее судеб и вылились в националистические настроения, которые на протяжении чуть ли не столетия получали все большее распространение*.

У колыбели индийского возрождения стояло общество «Арья самадж»**. Его предшественником был «Брахмо самадж»*** в Бенгалии. Свами Вивекананда поднял национальную историческую миссию Индии до

* В просветительских и религиозно-реформаторских движениях в Индии в XIX — начале XX в. проявились общественные процессы, вызванные как влиянием европейской буржуазной культуры на имущие слои индийского общества, так и развитием капитализма в самой стране.

** Религиозно-реформаторское общество «Арья самадж» (Общество ариев), основанное в 1875 г., развернувшее деятельность главным образом в Пенджабе и других районах Северо-Западной Индии в конце XIX — начале XX в., отражало в религиозной форме политические устремления националистически настроенных мелкобуржуазных слоев. Арьясамаджисты выступали за определенную демократизацию индусской религиозной общины, проповедуя возврат к древним ведическим истокам индуизма.

*** Религиозно-реформаторское и просветительское общество «Брахмо самадж» (Общество Брахмы), основанное в 1828 г. Рам Мохан Роём, выражало стремление части индийской интеллигенции приспособить индуизм к потребностям буржуазного развития страны.

уровня интернациональной. Вернувшись с Всемирного конгресса религий в Америке, он заявил: «Мы должны выйти за пределы страны, завоевать мир своей духовностью и философией... Единственное условие для национальной жизни — более активной национальной жизни — завоевание мира индийской мыслью»³.

А тем временем началось и политическое пробуждение, борьба за свободу Индии как в рамках закона, так и с применением силы. 28 октября 1885 г. в Бомбее был основан Индийский национальный конгресс. В 1891 г. активно включился в политическую деятельность пламенный патриот и националист Бал Гангадхар Тилак, оказавший впоследствии большое влияние на Неру. Но семья Неру все еще оставалась в стороне.

Джавахарлал Неру признает, что в детстве был одинок и не имел возможности общаться с другими детьми своего возраста. Первые одиннадцать лет он был в семье единственным ребенком. Изолированности Джавахарлала способствовало решение отца не посылать его в школу и учить дома. Это сильно сказалось на его характере, привило любовь к раздумьям и серьезному чтению, сохранившуюся у него на всю жизнь. Одиночество сопровождало его также на протяжении всех перипетий позднейшей индийской истории*.

Мотилал Неру был любящим отцом и больше всех влиял на Джавахарлала в детстве. Человек сильного характера, он определял все стороны жизни сына и принимал за него все решения. Мальчик редко мог сам что-либо предпринимать. Впоследствии Неру иногда проявлял недостаточную твердость и нежелание принимать неприятные решения. Это приписывали его либерализму, что, несомненно, верно. Но возможно, это объясняется его зависимостью от отца в годы, когда он формировался как личность, а позднее и от Махатмы Ганди. Он сам признает, что и отец и Махатма оказали на него сильное влияние.

Однако в формировании его мировоззрения и взглядов решающая роль принадлежала ему самому. Неру был не по годам развитым мальчиком. На его характер в ранние годы значительное влияние оказал его учитель Фердинанд Т. Брукс, прививший ему любовь

* Речь идет о том, что Неру рано овдовел — его жена Камала умерла в 1936 г.

к чтению, сделавший его восприимчивым к европейскому мировоззрению, в первую очередь научному. Он также приобщил юношу к теософии. Но поскольку религия не волновала Джавахарлала, после отъезда Брукса интерес к теософии у него пропал. Любовь же к науке он сохранил на всю жизнь, что определило в дальнейшем его научный подход к действительности.

Однако не только Брукс влиял на ум юного Джавахарлала. Его мать и тетка, будучи чрезвычайно религиозными, рассказывали ему разные истории из «Рамаяны» и «Махабхараты» *. Эти истории, а также книги, которые он читал сам, пробуждали в Джавахарлале какую-то не совсем осознанную гордость за прошлое Индии. Он еще не был знаком с великими классическими произведениями Индии, с ее богатым наследием, но уже начинал гордиться тем, что является наследником великой цивилизации. На этой плодородной почве выросли первые ростки его национализма. Есть свидетельства, говорящие о том, что еще до отъезда в Англию Джавахарлал знал о растущем недовольстве своих соотечественников британским господством и их стремлении освободить Индию от иноземного завоевания.

После установления владычества Англии над Индией начался распад индийского феодального общества. Появился класс новых землевладельцев **. Рост капиталистических отношений при британском правлении способствовал возникновению социальных противоречий. Эксплуатация Индии Англией влекла за собой массовое разорение, в первую очередь ремесленников. В результате уровень бедности поднялся до ранее не известного в Индии. Постоянным явлением стала растущая безработица в деревне и городе. Образованные индийцы с трудом находили работу, что усиливало недовольство и обостряло противоречия между индийской буржуазией и колониальными властями. В то же время английская администрация все более открыто подчеркивала приниженное положение «туземцев» и их якобы врожденную неспособность выполнять ответственную работу. Именно это расистское

* Древнеиндийский эпос, являющийся энциклопедией индусской мифологии.

** Речь идет о так называемых помещиках-заминдарах, получивших права земельной собственности в ходе введения в Индии с конца XVIII в. колониальной земельно-налоговой системы.

презрение к «туземцам» особенно оскорбляло и унижало достоинство образованных индийцев. Так же как и у многих других, у Джавахарлала, еще мальчика, это презрительное и пренебрежительное отношение вызывало негодование. Позднее он писал: «Я негодовал на чужеземных властителей моей родины, возмущался их поведением, и всякий раз, когда кто-либо из индийцев давал им сдачи, меня это радовало»⁴.

Большое впечатление произвела на Неру русско-японская война 1904 г., закончившаяся победой небольшой азиатской державы — Японии над крупной европейской державой — Россией. Эта победа вызвала у него горячий восторг и повысила его интерес к происходившему в мире. В его глазах победа Японии в каком-то роде символизировала возрождение Азии. Он писал: «В уме моем теснились националистические идеи. Я размышлял об освобождении Индии и об избавлении Азии от европейского ига. Я мечтал о смелых подвигах, о том, как буду с мечом в руках сражаться за Индию и помогу ее освобождению»⁵.

Интерес Джавахарлала Неру к международным делам и его понимание их усилились с первых дней пребывания в Англии. Он приехал туда в 1905 г., когда Британия была настоящей владычицей морей. Англия, метрополия величайшей империи мира, явилась для него удобным местом для наблюдения за событиями, происходившими в мире. Он сразу же заинтересовался выборами 1905 г. в Англии, на которых победила либеральная партия. Когда она сформировала новое правительство, Джавахарлал оказался единственным учеником в классе, который смог перечислить по просьбе учителя весь состав нового кабинета министров, к зависти своих английских соучеников.

В Харроу он продолжал серьезно заниматься. Кроме того, он внимательно читал английские газеты, в которых сообщалось о разделе Бенгалии в 1905 г., об участвовавших выступлениях в Индии против англичан. Индийские руководители призывали к бойкоту английских и других иностранных товаров и настаивали на пользовании изделиями свадеши*. Эти два лозунга в ближайшие годы легли в основу индийского национали-

* Свадеши — букв. «отечественный» — так называлось общественное движение, возникшее в конце XIX в., за поощрение национального предпринимательства.

стического движения. В ответ англичане, особенно в Пенджабе, Бенгалии и Махараштре, тогдашних центрах националистического движения, усилили притеснения. Происходили волнения среди рабочих, которыми руководил Тилак и которые завершились бомбейской стачкой 1908 г. Тилак был арестован. Аресту подверглись и многие другие руководители движения. Об этих арестах и широких репрессиях писала английская пресса.

Неру симпатизировал Тилаку и его «экстремистской» партии. «Экстремисты» выступали против ограничения борьбы конституционными рамками, на чем настаивало старшее поколение индийских националистов. Повсюду в Индии воцарились новые идеи, и они, конечно, были радикальными и даже революционными. «Почти все мы поголовно были приверженцами Тилака, или экстремистами, как называли сторонников этой новой партии в Индии»⁶, — писал Неру об этом периоде.

В Пенджабе национализм возник в лоне движения «Арья самадж». Вдохновителем обоих этих движений был выдающийся националистический лидер Лала Ладжпат Рай*. ««Арья самадж» напомнило, — писал он, — что Индия не только индусская страна. Ее процветание и будущее зависят от сочетания индуизма с более великим «измом» — индийским национализмом, которое одно лишь в состоянии обеспечить Индии надлежащее место в содружестве наций. Все, что может препятствовать или даже мешать достижению этой цели, — грех, для которого нет никакого искупления»⁷. Так говорили националисты, и в Пенджабе назревал взрыв. Известие о высылке англичанами Лала Ладжпат Рая, как и о заключении в тюрьму Тилака, произвело сильнейшее впечатление на Неру.

А пока что он усиленно учился, много и жадно читал. За успехи в учебе он был награжден — получил книгу Дж. М. Тревельяна о Гарибальди, героя итальянской национально-освободительной борьбы. Книга произвела глубокое впечатление на Неру, уже искавшего героев как пример для подражания. Он приобрел остальные книги этой серии и с жадностью их проглотил. В результате «мне представлялись подобные

* Лала Ладжпат Рай (1865—1928) — один из лидеров радикального крыла индийских националистов в Пенджабе.

же события в Индии, мужественная борьба за освобождение родины; Индия и Италия причудливо сливались в моем воображении»⁸.

В Харроу Неру делал большие успехи не только в занятиях, но и в спортивных играх. В отличие от английских мальчиков у него был широкий круг интересов, что и выделяло его среди других. По уровню умственного развития он далеко обогнал остальных учеников. Однако школа в Харроу не удовлетворяла его запросов. Ему хотелось приобщиться к более активной жизни в университете. Написав об этом отцу, он подчеркнул, что его интересы и склонности очень отличаются от интересов и склонностей его соучеников, которые, будучи старше его по возрасту и обучаясь в старших классах, по его мнению, были больше заняты почти детскими увлечениями.

В октябре 1907 г. после двухлетнего пребывания в Харроу Джавахарлал поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета, чтобы получить степень бакалавра наук. Три года, проведенные в Кембридже, были в своем роде решающими. Кругозор Неру расширился. Он по-прежнему увлекался чтением — читал о французской революции, о борьбе ирландцев за свободу и борьбе за объединение Италии. Книг об Индии было мало, но он прочитывал все, что мог достать. Больше всего его интересовали работы, в которых критиковались английское управление Индией и его отрицательные последствия для страны.

Именно в Кембридже Неру увлекся идеей освобождения Индии, стал даже просто одержим ею. Поездка в Дублин (в Ирландию) и знакомство с движением шинфейнеров* не только дали ему новое представление о борьбе за свободу, но и еще больше утвердили его в правоте дела Индии. Кроме того, сильное впечатление на него произвел радикализм ирландских националистов, что побудило его осудить нерешительность индийских умеренных и их бессистемные выступления против британского господства. Он сравнивал индийских экстремистов с ирландскими шинфейнерами. Не случайно известие о расколе Индийского национального конгресса в Сурате и об исключении из него экстре-

* Шинфейн (Синфейн) — организация ирландских националистов, которая вела борьбу против английского колониализма.

мистов сильно его расстроило *. Короче говоря, события, а также собственное понимание и толкование их неуклонно подталкивали Неру ко все большему несогласию с политикой, которую проводил Конгресс, занимавшийся в основном разговорами.

Разочарование, которое испытывал Неру, нашло свое выражение в письмах к отцу, свидетельствовавших о его несогласии с политикой умеренных, в том числе и с отцом ⁹.

Тем временем Мотилал Неру все больше втягивался в водоворот индийской политической борьбы. Он тяжело переживал раздел Бенгалии **, будучи убежден, что эта акция произведена отнюдь не по административным причинам, и видел в ней далеко идущий заговор английской администрации.

В связи с быстрыми изменениями, происходившими в националистическом движении, Джавахарлал ожидал, что его отец примкнет к радикалам. Но темперамент и полученное им образование подталкивали Мотилала к умеренным позициям. Кроме того, среди умеренных у него было много личных друзей. Прочитав статью отца в издававшейся англичанами в Лакхнау газете «Пайонир», Джавахарлал в одном из своих писем покритиковал его сверхумеренность, чем разгневал отца.

Мотилал продолжал заботиться о карьере сына. Он надеялся, что тот поступит на государственную службу и станет одним из привилегированных индийцев, однако очень скоро понял, что ни государственная служба, ни, вероятно, занятия правом не интересуют Джавахарлала, который написал в одном из писем, что комиссия по приему на государственную службу руководствуется политическими мотивами. Что касается занятий правом, то здесь были другие соображения: Мотилал опасался, что при горячей любви к литературе сын вряд ли добьется успеха на этом поприще.

В Англии это было время популярности фабианства. Величайшие английские умы мечтали об обще-

* На очередной сессии (съезде) Индийского национального конгресса в г. Сурат фракция «крайних» во главе с Тилаком вышла из партии.

** 16 октября 1905 г. вступил в силу закон о разделе Бенгалии на две провинции — с преимущественно индусским и мусульманским населением, имевший цель дезорганизовать освободительное движение в этой части страны.

стве справедливости и равенства. Сидней и Беатриса Вебб, Бертран Рассел, Джордж Бернард Шоу и Кейнс выдвигали новые идеи, высмеивая взгляды и обычаи викторианского общества. Неру следил за их выступлениями с большим интересом. В то время никто не оказывал на него особого влияния. Его мировоззрение находилось еще в процессе становления. Но научный и рационалистический настрой новых мыслителей не оставлял его равнодушным. Больше всего его привлекали социалистические идеи. Фабианское учение носило гуманистический, либеральный и утопический, а не научный характер и вызывало у Джавахарлала в то время чисто академический интерес. Эти идеи стали играть стимулирующую и направляющую роль тогда, когда под влиянием русской революции 1917 г. он задумался над необходимостью социального переустройства Индии.

Завершив в 1910 г. университетское образование, Неру все еще не определил свое будущее. Он, конечно, подумывал о поступлении на государственную службу, но в конце концов отказался от этой мысли. Мог он заняться и адвокатской практикой, пойдя по стопам отца, что дало бы ему ряд преимуществ. Наконец он выбрал право и переехал в Лондон, где спустя два года получил звание адвоката.

В 1912 г., после семилетнего пребывания в Англии, Неру вернулся в Индию. Эти семь лет сыграли важную роль в его жизни. На него, как и на многих других иностранных студентов, Англия произвела самое благоприятное впечатление, не имевшее никакого отношения к завоеванию колоний и жестокому управлению ими. Это были впечатления иного рода, навеянные английским образом жизни, английской литературой и научными достижениями и прежде всего любознательностью, любовью англичан к приключениям и их приверженностью демократии. Неру смотрел на мир глазами англичан, хотя не всегда то, что он видел, нравилось ему. Но семена национализма, посеянные на почве научных наблюдений и опыта, взошли и дали ростки.

Индия в этот период также претерпевала изменения. Появились зачатки национальной промышленности. В 1911 г. компания Тата открыла первый металлургический завод. В городах, особенно в Бомбее и Ахмадабаде, росла численность фабричных рабочих.

Хотя ведущую роль в политической жизни Индии играли Тилак и Анни Безант*, на арене уже появился и Ганди. Методы борьбы, предложенные Ганди, отличались от методов как умеренных, так и «экстремистов». Он стремился превратить националистические устремления низов в массовое движение.

Джавахарлалу все меньше нравилась его жизнь в Аллахабаде. Профессия адвоката не доставляла удовлетворения, хотя к этому времени он работал в высшем суде Соединенных провинций. Атмосфера в судах казалась ему удушающей. «В моем адвокатском прошлом было мало приятного, — признавался он, — и никогда больше я не испытывал желания вернуться к нему»¹⁰.

Деятельность Индийского национального конгресса тоже не отличалась живостью, ограничиваясь бесконечными спорами о том, как добиться от англичан большего участия в управлении страной. Некоторое оживление вносили только «экстремисты», выступавшие за более радикальные действия. Но большинство «экстремистов» после исключения из Конгресса находились либо в тюрьмах, либо в эмиграции. Кое-какие, хотя и ничтожные, возможности включиться в систему управления страной дали — в первую очередь индийским средним классам — реформы Морли — Минто 1909 г. А после объединения Бенгалии в 1911 г. у Конгресса, и прежде всего у умеренных, которые все еще доминировали в индийской политической жизни, оставалось мало причин для вражды с английским «раджем»**.

Джавахарлал Неру стремился к тому, чтобы националистическое движение развивалось как действенное и радикальное, которое восприняло бы его страстные идеи и молодой задор. Но в условиях господства умеренных в индийской политической жизни это было невозможно. «...Постепенно жизнь, которую вел я... начала утрачивать свою новизну, и я чувствовал, что меня затягивает серая рутина бессмысленного и бесполезного существования... Обстановка явно не способствовала

* Анни Безант (1847—1933), ирландка по происхождению, — английская радикальная общественная деятельница, жила в Индии с 1893 г., где была среди руководителей Теософского общества, а накануне и в годы первой мировой войны — руководителем движения за самоуправление — гомруль — и одним из лидеров Индийского национального конгресса.

** Букв. «правление», «режим».

пробуждению мысли, и у меня все усиливалось ощущение полнейшей бесцветности жизни»¹¹, — писал Неру.

В 1912 г. Джавахарлал присутствовал на сессии Конгресса в Банкипуре. По его мнению, она не имела никакого политического значения. Однако в 1913 г. он вступил в организацию Конгресса в Соединенных провинциях и принял участие в некоторых ее собраниях. Неру заинтересовался системой кабальных договоров о вывозе рабочей силы английской администрацией на Фиджи и в Восточную Африку для работы на принадлежавших англичанам плантациях. Он включился в кампанию борьбы против тяжелых условий труда индийских рабочих в этих районах. Индийских националистов в то время волновала также проблема расизма в Южной Африке, поскольку в этой стране поселилось большое число индийцев. Хотя и эти вопросы также привлекли внимание Неру, его интерес к политике в целом все еще оставался слабым. Причин для того, чтобы окунуться в нее с головой, пока что не было.

Заинтересовавшись деятельностью Гокхале*, Неру прочитал его книгу «Общество слуг Индии», но ее чересчур умеренная направленность ему не импонировала. Однако в 1915 г. он взялся за сбор средств в помощь индийцам — жертвам расизма в Южной Африке, начатый по инициативе Гокхале. Поскольку более значительные возможности, по его мнению, открывало движение за самоуправление (гомруль), которое возглавляли Анни Безант и Тилак, Неру стал сотрудничать с Анни Безант. Движение за самоуправление, руководимое ею, получило большой размах. Ее пламенное красноречие воодушевляло многих радикально настроенных молодых людей, в число которых входил и Джавахарлал Неру. Анни Безант говорила: «Самодержавие уничтожено в России, вот-вот будет свергнуто в Германии, и только под британским флагом оно процветает»¹². После интернирования А. Безант в 1917 г. движение за самоуправление получило новый толчок. Даже умеренные, вроде Мотилала Неру и Тедж Бахадура Сапру**, начали проявлять к нему

* Гопал Кришна Гокхале (1868—1915) — один из виднейших лидеров умеренного крыла Индийского национального конгресса.

** Тедж Бахадур Сапру (1875—1948) — один из лидеров умеренного крыла индийских националистов, сотрудничавших с колониальными властями; основатель Национальной либеральной федерации (1923 г.) после выхода этой фракции из Конгресса.

активный интерес. Мотилал стал председателем аллахабдской секции Лиги гомруля, а Джавахарлал — одним из ее секретарей. Джавахарлал, восторженно относившийся к этому движению, писал: «Атмосфера накалилась, и большинство из нас, молодых людей, ожидалось и ожидало в ближайшем будущем крупных событий»¹³. Это объяснялось событиями, происходившими не только в Индии, но и за рубежом. Зловещая тень первой мировой войны уже нависла над миром. Индийские националисты надеялись, притом не без оснований, что за помощь военным усилиям Англии они сумеют получить новые уступки от англичан. На сессии Конгресса в Лакхнау в 1916 г. «экстремисты» были восстановлены в партии. В том же году входившая в Конгресс Мусульманская лига выступила с требованием статуса доминиона на основе представительства индусов и мусульман в различных законодательных органах. Решение это было принято в Анандбхаване, доме Неру в Аллахабаде. Джавахарлал Неру присутствовал и на сессии в Лакхнау, и при вынесении решения Лиги. Однако ему хотелось действовать, и во время войны такая возможность частично представилась.

Формально Индия во время войны находилась на стороне правительства его величества короля Великобритании. Но индийский народ приветствовал первые победы германской армии. Как националист Неру симпатизировал Германии*, поскольку Англия являлась тогда олицетворением истинного империализма. Одновременно он симпатизировал и Франции, стране «свободы, равенства и братства». Индия внесла большой вклад в военные усилия метрополии, помогая как людьми, так и материально, что, безусловно, способствовало победе Англии.

К концу войны в Индии наблюдалась значительная активизация политической жизни. Английское правительство, казалось, склонялось к предоставлению ей самоуправления, что было сделано лишь спустя двадцать лет**. В Индию для переговоров с индийскими ру-

* В традициях индийских националистов было стремление пытаться получать поддержку у военно-политических противников Англии. Подобные попытки, предпринятые в период первой мировой войны различными мелкобуржуазными группами в кайзеровской Германии и Османской Турции, окончились безрезультатно.

** Речь идет о колониальном Законе об управлении Индией

ководителями прибыл лорд Монтегю*, а индийцы в свою очередь пытались убедить английское правительство в необходимости предоставить Индии самоуправление как можно скорее. Джавахарлал Неру, хотя и был тогда еще молод, принимал активное участие в происходивших событиях.

После войны Индия жила ожиданием перемен. Этому способствовали предыдущие заявления английских властей, в частности Монтегю, о необходимости подготовить Индию к самоуправлению в рамках Британской империи. Веру в эти заявления значительно подкрепили и «четырнадцать пунктов» президента Вильсона, провозгласившего право всех народов и наций на самоуправление.

Но еще важнее для Индии была декларация, в которой после победы русской революции 1917 г. большевики заявили о поддержке права на самоопределение для народов бывшей царской России и всех других народов и наций. По сравнению с позицией социал-демократических партий Европы, которые не признавали права колоний на свободу и самоопределение, это несомненно был революционный шаг. Характеризуя положение того времени, Джавахарлал Неру писал: «Окончание... войны застигло Индию в состоянии сдержанного возбуждения. Индустриализация распространилась по стране, возросло богатство и влияние класса капиталистов». Возбуждение наблюдалось также и среди рабочих и крестьян. «Господствующим настроением по всей Индии было настроение ожидания и надежды, но к этому примешивалось чувство тревоги и страха»¹⁴.

Однако англичане «отблагодарили» Индию за жертвы, понесенные ею во время войны, законами Роулетта** и расстрелом на площади Джалианвала-Баг***. Таков был садистский ответ англо-индийской бюрократии на надежды, порожденные реформами Монтегю —

1935 г., согласно которому в 1937 г. верхушечные слои индийского общества приняли участие в выборах в законодательные органы провинций Британской Индии.

* Э. С. Монтегю (1879—1924) — в 1917—1922 гг. министр по делам Индии. Автор предложений, легших в основу реформ 1919 г.

** Репрессивный закон, направленный на подавление освободительного движения и введенный 8 марта 1919 г., известный по фамилии его автора, английского судьи С. Роулетта.

*** Массовый расстрел 13 апреля 1919 г. митинга на площади Джалианвала-Баг в г. Амритсаре в Пенджабе.

Челмсфорда *. В Пенджабе началась волна репрессий, настоящая охота за «революционерами». Махатма Ганди, возмущенный коварством англичан, провел ряд сатьяграх **. Эти трагические события явились сильным ударом и для Джавахарлала Неру, подорвав его веру в справедливость и честность англичан. Он писал о расстреле ни в чем не повинных и безоружных людей на Джалианвала-Баг по приказу генерала Дайера: «Он продемонстрировал всему миру особенно жестокие методы обращения с угнетенным народом» ¹⁵. Больше всего Неру потрясло «хладнокровное» одобрение этой акции английскими правящими классами и безразличие их к безобразиям, творимым английской армией в Индии. Генерал Дайер получил официальный «выговор», но в Англии его заверили в поддержке и начали сбор средств в специальный фонд Дайера. Неру это представлялось абсолютно «безнравственным» и «неприличным». Позднее он писал: «Тогда я понял яснее, чем когда-либо раньше, как жесток и безнравствен империализм и как он разъел души высших классов Англии» ¹⁶.

Расстрел на площади Джалианвала-Баг, явившийся водоразделом в истории индийского национально-освободительного движения, навсегда уничтожил веру индийцев в справедливость Англии. Он укрепил убежденность Неру в правоте дела националистов, а также его антиимпериалистические взгляды. К старой, умеренной политике Конгресса возврата теперь не могло быть. Всей душой и сердцем Джавахарлал отдался движению, которое возглавил Ганди. Он считал, что это движение поможет найти выход из политического тупика, ведь гандистское движение было массовым движением, в котором принимал участие весь индийский народ.

И вот, в эти тяжкие дни репрессий и неопределенности в Индию пришло известие о победе русской революции. В то время Джавахарлал Неру был лишь националистом и патриотом. Его прежние представ-

* По реформе, известной по имени вице-короля Индии Челмсфорда и министра по делам Индии Монтегю, несколько расширилось участие имущих индийцев в законосовещательных советах при вице-короле и губернаторах провинций.

** Букв. «овладение истиной» — обобщающее название, данное М. К. Ганди различным мирным формам протеста — «пассивного сопротивления».

ления о социализме слились с националистическими устремлениями. Но победа революции в России пробудила в нем новый интерес к социализму. Однако его подход к нему был гуманистическим и утопическим. Пока что в революции его привлекал не социализм. Казалось, его больше всего волновал тот факт, что впервые мощный удар по империализму нанесла именно европейская страна, отвергшая всю политическую философию Европы того времени. Хотя известия о революции достигали Индии с трудом, были отрывочными, они всегда вызывали радость у индийских патриотов.

Индия и русская революция (1917—1920)

Если во время первой мировой войны угроза британскому империализму исходила от германской мощи, то русская революция 1917 г. нанесла могучий удар всей капиталистической системе Запада и империалистическому порядку, установленному колониальными державами в большей части мира. Русская революция была вехой в истории человечества, провозвестником новой эры надежды, новой цивилизации и новых отношений между людьми. И что самое главное, она означала переход от эры капитализма к эре социализма в мировом масштабе.

Октябрьская революция особенно сильно воодушевила колониальные народы, над которыми властвовал империализм, основывавшийся не на праве, а на силе, и которые составляли слабое звено в империалистической системе. Она не только пробудила естественный патриотизм у всех угнетенных народов, но и усилила классовую борьбу пролетариата против иноземной эксплуатации. Таким образом, идея социальной революции оказалась связанной с идеей национального освобождения. Можно со всей несомненностью утверждать, что только в эпоху социальной революции угнетенные народы сумели добиться национального освобождения.

Вождь русской революции В. И. Ленин, основатель первого в мире социалистического государства, был убежден, что целей национального освобождения в колониях легче достигнуть в процессе пролетарской революции в капиталистических странах. Он полагал, что для победы пролетарской революции в Европе важно, чтобы европейский пролетариат объединился с антиимпериалистическими движениями в колониях. Именно исходя из этой точки зрения, он оценивал события, происходившие на Востоке.

Эпоха буржуазного национализма на Западе достигла своего апогея, когда президент Вильсон выступил с декларацией о праве всех народов на национальное самоопределение и свободное развитие. Но Вильсон не имел в виду колонии. Во всяком случае в его декларации не говорилось о независимости, которой требовали колонии. А вожди победоносной Октябрьской революции провозгласили принцип национального самоопределения не только для народов, населявших царскую империю, но и для всех угнетенных народов мира. Для народов колоний это имело огромное значение, особенно в условиях, когда великие державы на мирных переговорах в Париже, а также своим отношением к Китаю, Персии, Турции, Египту и особенно Индии показали, что они отнюдь не собираются применить декларацию Вильсона к угнетенным народам. В действительности они требовали новых уступок от колониальных стран, значительно превосходящих все то, что было раньше.

Действия вождей русской революции, разоблачавших политику империализма и капитализма и провозгласивших принцип национального самоопределения, естественно, произвели самое благоприятное впечатление как на индийский, так и на другие угнетенные народы. Индийские руководители были убеждены, что революционный подъем в России ускорит процесс деколонизации и поможет их собственной борьбе за освобождение.

Победа русской революции, несомненно, вызвала тревогу у английских империалистов. Большевики отвергли все политические доктрины западной системы, не говоря уже о ее экономическом содержании. Крупнейшая империалистическая держава того времени — Англия, имевшая колоссальные колониальные владения, больше всех была заинтересована в сохранении созданной ею глобальной системы. Прежде всего она увидела угрозу всему зданию ее индийской империи, из которой она контролировала Азию. Документы того периода — переписка между вице-королем и министром по делам Индии, а также между английскими чиновниками в Индии — свидетельствуют о сильной озабоченности Англии влиянием Октябрьской революции на ее индийские владения и на националистическое движение в Индии.

С самого начала завоевания Индии английское правительство в Лондоне всегда выражало опасения относительно намерений царского правительства на Востоке, особенно в отношении индийского субконтинента. Его

афганская политика главным образом преследовала цель создания дружественного Англии буфера между Индией и Россией. Провоцируя войну между Россией и Японией, Англия ставила ту же цель ослабления российской мощи. Англичане убеждали своих индийских подданных, что Россия стремится захватить Индию, хотя ни один индеец, тем более националист, никогда не верил этой пропаганде. Русская революция усилила опасения Англии. Ее дальнейшее победоносное шествие вселило в нее еще больший страх перед влиянием событий в России на индийское националистическое движение. Больше всего страшило Англию воздействие большевистской идеологии. Либеральные государственные деятели этой страны утверждали, что английское управление Индией идеально, что его главная задача — подготовить «туземцев» к самоуправлению с помощью образования, обучения навыкам управления. Большевики же не только отрицали правильность этих утверждений, но и обвиняли Англию в бесчеловечной эксплуатации колоний. Поэтому большевики стали злейшими врагами английского империализма.

Англичане внушали индийцам, что, поскольку большевизм остановлен в Европе, он хочет добиваться осуществления целей мировой революции через Индию. Утверждалось, будто большевистская поддержка национальных устремлений индийского народа не что иное, как маскировка. Таким образом, после Октябрьской революции усилия английской пропаганды в Индии концентрировались в основном на дискредитации большевизма и достижений молодого Советского государства. Большевизм изображался как самая отвратительная и беспощадная разновидность варварства и тирании, широко распространялись рассказы об ужасах, якобы совершаемых большевиками. Англичане уверяли, что «теперешнее состояние России — явное свидетельство результатов большевистского правления. Там царят голод и болезни, законности и порядка более не существует, бушует террор, ранее не известный мировой истории»¹.

Кроме того, утверждалось, «что большевизм противоречит всему ходу современной цивилизации...», в результате чего Россия стоит перед лицом «экономического хаоса, вызванного ее безумной политикой абсолютно-го коммунизма. Вся промышленность и вся торговля полностью дезорганизованы. Шоссейные и железные дороги не работают. Земля не обрабатывается, производ-

ство почти полностью остановилось. Россия находится в состоянии разрухи. Большевики сейчас пытаются найти выход из экономических трудностей с помощью безжалостного применения власти, сосредоточенной в руках немногих. Чтобы исправить экономическое положение, они хотят всю страну обратить в пустыню... Вот до какого состояния большевики довели Россию»².

Нарисовав столь ужасающую картину, англичане пытались найти утешение в том, что «уж Индия-то никогда не окажется и не может оказаться в подобном состоянии»³.

Но в душе они не были в этом уверены. Боясь того, что могло бы произойти, они постарались изолировать Индию от всех внешних контактов, особенно с революционной Россией. Сегодня некоторые из шагов, предпринятых английскими властями с этой целью, выглядят смешотворно. Ведь они хотели получать информацию о степени влияния большевиков на Индию, об их деятельности в этой стране тогда, когда никакой деятельности подобного рода не было и в помине. Они старались закрыть большевистским эмиссарам доступ в Индию и запретить распространение большевистской литературы⁴.

Для осуществления этих намерений на практике английские власти в Индии назначили двух чиновников по особым поручениям: одного — в департаменте иностранных и политических дел, другого — в штате директора Центрального разведывательного управления. Чиновники с аналогичным статусом были назначены также в различных провинциях. В обязанности чиновника по особым поручениям в департаменте иностранных и политических дел входил сбор информации о деятельности большевиков за пределами России, особенно в Центральной Азии, с которой Индию связывали вековые узы. Чиновнику же при директоре Центрального разведывательного управления поручалось заниматься деятельностью большевиков в самой Индии. Обоим этим чиновникам надлежало работать в тесном контакте друг с другом, причем чиновник при Центральном разведывательном управлении должен был поддерживать связи с соответствующими чиновниками в провинциях. В его задачу входил не только сбор информации о деятельности большевиков в Индии, но также выявление источников распространения большевистской литературы, особенно каналов ее поступления в индийскую печать. Тем, кто ока-

зывался виновным в таких деяниях, грозили тяжелые наказания.

В дополнение к этим секретным мерам была введена строгая паспортная система, цель которой заключалась в том, чтобы помешать приезду в Индию и отъезду за рубеж тех, кто подозревался в сочувствии большевикам. Чиновник в департаменте иностранных и политических дел держал под строгим контролем все пути въезда в Индию и вел список всех въезжающих, особенно через пограничные перевалы. Провинциальные чиновники в свою очередь тщательно следили за распространением большевистской литературы. Любая литература такого рода находилась под запретом, и всякий, кто имел ее, подвергался суровым наказаниям. Эти чиновники также обеспечивали слежку за всеми, кто поддерживал контакты с большевиками или имел отношение к проявлениям недовольства и выступлениям внутри страны. В то же время английские власти развернули широкую пропаганду, особенно в англо-индийской прессе, против большевизма и угрозы, которую он якобы представлял для Индии.

Следует, однако, признать, что эти усилия принесли хотя и частичные, но свои плоды. В Индии мало что можно было узнать о происходившем в Советской России. Если что-то и становилось известным, то только от индийцев, возвращавшихся из-за границы. Однако индийский народ отказывался верить английской пропаганде. Напротив, индийская националистическая пресса приветствовала Октябрьскую революцию, подчеркивала ее положительные стороны и их значение для будущего Индии. Индийские националистические деятели, а особенно печать, приветствовали декларацию нового Советского правительства, провозгласившую право всех наций на самоопределение, а также знаменитый ленинский Декрет о мире (от 8 ноября 1917 г.), который призывал воюющие государства начать переговоры о мире без аннексий и контрибуций. Отмена Советским правительством всех неравноправных договоров, заключенных царским правительством с соседними странами, и провозглашенные им социально-экономические изменения тоже приветствовались в Индии, жители которой стали относиться с большой симпатией к молодому Советскому государству. Репрессии, проводившиеся англичанами, лишь усиливали эти симпатии. Для индийского народа было естественным считать Советское государство союз-

ником в его борьбе против британского империализма. В статьях и комментариях индийской печати довольно скоро стала вырисовываться более или менее ясная картина русской революции. Одной из первых на нее откликнулась газета «Бомбей кроникл», издававшаяся Б. Хорниманом. 24 декабря 1917 г. она писала, что «наши представления о большевиках несколько туманны», и подчеркивала, что «большевикам никогда не удалось бы добиться успеха, не будь в их программе положений, привлекательных и многообещающих уже сейчас. Большевики предложили конкретный план, учитывающий нужды крестьян, и обещали немедленную конфискацию земли для передачи ее народу». Позднее (11 января 1918 г.) «Бомбей кроникл», заявившая, что считает успех революции «концом буржуазии и победой простых людей», продемонстрировала явное понимание сути изменений, которые произошли в результате революции в России.

Вскоре в индийской печати стали появляться другие важные высказывания. Ежемесячный журнал «Модерн ревью», основанный в Калькутте великим поэтом Рабиндранатом Тагором, в феврале 1919 г. писал: «С удовольствием читаешь, после злопыханий и фальсификаций капиталистической печати о Советской России, сообщения, раскрывающие характер Советского государства... Наконец-то мы получили представление об огромных усилиях, прилагаемых революционной Россией для того, чтобы создать свое государство и разработать свои коммунистические идеалы... Большевики действительно хотят сделать Россию лучше и благороднее, чем она была до сих пор».

Здесь важно отметить, что индийские националисты начинали понимать заинтересованность не только английского правительства, но и капиталистической прессы в целом в искажении событий в России. Это окажется чрезвычайно важным для будущего.

Выходившая на языке маратхи газета «Кесари», основанная пламенным националистическим деятелем Тилаком, также выступила против критики Ленина и Октябрьской революции англичанами. С самых первых дней революции «Кесари» публиковала всю доступную ей информацию. 29 января 1918 г., спустя лишь три месяца после революции, она решительно выступила в защиту В. И. Ленина. В статье «Русский вождь Ленин» газета писала: «Мы публикуем основные факты биогра-

фии Ленина, поскольку ведется злопыхательская пропаганда, утверждающая, будто вождь русского народа Ленин — сын немецкого еврея, подкупленный германским правительством. Ленина обвиняют в раздувании недовольства среди русского народа, который якобы предан союзным державам». Затем газета поместила все собранные ею сведения о Ленине и его заслугах. «Ленин — сторонник мира, — говорилось в ее статье. — Он разошелся во мнениях с Керенским именно потому, что тот хотел руководить русским правительством на основе компромисса с высшими классами. Ленин не желает поддерживать подобные отношения с ними. Он считает, что высшие классы воюющих государств абсолютно своекорыстны и порочны, что они игнорируют интересы простых людей во всех странах, что именно они развязали войну, а трудящиеся — это честные люди, которые хотят мира... Керенский приказал арестовать Ленина. В конце концов партия рабочих, возглавляемая Лениным, захватила власть, свергнув правительство Керенского. Влияние Ленина в армии и среди простых людей выросло благодаря распределению земли, принадлежавшей знати, между крестьянами».

Вероятно, следует подчеркнуть, что индийская националистическая общественность лучше понимала суть советской внешней политики, чем социально-экономической программы большевиков. 20 июля 1920 г. «Кесари» писала, что целью советской внешней политики не является «аннексия чужих территорий и навязывание своих экономических принципов другим государствам с помощью силы», поскольку, по мнению большевиков, «общественные и политические институты каждой страны — результат ее исторического развития и состояния экономики». На фоне утверждений английской пропаганды о том, что большевики будто бы стремятся аннексировать новые территории и включить их в свою социалистическую систему, это заявление было весьма многозначительным. Оно свидетельствовало о том, что «Кесари» поняла одно из важнейших положений Ленина, а именно о невозможности экспорта революции.

Другой влиятельной газетой, писавшей об Октябрьской революции, была калькуттская «Амрита базар патрика». Она одобрительно отзывалась об идеалах и задачах революции, хотя считала имевшие место эксцессы, особенно репрессии, противоречащими социалистическим идеалам. 3 января 1919 г. в ее редакционной статье

говорилось, что террор и беспорядок — отнюдь не цель большевиков, но к ним прибегают ради создания нового общественного строя. «Кое-кто считает большевиков анархистами, — говорилось в статье. — Однако, судя по их программе, это не так, поскольку уничтожение общества и установление царства террора или беспорядка не являются их целями... Главным побудительным мотивом движения, известного как большевизм, служит стремление свергнуть власть меньшинства (горстки капиталистов. — В. Б.), отменить его несправедливые привилегии и установить свою собственную власть... В России это социалистическое движение достигло своей высшей точки, (и) главная задача большевиков — национализация всей собственности... Собственность будет принадлежать народу. Ни одному человеку не будет разрешено владеть большей собственностью... Вся промышленность будет находиться во владении государства, которое будет управлять ею от имени народа, а плоды деятельности предприятий будут распределяться самими тружениками».

Несомненно, здесь налицо несколько упрощенное понимание большевизма его первыми индийскими толкователями. Но важно то, что они уяснили суть вопроса. Например, в редакционной статье «Амрита базар патрики» большевизм называется зрелой формой социализма. Иными словами, газета уже знала о социалистическом движении в Европе.

Оценка Октябрьской революции на ее начальном этапе в индийской печати со всей ясностью говорит о сочувствии ее целям и понимании ее важности для Индии. Возражения вызывало только применение насилия, связанное с переменами. Но даже к этому относились с пониманием. Так, 28 ноября 1919 г. «Амрита базар патрика» писала: «В России большевистское движение приобрело агрессивную и революционную форму. Но эта форма обусловлена особыми обстоятельствами, существующими в стране. Это — наследие прошлого, детище русского самодержавия».

Советская политика признания права на самоопределение за всеми нациями, большими и малыми, на Западе и на Востоке, а также провозглашение права всех народов, входивших в царскую империю, на свободное отделение и создание собственных независимых государств вызывали особенно большой интерес в Индии. Сравнивая политику англичан и Запада, согласных пре-

доставлять колониям только самоуправление, с политической Советского государства, «Амрита базар патрика» 17 августа 1920 г. отмечала, что в Советской России «правительство не только такое же сильное, как повсюду в Европе, но что его принципы являются более передовыми, чем те, которым следуют все правительства мира».

Октябрьская революция оказала влияние на всю Индию. Это влияние не ограничивалось лишь крупнейшими торговыми городами, такими, как Калькутта и Бомбей. Выходившая, например, в столице Пенджаба Лахоре газета «Трибюн» отводила на своих страницах много места освещению русской революции. Однако она не совсем понимала ее истинное значение. Газета то одобряла революцию, то осуждала ее, то хвалила одни ее стороны, то критиковала другие.

В то же время индийская печать единодушно считала, что не существует большевистской угрозы для Индии, о чем часто говорили англичане. А если такая угроза и появилась, утверждала печать, то только из-за махинаций англичан против революционной России. 1 декабря 1919 г. «Бомбей кроникл» решительно высказалась по этому вопросу: «В свете правдивой информации о большевизме эти утверждения (о большевистской угрозе Индии. — В. Б.) выглядят слишком смехотворными, чтобы их можно было принимать во внимание».

Значительная часть англоязычной печати в Индии либо принадлежала англо-индийцам, либо испытывала английское влияние. Газеты же на индийских языках, полностью находившиеся во владении индийцев, в значительной мере отражали националистические настроения того времени. Они отвергали утверждения англичан, будто большевизм создавал угрозу для Индии. Так, делийская газета «Райат» 19 января 1919 г. писала: «Теперешняя популярность большевизма говорит о том, насколько успешно большевики не только привлекают внимание, но и завоевывают любовь тех, кому адресуется их пропаганда. Большевистская система правления как-то сразу вызвала такую симпатию у всех бедных классов, что они готовы бороться против своих собственных правителей».

Калькуттская «Хиндустан» 2 февраля 1920 г. указывала, что, хотя «мы не в состоянии понять истинный характер большевиков в связи с множеством бытующих о них мнений... Индии бояться их нечего».

Однако печать на местных языках признавала, что

мало знает о происходящем в Советской России. Калькуттская «Дайник басумати» 12 марта 1920 г. заявляла: «Мы в Индии не знакомы с характером большевистского культа. Но поскольку боязнь большевистского восстания в нашей стране полностью надумана, нет никаких оснований опасаться русского пугала».

Некоторые газеты, выходившие на местных языках, пытались также связать большевистские идеалы с новым учением индуистских мудрецов, в частности Свами Вивекананды, оказавшего наибольшее влияние на индийское возрождение. Например, газета «Адж», выходившая в Бенаресе на хинди, вскоре после своего основания стала печатать материалы о русской революции. В номере за 1 октября 1920 г. она дала высокую оценку событий, происходивших в России. Что еще более показательно, она предупреждала о возможности подобной революции в Индии, если там будет продолжаться британский гнет. 5 октября 1920 г. в ней появилась передовая статья о Ленине и его месте в истории. В ней говорилось: «Сейчас существование большевиков необходимо для благополучия человечества... Власть капиталистов достигла зенита; начали действовать и противостоящие ей силы. «Шудры», или трудящиеся, поднимают головы. Это ясно проявилось в России... Ленин — всего лишь представитель этого движения... Мы не рассматриваем Ленина как индивида. Если одного Ленина не станет, его место займут много других Лениных. Мы видим в Ленине идею... Вот почему мы говорим, что Ленину все еще принадлежит важное место в мире». В статье нашла отражение оценка русской революции, данная Свами Вивеканандой, который говорил: «Следующий мощный сдвиг, знаменующий наступление новой эры, эры правления «шудр», т. е. правления трудящихся, придет из России»⁵. Это предсказание он сделал еще в 90-х годах XIX в.

Однако особенно много об Октябрьской революции писала газета «Индепендент», основанная в Аллахабаде в 1919 г. Мотилалом Неру. За время своего трехлетнего существования эта газета опубликовала серию редакционных статей, весьма объективно оценивавших послереволюционные события в Советской России. В номере от 14 января 1920 г. в статье, озаглавленной «Красная опасность», давался четкий анализ русской революции. В ней говорилось: «...со времени зарождения и до настоящего времени сила и авторитет большевизма не-

уклонно росли... Большевистские вожди отнюдь не глупцы и не идеалисты. Это люди, богато одаренные достоинствами, которые обеспечивают успех. Люди, подобные Ленину... чрезвычайно способны и энергичны... Если принять во внимание основы, из которых вырос большевизм, то идея подавить его силой представляется ошибочной с самого начала. Большевизм добился успеха потому, что он породил надежду, притом огромную, в умах масс. Надежда на лучшее будущее и более достойные человека условия жизни побудила миллионы угнетенных в России встать под красные знамена. Угнетенный народ, никогда не знавший счастья или благополучия на протяжении многовековой власти царей, увидел в идеалах большевиков луч света, поднявший его дух и чуть ли не ослепивший его. Последовавшее за этим воскресение масс оказалось пробуждением великана, что стало уникальным для мира событием».

До этого миру была широко известна лишь одна революция — французская, и, хотя она провозгласила идеалы свободы, равенства и братства, завершилась она вскоре созданием империи, чем-то вроде выборной монархии. Политические мыслители того времени осудили французскую революцию за террор и допущенные эксцессы. «Индепендент» сравнивала ее с русской революцией, отмечая, что «у французской революции были свои недостатки — отсутствие общих целей, дезорганизованность, нехватка честности и искренности. У вождей русской революции нет личных амбиций, столь характерных для деятелей французской революции. Они стремятся воплотить в жизнь свои идеалы и стараются убедить своих сторонников в справедливости отстаиваемого ими дела. Французская революция не принесла облегчения пролетариату».

Кроме того, «Индепендент» не считала, что русская революция — это еще один вариант террора. Она подчеркивала: «Если бы большевизм представлял собой лишь царство террора (как это изображали англичане.— В. Б.), он бы к этому времени умер естественной смертью. Его руководители очень хорошо знакомы с искусством управления. Разумность некоторых большевистских принципов получила всеобщее признание, и большевики сейчас начинают проводить новую политику».

В другой редакционной статье, опубликованной 26 марта 1920 г., объяснялось, почему англичане выступают против Советской России. В ней говорилось, что с

конца XIX в. основным принципом английской внешней политики было противодействие России. В статье анализировались основополагающие принципы большевизма и утверждалось, что его главная цель — «добиться ликвидации наемного труда в экономике» и «уничтожения централизованного классового государства в политической области». Далее там отмечалось, что в свете этих целей главной задачей революции можно считать «полное воплощение в жизнь демократической идеи реформы и перестройки европейского общества».

Более прямолинейно в статье рассматривались экономические аспекты. В ней указывалось, что «экономическая программа большевиков — это уничтожение современного капитализма... Большевизм считает, что средства производства не должны принадлежать частному капиталу, контролироваться им и использоваться для получения частных прибылей. Они должны находиться во владении государства, а все прибыли, получаемые с этих предприятий, должны идти в казну государства и направляться для общего развития всего общества...». Обращаясь к политике, статья подчеркивала, что «большевики стремятся изменить существующий политический строй и установить демократическое правление во всем мире. В обоих этих своих аспектах большевизм как идеал выступает против капитализма».

Таким образом, в газете «Индепендент» давался значительно более четкий анализ политических и экономических целей большевиков. Она разъясняла читателям, что большевизм объявил западному капитализму войну, которая оказала влияние как на политику, так и на экономику. Естественно, говорилось в ней, что капиталисты считают большевиков своими величайшими врагами. В Великобритании, Франции, Италии и Америке правят капиталисты. «Все эти правительства, следовательно, смертельно боятся большевистских идей», — писала газета. Далее она подчеркивала, что без понимания этого нельзя уяснить, почему Запад говорит о «большевистской опасности». Большевизм выступает против капитализма, а поскольку все современные империи — капиталистические и в них капитализм и империализм тесно переплетаются, большевики против любой формы империалистической экспансии. Выступая против империалистической экспансии, они не могут сами вторгаться в другую страну.

Газета настойчиво проводила мысль, что русское

большевистское правительство не может придерживать-ся идеи создания централизованной имперской власти ни в Европе, ни в Азии. «Во всяком случае большевики не заинтересованы в том, чтобы вызывать у Британской империи враждебность к себе, — писала «Индепендент». — Но английский кабинет министров под влиянием английских капиталистов бездумно вмешался в политическую борьбу России на стороне Деникина и Колчака, стремясь восстановить царский режим... Английское правительство тратит значительные суммы денег на борьбу с Советским правительством России, добиваясь его уничтожения. Вот в чем истинная причина теперешних враждебных отношений между Россией и Британской империей». Этими враждебными отношениями объясняются разговоры о так называемой большевистской опасности, указывала газета, подчеркивая, что, не будь этой агрессивной политики английского кабинета министров в отношении русского правительства, не было бы и так называемой большевистской опасности. И газета делала окончательный вывод: «Эта агрессивная политика... продиктована интересами британской плутократии, а мы в Индии должны расплачиваться за ее алчное стремление к прибылям».

Это был поистине лучший анализ русской революции и происходившего в России. Конечно, трудно назвать действительного автора этих статей в «Индепендент», но по мысли, слогу и духу в них уже чувствуется Джавахарлал Неру. В период кратковременного существования этой газеты он был ее фактическим редактором, хотя и не официально. Статьи свидетельствуют о глубоком знании европейской политической жизни, что не было свойственно в то время ни Мотилалу Неру, ни кому-либо другому среди националистов, кроме Джавахарлала Неру. Во время пребывания за границей благодаря усиленным занятиям он хорошо познакомился с действиями английского правительства, узнал, как оно служит интересам класса английских капиталистов и как этот класс повсюду поддерживает британский империализм.

25 июня 1920 г. «Индепендент» снова вернулась к теме «большевистского пугала»: «Мы не верим в так называемую большевистскую опасность. Русское советское правительство не является формой военного империализма... У него нет армии вторжения... Совершенно невероятно, чтобы русские Советы хотели бы сейчас со-

риться с англичанами. Большевистской опасности не существует, существует лишь русское «пугало». У большевистской России нет ни солдат, ни боеприпасов для вторжения в Индию... Для Индии большевистской угрозы не существует, существует лишь угроза «недовольства туземцев».

Приведенные выше оценки свидетельствуют о том, что индийская общественность приветствовала Октябрьскую революцию, давала высокую оценку Ленину, вождю революции, восхищалась революционными переменами в России в социально-экономической области и, что самое главное, высоко оценивала просвещенные принципы советской внешней политики, способствовавшие делу мира и самоопределения угнетенных народов.

Русская революция оказала также сильное влияние на ведущих представителей индийской мысли. Они увидели в молодом Советском государстве не только стойкую антиимпериалистическую силу и друга угнетенных во всем мире, но и создателя нового общественного строя, новой цивилизации, свободной от эксплуатации человека человеком. Они приветствовали революцию и социальные преобразования, провозглашенные Советским государством, потому что уже имели некое представление о пороках капиталистической системы. Более того, глубоко сочувствовавшие широким массам бедняков такие выдающиеся деятели, как Банким Чандра Чаттерджи*, Вивекананда, Тагор, Тилак, Б. Ч. Пал**, Лала Ладжпат Рай, Махатма Ганди и другие, оказались в состоянии оценить новый общественный строй России. Некоторые из этих индийцев уже поддерживали контакт с социалистами и лейбористами Англии и Европы.

Лала Ладжпат Рай еще раньше говорил, что диагноз болезней капиталистического общества, данный Марксом, оказался настолько верным, «что теперь среди западных мыслителей фактически существует единодушие относительно отвратительных пороков капиталистического строя»⁶. Люди, подобные Ранаде и К. Т. Теллангу***, принадлежавшим к умеренному крылу нацио-

* Банким Чандра Чаттерджи (1838—1894) — один из основателей современной бенгальской литературы, лидеров демократического крыла бенгальских националистов.

** Бипин Чандра Пал (1858—1932) — в 1900-е годы один из лидеров радикального крыла национально-освободительного движения, позднее — умеренный религиозный реформатор.

*** Махадев Говинд Ранаде (1866—1915) — один из лидеров умеренного крыла индийских националистов в Махараштре (Запад-

налистического движения, критиковали доктрину свободного предпринимательства, отдавая, таким образом, предпочтение социалистическому строю, поскольку доктрина свободного предпринимательства противоречила их этическим принципам. Они видели в ней бессердечное отношение к страданиям бедняков, а в социализме — большую заботу о слабых. Но хотя некоторые из первых индийских националистов выступали вместе с европейскими социалистами против свободы предпринимательства, они не были ни социалистами, ни сторонниками социализма. Во всяком случае они не понимали, что такое социализм, не знали его экономических и философских основ, не говоря уже о марксизме. Их интерес к социалистической мысли объяснялся главным образом борьбой социалистов против британского империализма и капитализма. Однако все это изменилось после русской революции. Слова «социализм» и «Советская Россия» околдовали Индию.

Многие индийские деятели тоже способствовали благоприятной реакции на русскую революцию в Индии. Одним из выдающихся индийцев, восхищавшихся русской революцией, был Рабиндранат Тагор. Он назвал сопутствовавшие ей события «утренней звездой, возвещающей начало зари новой эры»⁷. Бипин Чандра Пал видел в революции знаменосца свободы и счастья простых людей. Один из видных деятелей националистического движения, Лала Ладжпат Рай, в 1920 г. говорил, что «большевистское правительство освободило все угнетенные народы России», и подчеркивал, что «правда большевиков всегда лучше, правильнее и гуманнее капиталистической и империалистической правды»⁸. В то же время более радикальные деятели, вроде Тилака, выражали надежду, что большевики освободят Индию.

Октябрьская революция в России повлияла и на идеологию Индийского национального конгресса и дала новый толчок борьбе за освобождение Индии. В официальном докладе об индийской конституционной реформе, опубликованном в 1918 г., признавалось, что революция в России «послужила стимулом для индийских политических устремлений»⁹.

ная Индия), представитель ранней индийской экономической мысли и социальный реформатор; Кашинатх Тримбак Теланг (1850—1893) — видный деятель национального движения в Бомбее.

Руководители Индийского национального конгресса обратили внимание на важные заявления нового Советского правительства от 24 ноября и 7 декабря 1917 г. об отмене тайных царских договоров, раздела Турции и Персии. В них провозглашалось право всех народов и наций на самоопределение. Они также отметили антиимпериалистическую позицию Советского правительства, сопоставив слова и дела Советов со словами и делами английского правительства. Контраст между ними укрепил их симпатии к Советской России. Видный историк К. М. Паниккар позднее писал, что «Декларация прав народов России была несомненно взрывоопасным заявлением и все народы Азии, добивавшиеся освобождения, услышав о ней, исполнились новой надежды»¹⁰.

Нет никаких сомнений в том, что советская декларация о праве на самоопределение оказала какое-то влияние и на государственных деятелей Запада. Не случайно в одном из «четырнадцати пунктов» президента Вильсона говорилось о самоуправлении. Подтверждение тому — работы Чарльза Бирда, одного из крупнейших историков Америки, который писал: «В декабре 1917 г. большевистское правительство опубликовало секретные архивы Петрограда (ныне Ленинград. — В. Б.) и швырнуло тайные договора в лицо человечеству. Большевистская партия призвала угнетенные народы сбросить власть империализма. В январе 1918 г. представитель американского Комитета общественной информации в Петрограде Эдгар Сэксон направил директору Комитета в Вашингтоне Джорджу Криду телеграмму с настоятельной просьбой, чтобы президент вновь подтвердил антиимпериалистические цели войны и стремление Америки к демократическому миру в тысяче слов, более убедительных, почти плакатных абзацах, кратких предложениях». Спустя пять дней президент выступил в конгрессе США, и мир услышал его «четырнадцать пунктов»¹¹.

Калькуттская сессия Индийского национального конгресса состоялась в декабре 1917 г., сразу же после Октябрьской революции. Председательствовала на ней Анни Безант, которая ранее вместе с Тилаком создала Лигу гомруля. В своем выступлении она упомянула «свободных, самоуправляющихся соседей по ту сторону северной границы» и заявила, что «в будущем, если Индия не добьется самоопределения, она станет с завистью

смотреть на своих самоуправляющихся соседей, и контраст между ними усилит ее интерес»¹². Очевидно, она имела в виду новое Советское государство.

На сессии Конгресса в 1918 г. пандит Мадан Мохан Малавия*, тогдашний председатель партии, говорил о самоопределении и его важности для Индии. Он призвал англичан «осуществить принцип самоопределения в Индии, приняв предложения, выдвинутые представителями ее народа»¹³. Показательно, что он впервые говорил о представителях народа Индии в связи с принципом самоопределения. Анни Безант, внесшая главную резолюцию сессии, критиковала английское правительство за его отрицательное отношение к самоопределению. Она сказала: «Мы говорим это в ответ на заявление правительства Великобритании о том, что оно не может управлять без этих прав (на принуждение и деспотизм. — В. Б.)... Но русский царь мог управлять только с помощью принуждения. Значит, вы ничем не лучше русского царя»¹⁴.

Конгресс в единогласно принятой резолюции потребовал самоопределения для индийского народа, провозгласив его своей официальной целью, что явилось еще одним шагом вперед.

Следующая сессия Индийского национального конгресса состоялась в 1919 г., во время бурных событий в Пенджабе. Хотя в центре внимания сессии находились репрессии, развязанные англичанами, председатель Конгресса Мотилал Неру не преминул упомянуть о событиях в России. Он выразил большую озабоченность в связи с тем, что обещания, данные государственными деятелями Европы относительно России, оказались «пустым звуком», и заявил, что «жаждущей мира России не дают никакой передышки»¹⁵.

Имеется много свидетельств того, что начиная с этого времени Россия все больше занимала умы индийских националистов и что происходившие там события имели отношение и к событиям в Индии. Освободительная борьба в Индии получила новый толчок. Влияние событий в России сказывалось и на других сторонах политической жизни Индии. Кроме того, русская революция по-новому высветила различные стороны капитализма,

* М. М. Малавия (1861—1946), обладавший почетным ученым званием «пандит», в 1909, 1918, 1932 и 1933 гг. избирался председателем сессий Конгресса.

его алчность, породившую империализм, эксплуатацию колониальными державами колоний в интересах метрополий. Все это помогло сформулировать экономическую программу индийского освободительного движения. Как говорил Сардар К. М. Паниккар, «до Октябрьской революции националистическое движение в Индии носило либеральный и чисто политический характер. Речь шла только об освобождении от чужеземного господства. Политическое содержание националистического движения определялось парламентарным либерализмом и требованием представительного правительства. У движения не было ни четких социальных, ни экономических целей, и в этом смысле оно оставалось аморфным и утопическим. Русская революция все это изменила...»¹⁶.

Октябрьская революция оказала влияние и на другие стороны политической жизни страны. Она послужила важнейшим стимулом для создания профсоюзов и крестьянских организаций. Возникли также студенческие союзы. И наконец, была создана Коммунистическая партия. Все это способствовало вовлечению в национально-освободительную борьбу различных слоев индийского народа. Сам Конгресс с появлением Махатмы Ганди тоже становился массовой организацией. Его движение ненасильственного несотрудничества привлекало массы людей, которые включались в национально-освободительную борьбу. Массовое пробуждение, особенно интеллигенции, после Октябрьской революции помогло Ганди организовать индийский народ для политической борьбы.

А сейчас необходимо рассмотреть воздействие Октябрьской революции на самого Махатму Ганди, который становился главным вождем индийского националистического движения. До русской революции Ганди, находясь в Южной Африке, переписывался с Л. Толстым. В то время, когда Толстой, «зеркало русской революции» 1905—1907 гг., протестовал против эксплуатации и угнетения народа царским правительством, Махатма Ганди принимал активное участие в борьбе народов Южной Африки, а позднее всех цветных жителей юга Африки. Нет никаких сомнений в том, что Махатму вдохновлял и поддерживал пример Толстого, которого он называл «учителем». На Ганди произвела также глубокое впечатление общерусская политическая стачка 1905 г. Он говорил, что стачка преподавала «важнейший урок» индийскому народу, и призывал его «прибегнуть

к русскому средству в борьбе против тирании». В 1905 г. Ганди заявил: «Если русский народ победит, то эта революция в России будет считаться величайшей победой, величайшим событием этого столетия»¹⁷. Его слова оказались поистине пророческими.

Лев Толстой в своем знаменитом «Письме к индусу», написанном в 1908 г., призвал индийцев прибегнуть к бойкоту британского правления, не участвовать в актах принуждения, практиковавшихся английскими властями, судами, сборщиками налогов и, что самое главное, войсками. Ненасильственное несотрудничество Ганди именно в этом и заключалось. Позднее, особенно после 1920 г., когда Ганди встал у руля националистического движения, эта концепция революционизировала индийскую политическую борьбу.

Ганди признавал, что именно в учении Толстого он нашел обоснование своей собственной веры в ненасилие. «Россия, — писал он, — дала мне в лице Толстого учителя, который снабдил меня разумной основой для моего отрицания насилия. Толстой благословил еще в зародыше мое движение в Южной Африке, движение, о замечательных возможностях которого я еще не подозревал. Именно Толстой в своем письме ко мне предсказывал, что я возглавляю движение, которому суждено вселить надежду в угнетенные народы Земли»¹⁸.

Но как же реагировал Ганди на саму Октябрьскую революцию? Он, несомненно, сочувствовал угнетенным. Ганди верил в необходимость организации «бессловесных» для борьбы за свои права. Но утверждать, что Ганди был знаком с политическими или экономическими аспектами русской революции, не следует. Во всяком случае его понимание этого могло быть только поверхностным. Ганди, в отличие от Джавахарлала Неру, не был связан с фабианством в Англии и читал мало работ фабианцев. Нет также и свидетельств того, что Ганди пытался расширить свои познания марксизма и социализма после русской революции. Он был из другого теста и в любом случае не мог бы принять теорию насилия и классовой борьбы, приверженность к которой приписывали большевикам. За событиями в Советской России он несомненно следил, побуждаемый простым интересом. Так, в 1924 г. он с удовлетворением узнал, что государством в России стали управлять трудящиеся. В этих вопросах он был откровенен. «Я еще ничего в действительности не знаю о большевизме, — писал он. — Я не мог

изучать его. Мне неизвестно, хорош ли он в конечном счете для России. Но я знаю, что, поскольку в основе его лежит насилие и отрицание существования бога, он отталкивает меня»¹⁹.

Антипатия Ганди к большевизму была вызвана убеждением в том, что большевизм нарушил два важнейших принципа его жизни — ненасилие и любовь к богу. На ежегодной сессии Индийского национального конгресса в 1924 г. по настоянию Ганди пришлось снять резолюцию с выражением соболезнования по поводу смерти Ленина. Ганди председательствовал на сессии. Его возражения на первый взгляд носили чисто процедурный характер: резолюция якобы не предусматривалась установленным порядком заседания. Но было ясно, что она противоречила его подходу к людям и жизненным явлениям.

Однако Ганди никогда не верил высказываниям английской пропаганды о молодом Советском государстве. Никогда не соглашался он с англичанами, утверждавшими, будто большевики грозят Индии. Третью англо-афганскую войну 1919 г. англичане приписывали большевистским проискам, а для того, чтобы добиться поддержки индийцев, придумали угрозу русского вторжения в Индию. Ганди незамедлительно опроверг эту выдумку. «Я никогда не верил в большевистскую угрозу», — утверждал он²⁰. Он также отказался прекратить движение несотрудничества с англичанами по этой причине. Ганди твердо верил в то, что Советская Россия — друг угнетенных народов мира и стоит за дело освобождения и Индии, и всего мира. Он приветствовал сотрудничество между угнетенными народами и молодым Советским государством. В августе 1921 г. Ганди заявил: «Братание Советского Союза с азиатскими странами... послужило сдерживающим фактором для откровенно репрессивного британского империализма»²¹.

Ганди был слишком занят борьбой за освобождение своей страны, разработкой и формулированием своих программ, чтобы уделять серьезное внимание тому, что происходило в России. Те немногие сведения, которые он получил в более поздние годы, исходили от Джавахарлала Неру, который в 1927 г., совершив поездку в Европу и Россию, вернулся на родину в восторге от всего увиденного в Советском Союзе и его многочисленных достижений.

Из индийских деятелей, испытавших на себе влияние

русской революции, только Джавахарлал Неру, несомненно, понимал значение исторического процесса, вызвавшего к жизни это важнейшее событие. Его антиимпериалистическая настроенность, естественно, породила у него симпатии к революции. Но, понимая причины ее, он в то время не был знаком с философией марксизма, вдохновлявшей русскую революцию. В беседе с Тибором Менде Неру так говорил о русской революции: «Наши симпатии, хотя мы и не были знакомы с марксизмом, находились на стороне Ленина и других. К тому времени я еще ничего не читал о марксизме»²². К революции его влекла перспектива социальных изменений. Других сторон революции он не принимал во внимание.

Поскольку революция пробудила у Неру интерес к Советской России, он начал читать о ней. Знакомство с книгами Таунсенда Мередита «Азия и Европа», критиковавшего британский империализм в Индии, и Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», дало ему лучшее представление о революции. Такую же роль сыграла книга Бертрانا Рассела «Дороги к свободе». Неру признавал, что социальные аспекты русской революции интересовали его больше всего и заставляли мыслить категориями социальных изменений, когда он имел дело с политикой. Происходившее в России представлялось ему не только результатом националистического движения. Он видел в нем нечто более широкое, фактически появление новой формы общества, которая могла считаться подходящей моделью и для всего остального мира. Революция «покончила с многовековым господством высших классов», писал Неру. Естественно, что те, кому принадлежала власть и кто занимал привилегированное положение в обществе, выступили против русской революции и клеветали на нее²³.

Неру не доверял английской пропаганде, выступавшей против русской революции, в основном потому, что хорошо понимал природу империалистической политики Великобритании. Он отверг обвинение, будто беспорядки в Пенджабе — результат влияния большевиков. Он также не усматривал никакой большевистской «угрозы» Индии. Кроме того, он не считал, что большевики установили в России какую-то форму тирании. Если бы, как это утверждали англичане, дело обстояло именно так, «тогда трудно представить себе, как миллионы людей могли предпочесть эту тиранию и деградацию и добровольно бороться за их установление», — говорил Неру.

И продолжал: «Либо Европа скатывается обратно к варварству» (принимая и одобряя большевизм. — В. Б.), либо «в различных этих «измах» есть нечто более глупое, более достойное, чем то, в чем пытаются убедить нас газеты». Революция все больше привлекала Джавахарлала Неру, поскольку он стал понимать ее значение для Индии и стоявших перед нею проблем. Поэтому уже в 1919 г. он писал, что необходимо «объективное и критическое изучение идей, лежащих в основе Октябрьской революции, что поможет нам в решении проблем, стоящих перед нашей собственной страной»²⁴.

Неру, безусловно, хотел, чтобы в Индии было ответственное правительство, ибо оно, по его мнению, способствовало бы делу освобождения страны. Но у него уже больше не было уверенности в том, что представительные институты и демократия, подобные существовавшим на Западе, помогут в достижении целей, к которым он стремился. Он понимал, что русская революция вызвала к жизни лучшую форму государственных институтов, чем демократические институты Запада, ибо последние уже не отвечали требованиям времени. Кроме того, он знал, что эти институты подвергаются жесткой критике и в самих западных странах. Всеобщее избирательное право еще не стало там повсеместным. Что же касается процесса индустриализации, то его в последнее время также всячески критиковали некоторые из величайших умов Европы.

Естественно, что при существовавшем тогда положении Неру пришел к убеждению, что, «когда Индия станет свободной, быть может, найдется какая-то форма коммунизма, отвечающая духу народа больше, чем правление большинства. Ведь представительные правительства и теперешняя демократия... управляемые нечестивым союзом капитала, собственности, милитаризма и разросшейся бюрократии... сами по себе не принесут полного удовлетворения измученной душе Индии, ибо они не решили и проблем Запада. Они не дадут нам мира, к которому мы стремимся...»²⁵. А мир, к которому он стремился, был миром не только демократии, но и социально-экономической справедливости, столь часто отсутствовавшей у западных демократий. Неру правильно полагал, что для бедного и угнетенного народа Индии прежде всего необходима социально-экономическая справедливость.

Правда, он еще не совсем ясно представлял себе

степень нищеты индийского народа. Он столкнулся с этой нищетой в 1920 г. в деревнях Соединенных провинций, когда приступил к организации крестьян. Знакомство с ними оставило неизгладимый след в его душе, прежде всего социально-экономический аспект этой проблемы. В тот период, как, впрочем, и на протяжении всей его будущей деятельности, социально-экономические вопросы глубоко его волновали. Особенно интересовался он тем, что дала русская революция простому народу.

Открывая Индию (1920—1926)

«Открытие Индии» Джавахарлала Неру было в какой-то мере выражением его полного слияния со страной и судьбами ее народа. Эта книга была написана в середине 30-х годов, но Неру «открывал» Индию физически и духовно начиная со своего возвращения из Англии по завершении образования. Ни один политический деятель в Индии, за исключением Махатмы Ганди, не достиг столь полного единства со страной и ее народом.

Чтение социалистической литературы, понимание зол промышленного переворота в Англии и его отрицательного влияния на экономику Индии, выразившегося, в частности, в обнищании крестьянства, заставляли Неру серьезно задумываться. Тесная связь с тем, что происходило в Индии, давала ему возможность лучше узнать жизнь индийского народа, понять причины нищеты страны. Поэтому, когда Неру непосредственно столкнулся с жизнью миллионов беднейших крестьян и прозябавших в нищете и подвергавшихся жесточайшей эксплуатации рабочих в городах, все это произвело на него неизгладимое впечатление. Знакомство же с индийским крестьянством произошло при несколько драматических обстоятельствах.

В мае 1920 г. Неру вместе с женой и матерью отправился в Масури, где остановился в гостинице «Савой». В этой же гостинице поселилась афганская делегация, прибывшая в Индию для ведения мирных переговоров после третьей англо-афганской войны 1919 г. Там же находились и представители английского правительства. Хотя начальнику местной полиции было известно, что у Неру нет никаких контактов с афганской делегацией, он однажды явился к нему и потребовал, чтобы тот либо дал твердое обязательство не пытаться вступать в сно-

шения с афганцами, либо по доброй воле покинул гостиницу.

Это властное требование английских правителей было подсказано боязнью того, что афганцы свяжутся с местными «экстремистами» или, наоборот, «экстремисты» — с афганцами и начнется агитация среди народа по вопросу о «халифате»*. В то время все уже знали, что эмир Афганистана симпатизирует халифатистскому движению в Индии. Ходили слухи, что афганская делегация приехала в Индию фактически с целью настроить мусульман против англичан. В полицейских донесениях утверждалось, что некоторые индийские экстремисты пытаются связаться с афганской делегацией в Масури. Эти слухи вызвали панику у властей, которые, руководствуясь разделом 3 Положения об обороне Индии, издали приказ о высылке всех таких лиц из Масури¹.

Донесения не на шутку встревожили департамент внутренних дел, прежде всего, как в них говорилось, «из-за трудностей, вызываемых беспокойной обстановкой, ростом влияния большевизма в Индии и особенно беспорядками в Ирландии»². Был подготовлен список на двадцать лиц, подлежащих высылке из Масури. Одним из них был Джавахарлал Неру. Однако истинной причиной этого шага английских властей послужило растущее участие Неру в политической борьбе, и особенно его интерес к социализму. К 1920 г. английское правительство в Индии уже считало Неру «хорошо известным политиком-экстремистом»³.

Когда Неру что-либо возмущало, он выходил из себя. Конечно, и в данном случае он не пожелал дать полиции требуемое обязательство. Отказавшись сделать это, он поехал из Масури в Дели через Аллахабад. А в то же время несколько сот крестьян из района Пратапгарх, в Соединенных провинциях, направились в Аллахабад, чтобы пожаловаться видным деятелям Конгресса, в первую очередь Ганди, на свою беду — помещики сгоняли их с земли и облагали непомерными поборами.

* В 1918—1921 гг. в Индии при активном участии конгрессистов и самого Ганди проходило так называемое халифатистское движение, формально направленное на защиту прав халифа мусульман — турецкого султана, а фактически ставшее одной из форм массовой антиколониальной борьбы в стране, в которой участвовали не только мусульмане, но и индусы. Многие воспринимали это название движения как якобы идущее от слова «хилаф» («против» на языке урду).

Их бедственное положение глубоко взволновало Неру, и он отправился вместе с ними в Пратапгарх. Там он впервые увидел, как живут индийские крестьяне, стонущие под бременем растущей арендной платы, незаконных поборов помещиков и постоянной угрозы лишиться арендуемой земли. Он стал свидетелем того, как крестьян избивали и подвергали бесчеловечному обращению и, что было хуже всего, как им приходилось удовлетворять требования многочисленных паразитов — представителей заминдаров, ростовщиков, полицейских и прочих. Он понял, что комфорт этим людям обеспечивают крестьяне, сами живущие в страшной бедности.

Неру провел несколько дней среди крестьян, жил в их глинобитных хижинах, ел их простую пищу. Для него это явилось открытием, открытием Индии, открытием поистине горьким. «Глядя на них, видя их страдания и их чрезмерную благодарность, — писал он позднее, — я переполнялся стыдом и скорбью: скорбью — по поводу упадка и ужасающей бедности Индии; стыдом — за свою легкую, окруженную комфортом жизнь и за нашу мелкую политическую деятельность горожан, игнорировавшую эти неисчислимые массы полуголых сынов и дочерей Индии. Перед моими глазами вставал как бы новый образ Индии — голой, голодной, подавленной и невероятно несчастной»⁴.

Такое непосредственное знакомство с ужасающей нищетой простых людей в Индии причинило Неру сильную боль. Быть может, это объяснялось его инстинктивной симпатией к бедным, а быть может, его социалистическими настроениями, но одно несомненно: личное открытие бедности Индии явилось еще одной вехой на пути Неру к социализму.

После этого Неру стал глубже интересоваться жизнью индийской деревни и столкнулся с бесчисленными тяготами крестьянской жизни. Он понял, что земельный голод велик, что наделы крестьян малы, что дробление наделов ведет к обнищанию крестьянства. Пользуясь земельным голодом, помещики незаконно требовали различных высоких платежей (поскольку не могли назначать арендную плату выше предусмотренной законом). Крестьянам приходилось брать деньги в долг у ростовщиков. Но поскольку они были не в состоянии вносить даже арендную плату, не говоря уже о выплате долга, их сгоняли с земли, что грозило им полным разорением. Этот процесс обнищания крестьянства и пороки

системы заминдари гибельно сказывались на условиях жизни всего крестьянства.

Не менее тяжелым было положение в промышленности. Молодая индийская промышленность уже начинала развиваться. В 1911 г. вступил в строй металлургический завод Тата. Строились текстильные фабрики в Бомбее и Ахмадабаде. Прилагались огромные усилия для создания промышленной базы. С ростом промышленности появился промышленный пролетариат. Хотя в 1920 г. состоялся первый профсоюзный конгресс, рабочие, слабо организованные в профсоюзы, фактически оставались без защиты. Но в целом они уже дали знать о своем существовании в значительной мере благодаря победе революции в России. «В двадцатых годах впервые раздался слабый голос промышленных рабочих, — писал Неру. — Его можно было бы игнорировать, если бы не русская революция, которая показала значение промышленного пролетариата. Кроме того, несколько крупных и хорошо организованных забастовок также заставили обратить внимание на рабочих»⁵.

Промышленный пролетариат подвергался жесточайшей эксплуатации, условия его труда были очень тяжелыми. Быстро растущие прибыли в джутовой промышленности в Бенгалии и текстильной в Бомбее и Ахмадабаде текли в карманы владельцев фабрик в Данди и Лондоне. Условия труда рабочих не заботили и индийских предпринимателей, также получавших немалые доходы.

У Джавахарлала Неру пробудился острый интерес к жизни растущего класса пролетариев. Он посетил ряд трущоб, где жили рабочие, и ужаснулся убожеству их существования.

Все это убеждало его в том, что ради собственных выгод метрополия разрушает индийскую экономику, что английских предпринимателей не интересует ни экономическое развитие Индии, ни улучшение условий жизни рабочих. Еще более ужасало Неру то, как из-за изменений в системе аграрных отношений и уничтожения деревенского ремесла приходили в упадок деревенские общины Индии, ранее обеспечивавшие себя всем необходимым. Речь шла не только об эксплуатации трудящихся, но и о разрушении всего экономического уклада, веками создававшегося народом Индии. Ведь Индия обогнала Европу в развитии искусства и промышленности в период до промышленного переворота в Европе

и производила как предметы первой необходимости, так и предметы роскоши не только для внутреннего потребления, но и на экспорт.

Западные ученые, как правило, признают, что до прихода европейцев в Индию промышленность там была более развита, чем в Европе. И тем не менее за одно столетие британского правления индийская промышленность пришла в полный упадок. Нарушилось традиционное равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, а также традиционное разделение труда, существовавшее с древности. Но этого мало. Следует напомнить, что первые европейские путешественники отправились в Индию потому, что хотели захватить в свои руки торговлю индийскими товарами, которая велась арабами. Когда европейцы наконец установили прямую связь с Индией, они стали закупать дорогие индийские товары для европейских рынков.

С появлением машинного производства английские промышленники потребовали принятия законов, которые защищали бы их молодую промышленность от импорта индийских товаров. Тем временем и английские власти в Индии приняли ряд мер — ввели таможенные сборы на товары, перевозившиеся внутри страны. Эта преднамеренная политика привела к постепенному упадку и разорению индийской промышленности. Большое число ремесленников лишилось работы и пополнило ряды крестьян. Однако в стране и ранее наблюдалось значительное аграрное перенаселение. Сельское хозяйство тоже приходило в упадок, особенно после того, как деревенская община утратила контроль над хозяйственным использованием земли и помещики полностью подчинили себе весь уклад деревенской жизни. Они захватывали все больше и больше общинных земель. Как отмечал Неру, «введение этого типа земельной собственности не только внесло огромные изменения в экономику, но имело более глубокое влияние и нанесло удар всей индийской концепции кооперативно-групповой социальной системы. Появился новый класс — владельцы земли, класс, созданный английским правительством и, в силу этого, в значительной мере отождествляемый с ним»⁶. Неудивительно, что этот класс стал одним из столпов английского правления.

Все это побудило Неру задуматься о насущной необходимости вовлечь индийских крестьян и рабочих в освободительную борьбу. С этой целью он начал действо-

вать прежде всего в своей родной провинции — Соединенных провинциях. Он уговаривал крестьян перестать бояться заминдаров (владельцев земли) и талукдаров (представителей местных властей), организоваться в местные крестьянские союзы с целью выдвинуть свои требования. Он разъяснял программы Конгресса, особенно концепцию движения несотрудничества, и призывал участвовать в нем.

В этой связи необходимо указать, что Неру был не первым, кто вел работу среди крестьян или вовлекал их в союзы. Уже к 1917 г. в Соединенных и других провинциях возникли «кисан сабхи» — крестьянские организации.

Немало внимания уделил крестьянам один из старейших политических деятелей Соединенных провинций — Мадан Мохан Малавия. Тогда главная задача националистических руководителей заключалась в том, чтобы помешать росту антагонизма между крестьянами и помещиками и вовлечь и тех и других в движение за самоуправление. К 1919 г. в Соединенных провинциях, Бихаре, Пенджабе и Ориссе уже действовало около 450 крестьянских союзов, насчитывавших 3500 членов. Ясно, что работа среди крестьян еще только начиналась. В сообщениях того времени говорится о том, что крестьянские союзы призывали крестьян не соблюдать установившихся порочных обычаев, не подчиняться правилам и постановлениям, в том числе и судов, бороться с влиянием и произволом помещиков, решать споры между собой в панчаятах (деревенских советах).

Растущее недовольство крестьян, бунты, организация крестьян в союзы при содействии националистов вызвали тревогу английских властей. В одном из донесений английской администрации Индии в 1917 г. говорилось: «Индийские крестьяне представляют себе мировую войну прежде всего как необходимость поставлять людей и давать деньги, что, кстати, ставят себе в заслугу заминдары. Правительство берет их деньги и взамен выдает листки бумаги... Эти представления сильно отдают большевизмом, и было бы интересно узнать, не являются ли они каким-то косвенным результатом большевистской пропаганды, или же в основе их лежат те же причины, что и в других странах. Большевистские идеи быстро распространяются... большевики утверждают, что именно земледельцы пашут, сеют, поливают и снимают урожай и поэтому имеют право на все, что

рождает земля. В существовании заминдаров нет нужды, и для этой системы нет оправдания»⁷.

Страх английского правительства перед большевизмом, быть может, и смешон, но это было реальностью того времени. Индийские крестьяне еще были далеки от большевизма. Конечно, они выступали против заминдаров не по принципиальным мотивам, а потому, что последние их угнетали. Против же правительства крестьяне, несомненно, не выступали. И можно быть уверенными в том, что идеи революции им были чужды. Большинство крестьян все еще ожидало от властей улучшения своего положения.

Хотя Неру сочувствовал судьбе крестьян и хотел им помочь, он не знал, как это сделать. Он мог добиться от соответствующих властей удовлетворения той или иной жалобы крестьян или как-то помочь отдельным землепашцам. Но это не решало проблемы массовой нищеты и массового гнета. В этих условиях Неру пришел к выводу, что выход заключается в освобождении страны.

Общение с индийским крестьянством повлияло на Неру и другим образом. Он впервые осознал, что националистическое движение, ограничивающееся городами и городскими классами, полностью оторвано от подлинной Индии, от масс индийского народа. Он понял необходимость расширения базы борьбы путем вовлечения в нее широких народных масс. «И все же именно в эти дни, — писал он, — у меня появились новые интересы, которым суждено было сыграть важную роль в последующие годы»⁸. Этими новыми интересами стала забота о том, как избавить массы от нищеты. Это оставалось делом всей его жизни и в какой-то мере укрепляло его социалистические убеждения.

В это же время и Ганди пришел к аналогичному выводу и уже старался вовлечь крестьян в освободительное движение. Он разработал тактику ненасильственного несотрудничества. Несотрудничество с правительством одного лишь городского населения его не удовлетворяло. Ганди хотел, чтобы в этом движении участвовал весь индийский народ. Таким образом гандистское движение обрело бы массовую базу. В индийской политической жизни это явилось поворотным моментом, и в значительной степени благодаря Ганди Конгресс стал действенным орудием спасения страны.

Вступление в борьбу Ганди имело еще одно важное

значение. Впервые был предложен метод борьбы, который умеренные не смогли разработать. Мы уже отмечали выше, как обескураживало Неру отсутствие программы борьбы, ведь он и сам не знал, как следует ее вести. А Ганди предложил свой метод борьбы — сатьяграху и несотрудничество. Они стали двумя главными орудиями борьбы Конгресса за освобождение.

Неру впервые познакомился с Ганди в 1915 г. Затем он встретился с ним на сессии в Лакхнау в 1916 г. Эти встречи не произвели благоприятного впечатления на Неру, которому суждено было впоследствии стать главным продолжателем дела Ганди. Последний показался Неру «очень далеким, не похожим на окружающих и аполитичным»⁹. И неудивительно: ведь Ганди говорил языком религии. А Неру был агностиком. Но вскоре Неру увидел другого Ганди, Ганди — организатора масс, когда тот возглавил успешную кампанию в поддержку рабочих плантаций индиго в Чампаране (Бихар) в 1918 г. и крестьян Кайры (Гуджарат). Затем Ганди организовал серию сатьяграх против законов Роулетта. Это были активные действия, к которым так стремился Неру, и тактика Ганди стала вызывать у него восхищение. Знакомство с ужасающей нищетой Индии и вера в руководство Ганди организацией масс чрезвычайно сблизили Неру с Ганди. Позднее он писал, что в результате гандистского движения «почувствовал огромное облегчение», так как увидел в нем метод прямых и открытых действий. «Я был охвачен восторгом и решил немедленно вступить в Сатьяграха сабху. Едва ли я думал тогда о последствиях: о нарушении законов, заключении в тюрьму и тому подобном, — а если и думал, это меня не пугало»¹⁰.

В 1920 г. Конгресс под руководством Ганди провел по всей Индии кампанию ненасильственного несотрудничества, за сварадж*. Новое учение Ганди о ненасильственном несотрудничестве благодаря этой кампании получило распространение во всех районах страны и воодушевило народ. Оно не только подняло на борьбу широкие народные массы по всей стране, но и вселило в них мужество выступить против властей. Успех кампании имел важное значение еще в одном смысле. Тысячи людей должны были отказаться от ответственных постов и включиться в националистическое движение. Лю-

* Букв. «самоуправление».

ди, подобные Мотилалу Неру и Ч. Р. Дасу*, оставили свои профессиональные занятия и целиком посвятили себя организации гандистского движения. Тысячи учащихся школ и колледжей тоже бросили учебу и включились в борьбу за освобождение Индии. По призыву Ганди многие из них старались сделать так, чтобы английская полиция подвергала их аресту.

Увлечение гандистской тактикой вдохнуло новую жизнь и новые надежды в националистическое движение. Характеризуя этот период, Неру писал, что деморализованный, отсталый и покорный народ вдруг распрямил спину и выше поднял голову, принял участие в совместных дисциплинированных действиях повсюду в стране. «Многие из нас, работавших во имя осуществления программы Национального конгресса, жили на протяжении всего 1921 года в каком-то опьянении. Мы были полны возбуждения, оптимизма и бодрящего энтузиазма. Мы ощущали счастье человека, участвующего в крестовом походе во имя идеи»¹¹.

Общеиндийский размах движения встревожил англичан. В одном из донесений этого периода говорилось: «Движение несотрудничества оказало ужасающее воздействие на низшие классы в городах... И хотя его влияние было в целом гораздо меньше в сельских районах, в некоторых из них, особенно в отдельных округах Ассамской долины, Соединенных провинций, Бихара, Ориссы и Бенгалии, крестьяне подпали под его воздействие... Религиозные и национальные чувства в то же время настолько сильны, что правительство Индии готово к беспорядкам более значительным, чем когда-либо в прошлом... Невозможно игнорировать тот факт, что движение несотрудничества в значительной степени порождено и питается националистическими устремлениями... Положение вызывает большое беспокойство»¹².

Губернатор Бомбея выражался более прямолинейно. Он признал, что Ганди «напугал нас. Он предпринял самый огромный эксперимент в мировой истории и едва не добился успеха»¹³.

И действительно, эксперимент, предпринятый Ганди, был, как он сам говорил, уникальным экспериментом истины. Ганди был не просто политическим деятелем — он

* Читта Ранджан Дас (1870—1925) — один из лидеров Конгресса в 1917—1925 гг., основатель «свараджистской партии», которая в основном ограничивалась борьбой в рамках законосовещательных органов.

почитался народом как святой. Он стремился проверить правильность ряда вечных положений, рассматривавшихся как вечные истины. Так, в первые месяцы 1922 г., в разгар движения несотрудничества, Ганди вдруг отменил его из-за того, что в Чаури-Чауре* имели место акты насилия. Ганди, убеждавший Конгресс, да и всю страну, в необходимости ненасилия, считал, что народ еще не готов к тому, чтобы следовать этому принципу. Его решение, конечно, вызвало значительное недовольство в Конгрессе. Джавахарлал Неру был возмущен и рассержен. Опечаленный, он говорил: «Внезапная отмена нашего движения... вызвала недовольство почти у всех видных руководителей... Особенно возмущалась, конечно, молодежь. Наши растущие надежды рассыпались в прах, и такую реакцию следовало ожидать. Еще больше нас беспокоили причины, приведенные в оправдание этой отмены, и последствия, которые из них вытекали. Если отмена движения явилась неизбежным следствием стихийного акта насилия, то, значит, в философии и методике ненасильственной борьбы чего-то не хватает»¹⁴.

Несогласие Неру с Махатмой по вопросу о ненасилии здесь очевидно. Неру поддерживал идею ненасилия, но для него она никогда не была такой же бесспорной, как для Ганди. Неру видел в ней успешный метод борьбы. Но инцидент в Чаури-Чауре показал, что народ не обратился в гандистскую веру, и Неру сомневался в том, что он будет полностью соблюдать принцип ненасилия в действии. Однако вера в политическую мудрость Ганди взяла верх, хотя у Неру не было уверенности в том, что Конгресс должен вести борьбу за независимость, опираясь на метод ненасилия.

Отмена Ганди движения несотрудничества породила глубокий разброд и среди рядовых членов Конгресса, который в конечном счете привел к образованию двух группировок — сторонников и противников изменения политики Конгресса. Первые хотели принимать участие в выборах, проводимых по закону 1918 г. об управлении Индией, и бороться против правительства изнутри. Со своей стороны противники перемен — убежденные гандисты продолжали настаивать на программе ненасильственного несотрудничества. Они не хотели иметь ничего общего с английским правительством.

* В этой деревне, расположенной в Соединенных провинциях, в ходе крестьянских волнений в полицейском участке была сожжена группа полицейских стражников.

Перед Неру в то время встала серьезная дилемма. Он не одобрял ни первых, ни вторых, не считал их точки зрения полностью удовлетворительными. Он полагал нужным объединить обе группировки.

В это время в Индию стали поступать сведения об укреплении Советской России, об ее успешных усилиях по выполнению планов развития и радикальных преобразованиях, происходивших в Средней Азии. Находясь в 1923—1924 гг. в тюрьме в г. Лакхнау*, Неру занялся дальнейшим изучением истории русской революции и других доступных ему материалов. Он более, чем когда-либо, был уверен, что русская революция имеет значение и для Индии. В то же время крепили, на основе практического опыта, его социалистические убеждения.

Как отмечалось выше, взгляды Неру были всегда более радикальными, чем воззрения его соотечественников. Сейчас он окончательно укрепился в мысли, что Индия должна сделать своей целью достижение независимости, для начала установив полный контроль над финансами, армией и полицией. Он не был уверен в том, что сумеет убедить весь Конгресс в своей правоте, и поэтому не настаивал на своих взглядах, опасаясь раскола Конгресса.

В этих условиях гандистский подход к политике и экономике вызывал у Неру уже меньше энтузиазма. Ранее он производил на него впечатление своей новизной и воодушевлял его. Теперь он хотел заново обдумать проблему будущего Индии. Такая возможность представилась, когда в начале 1926 г. ему пришлось увезти больную жену в Европу.

* Неру был арестован и посажен в тюрьму за активное участие в первой кампании гражданского неповиновения, руководимой М. К. Ганди.

В Европе (1926—1927)

1926—1927 гг. ознаменовали собой важный этап в развитии мировоззрения Неру. Были эти годы и очень тяжелыми лично для него, так как его жена Камала серьезно заболела туберкулезом.

На родине не происходило ничего, что требовало бы его внимания. Споры и разногласия между членами Конгресса, с одной стороны, и религиозно-общинная рознь — с другой, повергали Неру в уныние. Камала находилась в больнице в Лакхнау, и врачи посоветовали увезти ее в Европу для лечения, пока болезнь не приняла хроническую и неизлечимую форму. Самому Неру тоже хотелось уехать от гнетущей действительности политической жизни Индии, так как ум его «был затуманен» и он «не видел перед собой ясного пути»¹.

Неру собирался пробыть в Европе недолго, но Камала поправлялась медленно. Поскольку пребывание там действовало на его ум стимулирующе, он находился в Европе два долгих года. Его единственным занятием был уход за больной женой. В результате у него оставалось достаточно времени для удовлетворения политических интересов. Английское правительство в Индии, предвидя такую возможность, перед отъездом потребовало от него обязательства не заниматься политической деятельностью за границей. Только при таком условии он мог получить паспорт. Но Неру отказался выполнить это требование. И хотя англичане тогда уже хорошо знали о его симпатиях к социализму и радикальных взглядах, главный секретарь правительства Соединенных провинций счел, что его «передовые» политические убеждения не являются достаточным основанием для отказа в выдаче паспорта. Сыграло роль и то, что ехал он в Европу из-за болезни жены. В конце концов паспорт был выдан².

Неру использовал свое пребывание в Европе для чтения и размышлений. Он встречался с людьми самых различных политических убеждений — революционерами и радикал-националистами из колоний, европейскими лейбористами, коммунистами и социалистами. Впервые он осознал, что в мире действуют могущественные силы и что в Индии разыгрывается лишь часть великой мировой драмы. Он понял, что происходящее в мире окажет воздействие на Индию, а то, что происходит в Индии, окажет влияние на мир.

Европа, куда Неру прибыл вторично, отличалась от Европы его студенческих дней. За время, отделявшее две его поездки, она пережила опустошительную мировую войну. В Германии зрело недовольство условиями Версальского мира. В Италии появился фашизм, а за ним вскоре и в Германии нацизм. Подписание Локарнского договора принесло некоторую передышку, но недоверие в отношениях между Германией и Францией, а также между западными державами и Советской Россией было настолько велико, что Европа пребывала в состоянии большой напряженности.

В то же время против своих правителей поднимались колонии, особенно в Азии, что в свою очередь усиливало тревогу Европы. Лиге Наций не удалось остановить борьбу за колонии. Фактически Европа не обращала внимания на четырнадцать пунктов президента Вильсона, и разочарованные Соединенные Штаты предоставили ее самой себе, обратившись к политике изоляционизма.

Одновременно в Европе усиливалось рабочее движение, росла безработица и поляризация крайне радикальных и консервативных сил. Особенно тревожило буржуазию обострение конфликта между богатыми и бедными и возможность европейской революции. Поэтому она горячо приветствовала фашизм и нацизм как выход из своего бедственного положения. Неру знал, что фашизм и нацизм — крайние проявления империализма. Он видел также, что они отрицают демократию и справедливость и ничего хорошего миру не несут. В то же время он обнаружил, что социал-демократы, выступавшие в роли защитников демократии, меньше всего сочувствовали угнетенным народам колоний. Что же касается социалистов, то они в то время разделились на две группы. Обе выступали за социализм у себя на родине, но по-разному относились к империализму. Одна из них

вела борьбу против империализма и зарубежного колониализма, а другая их поддерживала. Только коммунисты, понял Неру, во всех своих действиях являлись подлинными противниками империализма и колониализма.

Неру стремился понять сущность всех этих сил, действовавших в Европе. Он много путешествовал, посетил почти все европейские столицы, встречался с выдающимися и известными деятелями того времени. Он познакомился с французским мыслителем Роменом Ролланом, молодым немецким поэтом Эрнстом Толлером, с Роджером Болдуином, Эллен Уилкинсон, Гарри Поллитом, Анри Барбюсом, госпожой Сунь Ятсен, английскими лейбористами — членом парламента Джорджем Лэнсбери и Феннером Брокузем, а также с другими членами английского парламента. Он встречался с рядом индийских революционеров — Баркатуллой, госпожой Кама, Раджей Махендрой Пратапом, Шьямджи Вермой, М. Н. Роем и Вирендранатхом Чаттопадхьей. Особенно ему понравились два последних.

Эти личные контакты с революционными деятелями и мыслителями, по-своему участвовавшими в борьбе против империализма и колониализма, помогли Неру сформировать собственные взгляды по различным вопросам, в частности политическим и экономическим. Они расширили его понимание мировых событий и определили многие точки зрения. Его взгляды действительно обрели зрелость и твердость. В этот период он также начал рассматривать проблемы в мировой перспективе, что в дальнейшем стало одной из его самых характерных черт.

В такой обстановке политической неопределенности в феврале 1927 г. в Брюсселе состоялся Конгресс угнетенных народов. Участие в этом Брюссельском конгрессе явилось для Неру самым важным событием его пребывания в Европе. Инициатором созыва конгресса выступил коммунист — член германского рейхстага Вилли Мюнценберг, которого поддержала группа берлинских коммунистов и революционеров. В то время в Берлине проживал целый ряд эмигрантов и революционных деятелей всего колониального мира. Германия покровительствовала им, потому что стремилась лишить европейские державы колоний. Поэтому было естественно, что Берлин привлекал этих людей существовавшей там благожелательной атмосферой.

Брюссельский конгресс явился выражением не толь-

ко антиимпериалистических настроений европейских радикалов и их оппозиции колониализму, но и роста волнений и подъема антиколониального движения в колониях. Во всяком случае именно так обстояло дело в Индии, Китае и Египте после первой мировой войны. Революция Сунь Ятсена 1911 г.* уже поставила под угрозу интересы европейских держав в Китае. В Индии деятельность Махатмы Ганди придавала новый размах борьбе, которая там велась, что создавало угрозу для английских правителей. Цель Брюссельского конгресса по этому заключалась в том, чтобы привлечь внимание мира к двум важнейшим вопросам — империализму и национально-освободительной борьбе колониальных народов.

Согласно уставу Антиимпериалистической лиги**, ей надлежало стать «союзом всех лиц и организаций, которые независимо от своих конкретных целей готовы оказать поддержку борьбе против империализма, за политическое и социальное освобождение всех людей»³. Таким образом, Лига была задумана как широкая организация и вовсе не являлась коммунистической.

Одним из ведущих организаторов Брюссельского конгресса был Вирендранатх Чаттопадхья, индийский революционер, поселившийся в Берлине. Он посвятил себя борьбе за освобождение Индии. После долгих метаний в конце концов он стал марксистом. Его хорошо знали европейские революционеры, он познакомил Неру со многими из них, а также с людьми, связанными с Антиимпериалистической лигой. В свою очередь Неру понравился Чаттопадхья и завоевал его уважение.

Брюссельский конгресс вызвал у Неру особенно большой интерес потому, что его цели и задачи были близки целям и задачам индийского освободительного движения. Он написал в Индию, предложив Индийскому национальному конгрессу официально принять участие в Брюссельском конгрессе. Сообщил также отцу, что «Брюссельский конгресс, очевидно, будет весьма представительным и было бы очень желательно, чтобы на нем присутствовали представители ИНК, поскольку самым страшным сегодня является британский империализм».

* Речь идет о так называемой Синьхайской революции, покончившей с монархией в Китае.

** Сокращенное название Всемирной лиги борьбы против империализма, колониального гнета, за национальную независимость, созданной на Брюссельском конгрессе угнетенных народов.

лйзм, угнетающий Индию. Помимо всех прочих соображений это дает возможность встретиться с людьми из различных частей света...». Неру также указывал, что Лига старается собрать под свои знамена все организации и сторонников различных точек зрения, выступающих против империализма, что она уже получила поддержку около 400 организаций со всех концов мира. Неру предложил ИНКу направить несколько делегатов в Брюссель, и в их числе одного экономиста, хорошо знакомого с империалистической политикой Англии, а также специалиста по индийским военным вопросам⁴.

В декабре 1926 г. ИНК на ежегодной сессии в Гаухати (Ассам) единогласно избрал Неру своим делегатом на Брюссельский конгресс. Позднее Неру назвал это «большой честью»⁵. Кроме него еще несколько индийцев приняли участие в конгрессе, представляя различные индийские организации. Среди них были проф. М. Баркатулла, Бакар Али Мирза, С. А. Рахман, Мохаммед Ахмед, д-р Бхатт и д-р А. Ч. Намбиар.

Организаторы конгресса направили также приглашение Махатме Ганди. Но ответ Ганди был характерен для его тогдашней позиции. Сообщая о невозможности присутствовать на конгрессе, Ганди писал: «Я весьма высоко ценю побуждения, которые лежат в основе вашего предложения. Но лично я не подхожу для выполнения этой задачи. Мои методы служения угнетенным отличаются от методов, принятых социалистами, и находятся еще на зародышевой стадии эксперимента. Поэтому я сомневаюсь в целесообразности входить в организацию, принести пользу которой я не смогу»⁶.

Поскольку приверженность принципу ненасилия была уже определяющей для Ганди, вполне понятно, почему он не захотел участвовать в Брюссельском конгрессе, заявив, что его собственные методы борьбы еще находятся на стадии эксперимента и он не смог бы внести большой вклад в дело борьбы с империализмом. Однако, будучи человеком широких взглядов, Ганди накануне открытия конгресса направил его организаторам приветствие, в котором говорилось: «Дорогие друзья! Сердечно благодарю вас за приглашение... Сожалею, что моя работа здесь, в Индии, не дает мне возможности принять участие в конгрессе. Однако я от всего сердца желаю успеха его работе»⁷. Такова была широта взглядов Ганди. Он мог пожелать успеха даже тем, кто шел по пути, который он не одобрял.

Кроме Ганди много других видных деятелей пожелали успеха конгрессу, хотя они и не разделяли полностью взглядов его организаторов. Среди них были Альберт Эйнштейн, Ромен Роллан, Анри Барбюс и госпожа Сунь Ятсен.

Брюссельский конгресс, состоявшийся 10—16 февраля 1927 г., официально назывался конгрессом Всемирной лиги борьбы против империализма, колониального гнета, за национальную независимость. На нем присутствовало более 174 делегатов, представлявших 137 организаций из 37 стран, почти половину которых составляли колонии.

Борьба Индии за независимость, естественно, привлекла большое внимание делегатов. Они приветствовали участие Индии в конгрессе, потому что она занимала самое важное место среди колоний европейских держав. Без участия Индии значение конгресса в глазах мировой общественности не было бы столь весомым. Организаторы конгресса полагали, что главной ареной борьбы против американского господства в Латинской Америке станет Мексика, а основными силами, выступающими против британского империализма в Азии, являются Индия и Китай.

Как и следовало ожидать, организаторы конгресса призвали делегатов занять твердую позицию в вопросе об империализме. Здесь не должно было быть никакой неопределенности. Все подлинные социалисты выступили против империализма, но правые социалисты, в частности английская лейбористская партия, не осуждали империализм. Они не хотели, чтобы левое крыло лейбористской партии поддержало решения конгресса. При этом им было на руку широко распространенное мнение, будто Антиимпериалистическая лига фактически организована III Интернационалом — коммунистической организацией. Большинство профсоюзов, особенно британских, в то время входило во II Интернационал, и правое крыло лейбористского руководства опасалось, что участие руководителей рабочего класса в Брюссельском конгрессе серьезно подорвет их позиции в профсоюзном движении. Однако в конечном счете большинство лейбористских и профсоюзных руководителей все же приняли участие в конгрессе, поскольку, как показал окончательный состав его участников, это была весьма представительная организация: там собрались люди со всего света, и большинство их не было связано с коммуни-

стическим движением. Как заметил Неру, участие Индийского национального конгресса в Брюссельском конгрессе развеяло подобные опасения. Таким образом, Индия в каком-то смысле способствовала успеху конгресса.

Как представитель одной из самых больших колоний — Индии, Неру играл ведущую роль на конгрессе. Его избрали в президиум и состоявший из 9 членов исполком Лиги борьбы против империализма, за национальную независимость, образованной на конгрессе. В состав исполкома были также избраны Джордж Лэнсбери, Альберт Эйнштейн, Ромен Роллан и госпожа Сунь Ятсен.

В Брюсселе Неру заявил о том, что Индия требует полной независимости. Он сказал, что задачи, которые ставит перед собой Индийский национальный конгресс, полностью соответствуют целям Брюссельского конгресса. Предварительно он написал тогдашнему и. о. председателя ИНК Сринивасе Айенгару, попросив разрешения огласить, что Индия борется за независимость, а не за туманный термин «сварадж». На это письмо ответ прислал его отец Мотилал, который одобрил его намерение. Он писал: «Ты совершенно прав, когда говоришь, что не можешь допустить, чтобы цели Индии казались менее благородными, чем цели народов других стран. Здесь сейчас находится член парламента Саклатвала *, который высмеивает теорию статуса доминиона. Тебе об этом, конечно, говорить не следует. Мы (Конгресс. — В. Б.) требуем «свараджа», а ты можешь толковать это как независимость, чем он фактически и является»⁸.

Накануне открытия конгресса Неру сделал заявление для печати, в котором говорилось следующее: «Индийский национальный конгресс выступает за свободу Индии, свободу от чужеземного господства и вмешательства, а также за освобождение бедных и угнетенных от всякой эксплуатации». Он приветствовал Брюссельский конгресс, потому что «он созван с целью способствовать осуществлению этих задач на международной арене». Неру признал, что в борьбе, которую ведут различные зависимые, полузависимые и угнетенные народы, много общего. «У них часто одни и те же противники, — гово-

* Шапурджи Саклатвала (1874—1936) — деятель английского, индийского и международного коммунистического движения, одно время член английского парламента.

рил он. — Хотя выступают они в разных обликах, но методы угнетения они применяют одинаковые». Неру стремился укрепить связи между различными народами, что привело бы к лучшему пониманию проблем друг друга и более тесному сотрудничеству. Он заявил, что «проблема свободы Индии — мировая проблема... Важность Индии и ее будущего данному международному конгрессу очевидна... Этот конгресс поможет нам обеспечить широкое сотрудничество и тем самым приблизит освобождение угнетенных народностей»⁹.

Участие в Брюссельском конгрессе помогло Неру лучше понять истинную сущность империализма. Его выступление на конгрессе явилось прямой атакой на британский империализм, для чего он употребил все свое красноречие. Он разоблачил методы эксплуатации Индии и других колоний Англией и опроверг утверждение англичан, будто их правление гуманно и благотворно для колоний. Поскольку борьба против империализма — общая борьба всех угнетенных народов, Неру призвал делегатов действовать совместно с целью ускорить гибель империализма. По его мнению, независимость Индии оказала бы благотворное влияние на этот процесс во всем мире. Он назвал Брюссельский конгресс важной вехой в такой борьбе. «Мы стремимся, — сказал Неру, — не только к полной внутренней свободе нашей страны, но и к свободе развивать отношения с нашими соседями, а также с теми другими странами, с которыми пожелаем это сделать»¹⁰.

Разоблачение Джавахарлалом Неру характера британского империализма в Индии было и обстоятельным и убедительным. Он рассказал делегатам, как «плохо обращаются с Индией, как ее угнетают и грабят», как англичане проводят там политику «разделяй и властвуй». «Руководствуясь своей капиталистической и империалистической точкой зрения, англичане стараются делать все, что в их силах, чтобы сохранить свою власть над Индией». Но, по мнению Неру, наибольший вред англичане причинили Индии «эксплуатацией и тем, как они систематически подавляют индийских рабочих и крестьян». Он заявил, что Индия в силу господства англичан переживает «страшный упадок экономики», и добавил, что если «не будут приняты меры, чтобы остановить этот процесс, Индия вообще перестанет существовать как нация». Неру подчеркивал, что проблема Индии — это «не только национальная проблема, она не-

посредственно затрагивает большое число других стран и... представляет международный интерес, потому что речь прямо идет о сильнейшем и самом... влиятельном империализме нашего времени...»¹¹.

Выступление Неру произвело такое сильное впечатление на делегатов, что составленные им резолюции об Индии были приняты единогласно. В первой из них говорилось: «Конгресс выражает горячую поддержку индийскому национальному движению за полное освобождение Индии и считает, что освобождение Индии от чужеземного господства и эксплуатации всех видов является важнейшим шагом в борьбе за полное освобождение народов мира». Во второй резолюции указывалось, что «данный конгресс выражает уверенность, что индийское национальное движение в своей программе будет исходить из полного освобождения крестьян и рабочих Индии, без которого невозможна настоящая свобода, и будет сотрудничать с освободительными движениями в других частях мира»¹².

Брюссельский конгресс помог определить проблемы, стоявшие перед различными угнетенными народами, и более четко сформулировать задачи на будущее. В то же время конгресс подчеркнул необходимость широкого массового движения против империализма с участием крестьян и рабочих.

Хотя Индии принадлежало ведущее место на конгрессе, значительное внимание он уделил и другой стране — Мексике. В то время она стала объектом наступления набиравшего силу американского империализма, который уже аннексировал половину ее территории. Встречи Неру с мексиканскими и другими латиноамериканскими делегатами помогли ему иначе взглянуть на будущее. Он понял, что британский империализм быстро уступает позиции поднимающемуся империализму Америки и что мир рано или поздно окажется перед лицом угрозы американского империализма.

Видное место в дискуссиях в Брюсселе отводилось еще одной стране — Китаю. Совместное заявление китайской и индийской делегаций, также написанное Неру, содержало призыв к индийско-китайской дружбе. Кроме того, Неру хотел, чтобы Индия и Китай вместе выступали против британского империализма. Он особенно отрицательно относился к использованию индийских солдат англичанами для подавления народных движений в Китае, Египте, Абиссинии, зоне Персидского зали-

ва и др. На конгрессе он также отстаивал необходимость мобилизации общественного мнения в Индии и за ее пределами против использования индийских войск англичанами для обеспечения их империалистических интересов.

К этому времени представления Неру о природе империализма были настолько ясными, что он смог предвидеть упадок могущества Англии и будущий рост американского империализма. Он говорил: «Наиболее вероятно, что Англия, чтобы спасти себя, станет сателлитом Соединенных Штатов и будет побуждать империализм и капитализм Америки сражаться на ее стороне... Большинство из нас, особенно те, кто прибыл из Азии, совершенно не знакомы с проблемами Южной Америки, с тем, как поднимающийся империализм Соединенных Штатов, обладающий огромными средствами и не опасющийся нападения извне, постепенно укрепляется в Центральной и Южной Америке. Но теперь мы не останемся в неведении, ибо американский империализм станет в ближайшем будущем главной опасностью, еще большей, чем британский империализм. А возможно, об этом свидетельствуют события, оба этих империализма объединятся и создадут могущественный англосаксонский блок, чтобы господствовать над миром»¹³.

За одно только это предсказание, оправдавшееся во всех своих деталях, Неру можно отнести к числу величайших политических мыслителей. Даже сегодня между американским и британским империализмом существуют особые отношения, хотя практически Англия превратилась в сателлита Америки. В какой мере эти мысли повлияли на формирование политики Неру после достижения Индией независимости, сказать трудно. Но в отличие от многих соотечественников у него никаких иллюзий относительно Америки ни тогда, ни позднее не возникало.

В конце своей работы Брюссельский конгресс принял манифест, в котором поднимались два вопроса: угроза империалистической войны против Советского Союза и подъем борьбы угнетенных народов за национальную независимость.

Неру откровенно признавал, что брюссельский манифест носил марксистскую окраску и у него «лично никаких возражений против этого не было». Очевидно, на Брюссельском конгрессе идеологические позиции Неру значительно полевели. Он стал убежденным социалис-

том. Более того, сведения, которые он собрал в Европе о Советском Союзе, вызвали у него большое восхищение этой страной. Его высокое мнение о Советском Союзе и решительный антиимпериалистический настрой частично объяснялись непоследовательностью действий европейских социалистов в различных вопросах колониальной политики, империализма, особенно в связи с Индией. Он писал: «Вся деятельность II Интернационала с момента возникновения войны и в дальнейшем внушала мне отвращение: мы в Индии в достаточной мере познакомились с методами одного из главных сторонников II Интернационала — английской лейбористской партии»¹⁴. Речь явно шла о поддержке лейбористской партией британского империализма и колониализма. Неру стало ясно, что только Советы верны принципу социализма и антиимпериализма. Поэтому его симпатии к коммунизму возросли, ибо тот по крайней мере «не был ни лицемерным, ни империалистическим»¹⁵.

Неру признавал, что Брюссельский конгресс полностью отвечал тогдашней политике России, «направленной на поощрение и поддержку всех форм национализма и, конечно, всех сил, могущих помочь сломить империализм, особенно британский»¹⁶. Советский Союз, указывал он, «одобрил» идею Брюссельского конгресса, хотя и «держался в стороне от него, поскольку считал, что слишком тесная связь с ним может отпугнуть многих. Там не было ни одного представителя русских организаций...»¹⁷. В то же время Неру никогда не считал Брюссельский конгресс чисто коммунистическим мероприятием. «Он проходил на основе сотрудничества между двумя группами (коммунистами и некоммунистами. — В. Б.), — писал Неру, — причем ни одна из них не пыталась доминировать над другой»¹⁸. Тем не менее у делегатов наблюдалась «большая симпатия к России», на конгрессе присутствовал ряд убежденных коммунистов. «Всякое упоминание о России встречалось аплодисментами», — отмечал Неру. А один африканский делегат-негр заявил, что его народ мало что знает о коммунизме, но считает, что Советская Россия несет надежду униженным и угнетенным»¹⁹.

Неру считал, что Брюссельский конгресс прошел весьма успешно, особенно с точки зрения будущего исхода борьбы Индии за независимость. Он ранее уже призывал Индийский национальный конгресс войти в Антиимпериалистическую лигу, руководствуясь при этом рядом

соображений. По его мнению, это помогло бы ИНК поддерживать связь с борцами за освобождение Африки и Южной Америки. Он был уверен, что Лига явится важным форумом, на котором будут разоблачаться зверства, совершавшиеся в колониях, методы их эксплуатации, что она сыграет важную роль в будущем.

Однако он также пришел к выводу, что контакты с Лигой не должны никоим образом ограничивать свободу действий Индийского национального конгресса. Признавая правильность «основ социалистической теории государства», он не хотел навязывать ИНК какую-либо социалистическую теорию или программу. «Конгресс имеет и будет иметь впредь полную свободу действий, учитывая прежде всего условия страны»²⁰, — говорил он. Эти оговорки, несомненно, объяснялись обстановкой в Индии и характером руководства, возглавлявшего ИНК.

Тем не менее Неру не хотел, чтобы политика Индийского национального конгресса расходилась с положениями брюссельского манифеста. Он не видел больших разногласий между индийским националистическим движением и рабочим движением за рубежом. В этой связи он приводил критические высказывания Саклатвалы об индийском бойкоте ланкаширских тканей, утверждавшего, что такой бойкот наносит вред интересам ланкаширских рабочих. Неру считал критику Саклатвалы неверной, потому что, как говорил он, «я встречался даже с коммунистами, которые критиковали его (Саклатвалы.— В. Б.) точку зрения, а социалисты в целом, как мне кажется, признают право угнетенной страны на бойкот»²¹.

Каковы же были «невыгоды», которые могла, по мнению Неру, повлечь за собой связь ИНК с Лигой? Он опасался, что Россия может попытаться «использовать Лигу в своих собственных целях». Лично он, указывая Неру, «решительно возражает против того, чтобы русские или кто-либо еще вели нас на поводу»²². Это важный момент, и о нем не следует забывать, когда мы будем проследивать будущую эволюцию Неру как социалиста. В отличие от коммунистов он не искал руководства Москвы*. Однако Неру все же не верил, что Москва будет использовать для этого Лигу. А если и использует, убеждал он, «то сделает это очень осторожно и таким образом, что никаких возражений не последует»²³.

* Автор имеет в виду Коминтерн.

У него имелись основания полагать так, поскольку председателем конгресса был Лэнсбери, а при тогдашнем составе исполкома, явно не прокоммунистическом, Лига вряд ли стала бы «односторонней» организацией. Поэтому в письме Рабочему комитету ИНК, предлагая установить тесные связи с Лигой, Неру попросил широко осветить в печати брюссельский манифест и другие материалы, как представляющие «интерес для индийской публики» и могущие помочь ей понять окружающий мир. «Одно лишь то, что английские политики всегда стараются изобразить русских чудовищами, — писал Неру, — не должно пугать нас и мешать нам поддерживать с ними связи, когда они нам явно выгодны. Мы — противники британского империализма и не можем не признать, что Советская Россия тоже активно выступает против него»²⁴.

Руководящие круги ИНК высоко оценили роль Неру на Брюссельском конгрессе. Его отец, Мотилал, писал: «Твое участие в Брюссельском конгрессе заставило всех, кто читал твои сообщения, понять важность того, что у нас есть представитель в Европе и Америке»²⁵.

Неру не опасался связей ИНК с Лигой, хотя Махатма Ганди и предупреждал его, что Индия «не может рассчитывать на сочувствие европейских государств, помогающих эксплуатировать нас»²⁶. Ганди не доверял также и европейским социалистам независимо от их убеждений ни из II, ни из III Интернационала. Он был склонен считать, что в разгар борьбы против империализма все они предадут Индию и поддержат правительства своих собственных стран.

Джавахарлал Неру не полностью разделял такую точку зрения. Он писал Ганди: «...я не жду от нее (Антиимпериалистической лиги. — В. Б.) многого; я вполне уверен в том, что никто из представителей так называемых империалистических или угнетающих государств не поможет нам даже незначительно, если их интересы будут противоречить нашим. У меня нет никаких иллюзий относительно их альтруизма. Но я приветствую все законные методы установления связей с другими странами и народами, стараясь понять их точки зрения и международную политику в целом. Я не считаю желательным или даже возможным для Индии прокладывать одинокую борозду сейчас или в будущем. Лишь в целях самообразования и самосовершенствования я стремлюсь к внешним контактам»²⁷.

Независимо от того, оправдывали ли объективная ситуация или фактическое положение вещей позиции Индийского национального конгресса, он, несомненно, не доверял европейским политикам, как правым, так и левым. И тогда у него еще не было контактов с русскими коммунистами. А подозрения относительно добросовестности европейских социалистов и II Интернационала в определенных кругах в Индии были настолько велики, что даже Неру, некогда находившийся под влиянием этих самых социалистов, перестал доверять им.

Все же по возвращении в Индию Неру поддерживал довольно прочные отношения с Лигой. Последняя в свою очередь считала Неру лучшим каналом связи с националистами в Индии. Он опровергал утверждения английской пропаганды о том, будто Лига выступает против политики ИНК, и разъяснял товарищам по партии, что она активно помогает угнетенным народам всего мира.

Но этому отношению доверия и веры в Лигу суждена была недолгая жизнь. Лига, не зная истинного положения дел в Индии, вскоре заняла критическую и даже враждебную по отношению к ИНК позицию. В националистическом движении она видела лишь реформизм, а в поведении его руководителей — затяжки и колебания. Лига также обвинила Индийский национальный конгресс в предательстве интересов рабочих и крестьян.

В июле 1929 г. состоялся второй конгресс Лиги во Франкфурте, где Индийский национальный конгресс был обвинен в предательстве дела независимости Индии, которое приветствовал Брюссельский конгресс. Сам факт такого обвинения, выдвинутого в отсутствие представителя ИНК, был сочтен в Индии оскорбительным. В глазах Неру франкфуртская декларация носила недопустимый характер. Он никогда не считал Лигу руководителем освободительных движений. По его мнению, она представляла собой в лучшем случае широкий фронт различных националистических движений против империализма. Он считал каждое движение абсолютно самостоятельным.

Критический момент наступил тогда, когда Неру под давлением Ганди одобрил и подписал в ноябре 1929 г. Делийский манифест*. В нем предлагалось отложить

* Речь идет о резолюции, внесенной Ганди на заседании Всендийского комитета Конгресса в Дели 4—5 ноября 1929 г.

движение гражданского неповиновения, если Англия согласится немедленно предоставить Индии статус доминиона. Это походило на компромисс с британским империализмом, и Неру начал сомневаться в мудрости Ганди.

Лига отреагировала на этот манифест самым бурным образом. Секретарь Антиимпериалистической лиги Чаттопадхья в личном письме Неру от 4 декабря 1929 г. потребовал, чтобы он снял свою подпись под манифестом. Это суровое письмо прибыло сразу же после другого письма, написанного им ранее, когда кандидатура Неру была предложена на пост председателя ИНК на 1929 г. В первом письме Чаттопадхья писал: «...если Вы согласитесь стать председателем (Конгресса. — Б. Б.), Вы должны быть готовы к тому, что в Конгрессе произойдет раскол и Вам придется предложить стране настоящую революционную программу. Иначе, если единство Конгресса будет сохранено на основе компромисса, Ваше пребывание на посту руководителя движения за независимость окажется невозможным»²⁸. Это заявление свидетельствовало о том, что Чаттопадхья совершенно не представлял себе реальной обстановки в Индии.

Конечно, Неру считал Делийский манифест «горькой пилюлей» и говорил, что «отказ от требования независимости, пусть даже теоретически и даже на короткое время, неверен и опасен»²⁹. Но он не захотел изменить свою позицию, особенно по требованию посторонней организации.

Неру пошел еще дальше. В январе 1930 г. он распорядился, чтобы Всеиндийский комитет Конгресса прекратил переписку с Лигой. Сам он написал секретариату Лиги в Берлин: «Боюсь, что у вас нет никакого представления об обстановке в Индии, и все же вы, не колеблясь, навязываете нам свои законы. Индийский национальный конгресс приветствовал образование Лиги и согласился в ней сотрудничать, но он не может терпеть вмешательство, к которому вы прибегаете»³⁰.

В то же время Лига выражала недовольство неспособностью Неру изменить ход событий в Индии и его слишком большой готовностью идти на компромисс перед лицом оппозиции. Поэтому его исключили из Лиги. Так произошел окончательный разрыв между Лигой и Индийским национальным конгрессом.

Событие это достойно сожаления и, несомненно, по-

влияло на будущие взгляды Неру. Он выступал за сотрудничество с Лигой и, конечно, приветствовал возможность поддерживать контакты с организацией, в которой был представлен весь мир и которая имела международный характер. Он соглашался с тем, что совместная борьба угнетенных народов против колониализма поможет ускорить процесс распада колониальных империй. Но при этом он оставался твердо убежденным в том, что эта борьба будет принимать различную форму в зависимости от конкретных условий каждого угнетенного народа. Однако Лига пыталась навязать одни и те же методы борьбы всем, без учета местных условий в той или иной стране. Это вело к возникновению разногласий между нею и националистическими движениями. Неру, несомненно, был интернационалистом, но прежде всего он был националистом. Мы уже отмечали, что он с большим подозрением относился к европейским движениям, а Лига по своему составу представляла главным образом Европу. В таких условиях он, естественно, не желал подчиняться диктату какого-то постороннего органа относительно того, как должна поступать Индия. Во всяком случае это означало бы отрицание права националистических руководителей Индии самим судить о состоянии дел в своей стране.

Лигу возглавляли несомненно способные люди. Но они пытались применить европейский опыт и свои теории к колониям, которые находились в состоянии чрезвычайной отсталости. В Индии, например, только Ганди мог бы мобилизовать широкие массы сельского населения и поднять их на борьбу. Однако Ганди конечно же не был революционером в том смысле, в каком понимали значение этого слова руководители Лиги. Он был «божьим человеком в поисках нового образа жизни». Если бы руководители Лиги почувствовали эту особенность индийской обстановки, они не настаивали бы на том, чтобы Неру пошел на раскол Конгресса. Кроме того, они очень мало знали о привязанности Неру к Ганди как человеку. Временами то, что делал Ганди, Неру не одобрял, но ведь лишь гандистские методы имели шансы на успех в Индии.

Находясь в Европе, Неру много размышлял о происходившем в Советской стране. Он продолжал весьма благожелательно относиться к Советскому Союзу, ибо считал появление Советской России важным фактором антиимпериалистической борьбы. Он одобрял также со-

ветскую внешнюю политику. В статье, написанной 13 сентября 1927 г. в Монтане, в Швейцарии³¹, Неру сделал анализ международной обстановки. Он сразу же отверг утверждение англичан, будто Россия представляет собой угрозу для Индии. Говоря о независимой политике Индии по отношению к Советской России, он подчеркивал, что у Советского Союза мирные цели и что Индии нечего его бояться. «Опасность со стороны России создается исключительно лишь соперничеством между Англией и Россией. Она перестанет существовать, как только связь с Англией будет разорвана», — писал он.

Неру не видел причин, в силу которых Индия должна обременять себя европейскими проблемами и заниматься враждебными отношениями, существовавшими между европейскими государствами. У Советского правительства, отмечал он, в период его становления много трудностей, и поэтому вряд ли оно пойдет на какие-либо зарубежные авантюры. Советское правительство состоит из представителей рабочих и крестьян, которые вряд ли захотят новых войн. Поэтому любое утверждение о советских авантюрах абсолютно неверно. Я убежден, говорил Неру, что советские рабочие и крестьяне поднимутся на борьбу лишь в том случае, если создастся угроза безопасности их молодого государства со стороны его врагов. А если же тучи войны все же сгустятся, то это произойдет из-за усилий Англии изолировать Советское государство от международного сообщества и окружить его. Неру задавал вопрос: какое отношение имеет Индия к имперским амбициям Англии и почему она должна наследовать английскую точку зрения на Советскую Россию? Он был убежден в том, что у независимой Индии установятся дружественные отношения с Советской Россией.

Однако Неру отнюдь не игнорировал проблему безопасности Индии. Его заботила оборона страны, но в то время он думал не столько о военной защите, сколько о готовности народа защищать свое государство. А этого добиться можно было, считал он, только в том случае, если народ сбросит со своих плеч иго эксплуатации, если у него появятся надежды на новое будущее. И здесь он снова приводил пример Советского Союза, где простые люди все, как один, поднялись на борьбу с врагами, стремившимися повернуть вспять революцию и уничтожить ее достижения. Русский народ, отмечал Неру, несмотря на несчастья и трагедии, нанес пораже-

ние своим врагам, начал борьбу с голодом и болезнями и с поразительным мужеством и упорством взялся за восстановление страны. Поэтому, считал Неру, Индии легче было бы защитить себя, если бы ее свобода покоилась на «свободе масс, если бы она подняла угнетенных и пробудила в них сознание того, что и они получают долю благ, которые принесет независимость...».

Неру не считал, что новый общественный строй Советского Союза помешает установлению дружественных отношений между двумя странами. Он был уверен, что, даже избрав иную систему, Индия сумеет поддерживать добрые отношения с Россией. «Нам не обязательно быть коммунистами, — писал он, — и не обязательно соглашаться с их евангелием коммунизма, чтобы оценить многое из сделанного ими».

Неру еще не был в Советском Союзе. Но он уже глубоко симпатизировал Советскому государству и высоко ценил его внешнюю политику. Он надеялся на установление дружественных отношений между Индией и Советским Союзом. Он даже предвидел возможность того, что Индия и Советский Союз вместе поведут борьбу против империализма. Но, будучи противником диктата извне, он не хотел полностью следовать и советскому образцу. Неру считал, что индийцы сами должны выбрать свой путь.

Поездка в Москву (1927)

Пребывание Неру в Брюсселе явилось поворотным пунктом в его биографии. Знакомство с людьми из различных частей земного шара и обмен мнениями по проблемам империализма, колониализма и расизма побудили его глубоко задуматься о трагедии, переживаемой значительной частью человечества, находящейся под чужеземным господством. Но он еще не получил ответа на главный, все еще волновавший его вопрос: какое общество должны создать народы колоний? Капитализм в том виде, в каком он был известен Неру, отталкивал его. Социализм, представлявший собой определенную альтернативу, в чем-то даже привлекательную, для многих обладал притягательной силой. Но ведь пока это социалистическое общество пытались построить только в одной стране, и Неру горел желанием посетить Советский Союз, посмотреть, как молодое Советское государство справляется с огромной задачей перестройки общества на новой основе. Такая возможность представилась ему, когда Всесоюзное общество культурных связей с заграницей пригласило семейство Неру, находившееся тогда в Берлине, на празднование десятой годовщины Октябрьской революции. Приглашение было принято, и Джавахарлал, его отец Мотилал, жена и сестра Кришна поехали в Москву. Советское правительство направило приглашения и некоторым другим индийским деятелям — Рамананде Чаттерджи, Субхасу Чандра Босу и доктору Радхакришнану*, а также ряду таких политических организаций, как Всеиндийский конгресс профсоюзов (ВИКП), рабоче-крестьянские партии Бенгалии,

* Субхас Чандра Бос (1897—1945) — лидер левого крыла Конгресса в 1930-х годах, его председатель в 1938 и 1939 гг.; Сарвапалли Радхакришнан (1888—1975) — крупнейший индийский философ, вице-президент (1952—1962), президент Индии (1962—1967).

Бомбея, Мадраса, Раджпутаны и др. Английское правительство Индии не разрешило, во всяком случае вначале, передать приглашения политическим партиям, хотя и согласилось на вручение индивидуальных приглашений отдельным деятелям. Позднее оно попыталось помешать их поездке и во многих случаях отказывало им в выдаче паспортов.

Однако индийская националистическая пресса горячо приветствовала предоставленную таким образом индийским деятелям возможность посетить Советский Союз во время празднования десятой годовщины Октябрьской революции. Она подчеркивала, что «все, кто дорожит свободой» должны считать для себя честью принять участие в праздновании¹.

Так, одна калькуттская газета писала, что «дружба между Россией и Индией, пробудившейся к пониманию идеи национализма и стремящейся к свободе, чрезвычайно желательна для всех индийцев»². После поездки Неру в Москву другая выходившая в Калькутте газета, «Ананда базар патрика», подчеркивала: «Индия не питает вражды к демократии, установившейся в России, несмотря на враждебность ее многочисленных могущественных противников. В Британской империи с индийцами обращаются как с бездомными собаками и всячески их унижают. Другие белые народы тоже презирают Индию за то, что она находится в зависимости. Россия первой пригласила зависимую Индию участвовать в международной политике и оказала достойный прием пандиту (Джавахарлалу), который представляет Индию»³.

Некоторые из индийских руководителей не смогли присутствовать на праздновании в Москве из-за препятствий, чинимых англичанами. Они выразили сожаление по этому поводу и объяснили причины своего отсутствия в ответных письмах. Так поступил руководитель бенгальской «свараджистской» партии и мэр Калькутты Сен Гупта. Он послал в Москву телеграмму, в которой сообщал, что не может приехать на торжества из-за противодействия англичан. Тем не менее он выражал надежду на то, что «единение России с Азией и решительная борьба против империализма приведут к подлинному освобождению и настоящему единству человечества»⁴.

Неру тоже с трудом получил визу для поездки в Москву. Английское правительство отказалось визировать паспорт для поездки в СССР, поскольку всегда считало

его опасным мятежником. Однако ему повезло. Когда он прибыл из Лондона в Париж, то встретил там старого друга из Харроу, занимавшего пост английского посла во Франции. Он рассказал ему о своих трудностях с получением виз для поездки в Москву, и тот все ему устроил⁵. Таким образом, поехать в Москву Неру помог чистый случай, а это еще раз свидетельствовало о том, как всячески мешали националистическим движениям в то время проводить свою независимую политику.

Семья Неру отправилась из Берлина поездом через Польшу и через сутки, вечером 7 ноября, прибыла в русский пограничный городок Негорелое. Путешествие было скучным и монотонным. Но как только Неру прибыли в Советскую Россию, все сразу же переменялось. Царила праздничная атмосфера, вокруг были веселые и радостные люди. Празднование годовщины Октябрьской революции уже началось, и гостей со всех концов света прибывало все больше и больше. Прекрасно организованная встреча и дружелюбие советских людей произвели глубокое впечатление на всех Неру. Мотилалу простой, но сердечный прием, оказанный русскими, напомнил о многих трогательных встречах с индийскими крестьянами в дни движения несотрудничества. Путешествие из Негорелого в Москву прошло в более комфортабельных условиях. Неру снабдили постельными принадлежностями и обеспечили хорошим питанием. Они были освобождены от таможенных формальностей.

Имя Джавахарлала Неру уже было известно русским. Он пользовался уважением среди них. Орган Коммунистической партии газета «Правда» 5 ноября на первой полосе сообщила своим читателям о прибытии семьи Неру, сопроводив это сообщение краткими биографиями членов этой семьи. Она писала: «Сегодня-завтра должен приехать один из виднейших вождей индийского национального движения — пандит Мотилал Неру». В статье давалась характеристика руководящей роли, которую играл Мотилал Неру в «революционном движении 1920—21 года», и рассказывалось, как он вместе с Ч. Р. Дасом основал в 1923 г. «свараджистскую» партию. Газета назвала Мотилала Неру фактическим руководителем этой партии и сообщила, что «он приедет в Москву в сопровождении своего сына Явахирлала Неру, вождя левого крыла Национального конгресса». В статье также подчеркивалась важная роль Джавахарлала Неру на Брюссельском конгрессе.

Джавахарлал Неру со своей стороны относился с большой симпатией к социалистическому эксперименту в России и грандиозной задаче перестройки, которая осуществлялась там. Он хотел увидеть все это своими глазами. Его пребывание, хотя и непродолжительное, сыграло весьма важную роль. Неру был рад своей поездке в Советский Союз, ибо «даже ради этого короткого знакомства стоило поехать»⁶. Поездка дала ему возможность ознакомиться с некоторыми основными чертами «самого смелого эксперимента в истории»⁷.

То, что Неру увидел в Москве, произвело на него неизгладимое впечатление, и его восхищение Советским Союзом и его народом в огромной степени возросло. Он признавал, что имеется ряд негативных сторон советской жизни, но они не были столь значительными, чтобы повлиять на его общие впечатления. Неру считал, что Советская страна «может явиться для мира вестницей надежды»⁸.

Даже на Мотилала Неру, мало знавшего о социализме и Советском Союзе, эта поездка произвела глубокое впечатление. Впоследствии он писал: «Конечно, у меня непредвзятый ум. Я побывал в России. На меня оказывали сильное давление, убеждая не ездить туда, но я не робел перед коммунизмом... Большая часть того, что я увидел в России, вызвала у меня восхищение. Советское правительство предприняло грандиозный эксперимент...»⁹

По возвращении в Индию Джавахарлал Неру написал книгу «Советская Россия», в которой выразил свою симпатию к Советскому Союзу и восхищение проводившейся там работой по созданию новой формы общества.

Поездка Неру в Советский Союз и его наблюдения имели один очень важный результат. Они опровергали ту извращенную картину положения в Советской России, которую англичане преподносили Индии. Фактически это дало толчок для объективной и положительной оценки страны. Неру писал, что его взволновала «эта необычная евроазиатская страна серпа и молота, где рабочие и крестьяне сидят на тронах власть имущих и срывают тщательно разработанные планы всех врагов». Он писал своей сестре из Москвы, что находится «в стране, где все перевернуто вверх дном. Все прежние ценности потеряли значение, и жизнь носит необычный характер»¹⁰. Он обнаружил, что большевики вовсе не так кровожадны, как это изображают англичане. Наоборот, они

показались ему миролюбивыми, трудолюбивыми и веселыми людьми.

Москва предстала перед Неру как город рабочих и крестьян. Она была простой, но прекрасной, и если ей не хватало блеска, то это восполнялось разнообразием и красочностью ее жизни. В Москве высокие здания и широкие улицы. Это, считал он, место встречи Азии и Европы, с печатью и той и другой. «В Москве, — писал Неру, — Азия выглядывает на каждом углу, Азия не тропическая, а Азия широких степей и холодных районов севера, востока и центра»¹¹.

Неру глубоко поразило отсутствие как роскоши, так и нищеты, по его мнению, характерных для западных городов и городов Индии. Богатство не имело никакого веса в Советском Союзе, и Неру не заметил там никаких классовых или кастовых различий. В его глазах это удивительное отсутствие различных классов, существующих в других странах, было одним из величайших достижений советского общества. Люди вели простую жизнь, резко контрастировавшую с пышным образом жизни богачей на Западе. Неру встретился с советским президентом Калининым, и на него произвел большое впечатление тот факт, что Калинин жил в двух- или трехкомнатной квартире, скромно обставленной, лишенной намека на роскошь или пышность. Он признал, что скромность советского образа жизни удивила его жену Камалу. Он писал сестре, что «несколько часов пребывания в Москве произвели на Камалу такое впечатление, что она захотела срезать со своего сари кайму, поскольку боялась показаться слишком пышно одетой»¹².

Семья Неру пробыла в Москве четыре дня, полных впечатлений. Они встречались с видными деятелями и присутствовали на нескольких собраниях. С ними беседовал первый комиссар народного просвещения Луначарский. Неру и его близкие побывали в оперном театре. Неру увидели столько, сколько позволяло такое короткое время. Однако они сожалели о том, что прибыли в Москву слишком поздно и пропустили праздничный парад.

В оперном театре им представилась возможность познакомиться с блеском и изяществом советской оперы. Но Джавахарлал обратил внимание на то, что зрителями были простые люди. Он писал: «Зал был заполнен людьми в повседневной одежде... Никто не пытался нарядиться ради этого случая...»¹³⁻¹⁴

Не меньшее впечатление произвела на Неру советская система образования. Он отметил факт раскрепощения женщин и их важную роль в советской жизни. В книге «Советская Россия» он посвятил отдельные главы положению женщин и советской системе образования, чтобы показать их важность. По его словам, характерными чертами образования в Советском Союзе были: роль, отводившаяся Советским правительством образованию в строительстве нового общества; решительность, с которой это правительство вело борьбу за ликвидацию неграмотности; использование образования для воспитания стремления служить интересам всего общества; бесплатный и обязательный характер образования, доступного всем гражданам, в отличие от положения, существовавшего в царской России; ориентация учебных программ на всестороннее развитие человеческой личности и практических навыков; отделение церкви от школы. Хотя в 1927 г. в Советском Союзе еще не были осуществлены все задачи, поставленные в области образования, увиденное по сравнению с положением в Индии произвело на Неру глубокое впечатление. Он отметил, что отношение Советского Союза «к образованию и особенно его решительная борьба с неграмотностью кажутся индийцу самой интересной и поучительной чертой новой политики».

Неру заинтересовало и многое другое, происходившее в СССР. 12 ноября 1927 г., по пути из Москвы, он писал сестре: «Электрификация страны идет очень быстро, и уже по всей территории работают десятки больших электростанций. Промышленные рабочие, конечно, организованы лучше крестьян. Нет никаких сомнений в том, что, несмотря на бедность и низкую заработную плату, крестьяне и рабочие в России живут гораздо лучше, чем где бы то ни было. Более того, улучшилось их моральное состояние, и они смотрят в будущее с надеждой и уверенностью»¹⁵.

В то время его занимала проблема расизма и национальных меньшинств. Советский Союз эти проблемы уже решил. Неру на личном опыте познакомился с проявлениями расизма на Западе, а также с унижениями, которым подвергались индийцы у себя дома при английском правлении. Хотя он считал расизм глубоко укоренившейся чертой белой расы, тем не менее увидел, что в новом советском обществе отсутствуют его признаки.

Аналогичным образом на него, знающего, что такое межобщинная рознь и предрассудки в Индии, произвело большое впечатление решение национального вопроса в Советском Союзе. Там было больше национальных меньшинств, чем в Индии. Неру писал: «...прогресс, достигнутый за последние пять лет, несомненно, говорит о том, что проблема меньшинств там в основном решена... Сто пятьдесят лет английского правления в Индии не идут ни в какое сравнение в этом отношении... Англичане не желают решать эту проблему»¹⁶.

В Москве 8 ноября Неру присутствовал на заседании в Доме союзов, посвященном десятилетию революции. Там находился также В. В. Балабушевич, тогда молодой индолог, впоследствии заместитель председателя Общества советско-индийской дружбы. Он вспоминал, что, когда членов семьи Неру представили собравшимся, «все, кто находился в зале, встали и устроили им горячую овацию. Джавахарлал уже в то время считался выдающимся борцом против империализма и колониализма»¹⁷.

Неру принял также участие во Всемирном конгрессе друзей СССР, который открылся в Москве 10 ноября. На нем присутствовало почти 10 тысяч делегатов из 45 стран. В связи с этим «Правда» (12 ноября) поместила статью «Издевательство над Индией», в которой резко критиковалось британское колониальное правление в Индии и от имени конгресса выражались горячие пожелания успеха ее борьбе.

Поездка в Россию оставила глубокий след у Неру. Он признавался, что «увез из Москвы самые благоприятные впечатления: все, что я прочитал, подтвердило их правильность»¹⁸.

Кроме того, его поездка способствовала благожелательному отношению индийцев и индийского освободительного движения к Советской России. Те, кто прочитал его книгу, попросили порекомендовать им другие издания о Советской России, на что он откликнулся.

Неру говорил, что рекомендованные им работы дают довольно полное представление о социализме, о русской революции и о влиянии на нее различных экономических теорий. Особенно советовал прочесть две книги очевидцев русской революции — «Мои воспоминания о русской революции» Филиппа Прайса и «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида. Тем, кто хотел понять взаимосвязь между индийским и русским экспери-

ментами, он предложил познакомиться с книгой Фэллоп-Миллера «Ленин и Ганди» и книгой «Гений и характер» Эмиля Людвига. А тем, кто интересовался развитием Советского Союза, — книгу Мориса Добба «Русское экономическое развитие после революции». Помимо этого он включил в список рекомендованной им литературы книгу «Советская Россия сегодня», написанную посетившей Москву делегацией английских рабочих, и книгу Х. Н. Брейлсфорда «Как работают Советы». Это свидетельствовало о знакомстве Неру с некоторыми доступными ему работами о Советском Союзе и Октябрьской революции¹⁹.

В 1927 г. Советский Союз, конечно, не был еще тем идеальным государством, построить которое мечтали большевики. Молодому государству приходилось еще сталкиваться со многими испытаниями. В результате гражданской войны и повторяющегося голода положение в стране оставалось неустойчивым. Трудности усиливались и из-за внешнеполитических осложнений. Западные страны относились к Советскому государству как к парии, изгою. Они отказывались предоставить ему какую-либо помощь, включая финансовую. Неру знал о большинстве этих трудностей и тем больше восхищался советскими достижениями.

Свою окончательную оценку Советской России он выразил в следующих словах: «После большевистской революции в России прошло десять лет. Но следует помнить, что первые пять из этих десяти лет были полностью заняты войной против внешних и внутренних врагов и еще более тяжелой борьбой с голодом и блокадой. На страну напало множество врагов, которые пытались задушить ее, отрезав от путей снабжения продовольствием. На протяжении нескольких лет судьба революции висела на волоске, и экономическая жизнь страны оказалась полностью нарушенной. Лишь в последние пять лет там установился сравнительный мир и появилась возможность развивать ресурсы. Но даже в этот период стране приходилось противостоять враждебности большинства правительств Европы и сверхкапиталиста — Соединенных Штатов Америки. У России не было достаточных средств для развития, ей отказывали в кредитах и капиталах из-за рубежа. Однако все компетентные наблюдатели отмечают, что она добилась прогресса и уже восполнила потери, понесенные в период войны, длившейся восемь лет»²⁰.

На Неру глубокое впечатление произвела также личность Ленина, вождя русской революции. Он считал, что именно его негибкая энергия, воля и решимость сделали возможным успех революции. Он видел в Ленине гениального политика, человека действия. Воздавая должное Ленину, Неру писал: «Его поразительная сила воли загипнотизировала народ и вселила в деморализованных и разобщенных людей энергию, силу и решимость пострадать за свое дело». Особенно Неру привлекало в Ленине то, как он отстаивал равенство людей, равенство народов Азии и Европы²¹.

В то же время Неру больше всего интересовала реальная обстановка в Советском Союзе, решение молодым государством стоявших перед ним социально-экономических задач. Он знал, что это важно для Индии, ибо условия в той и другой стране были в чем-то схожими. Обе страны были аграрными. Промышленность у них находилась на раннем этапе развития. Другими общими чертами были бедность и неграмотность народа. Это сходство побудило его написать: «Если Россия найдет удовлетворительное решение этих проблем, это облегчит нашу задачу в Индии»²².

Опыт Советской России представлялся важным для Индии и по другим причинам. «Мы не можем, — указывал Неру, — игнорировать Россию и потому, что она — наш сосед, сильный сосед, который может относиться к нам дружески, сотрудничать с нами или же колоть нас, как шип. В любом случае нам нужно знать и понимать ее и соответствующим образом строить нашу политику... Безразличие недопустимо»²³.

Неру также импонировало направление советской внешней политики, особенно стремление к миру. Он не думал, что Советский Союз представляет угрозу для Индии. «Нельзя и помыслить о том, что Россия в ее теперешнем состоянии и в течение долгого времени и впредь станет угрожать Индии, — писал он. — Ей не нужны новые территории... Она все еще в основном аграрная страна, старающаяся развить промышленность. Ей нужны капиталы и знания специалистов. От Индии она их не получает. Она в большом количестве производит сырье, а не промышленную продукцию на экспорт и для демпинга в другие государства. То же самое делает Индия. В настоящее время между этими двумя странами столько сходства, что они не могут эксплуатировать друг друга, и у России нет никаких экономических

причин стремиться в Индию... [Следовательно,] Россия и Индия должны жить как добрые соседи с минимальными поводами для трений...»²⁴

Неру твердо придерживался такой точки зрения, и она стала частью его отношения к Советскому Союзу. Поэтому эти благоприятные впечатления сыграли немалую роль в формировании независимой внешней политики Индии. Неру считал, что враждебность Запада к СССР проистекает из его империалистических устремлений, что Индия не должна иметь к этому никакого отношения. Поэтому он настаивал на том, что, в случае если Англия встанет на путь авантюр в отношении Советского Союза, народ Индии должен не только выступить против таких авантюр, но и не сотрудничать с Англией.

Таким образом, Неру подготовил народ Индии к будущим событиям. И не только народ, но и националистических руководителей. Симпатии к Советскому Союзу в Индии продолжали расти, и, когда разразилась война, к советскому народу было проявлено столько добрых чувств, что движение в поддержку Советского Союза приобрело всеиндийский размах.

За независимость, социализм, Советский Союз (1928—1929)

Неру вернулся в Индию после пребывания в Европе и поездки в Москву в декабре 1927 г. За два года его отсутствия настроение в стране изменилось, начался новый подъем движения. У Конгресса снова появились надежда и динамизм. Новый подъем наблюдался также среди промышленных рабочих, крестьян, молодежи и интеллигенции. Стал влиятельной силой Всеиндийский конгресс профсоюзов. Крестьяне проводили марши протеста. По всей стране возникали молодежные лиги. Вот в такую Индию возвратился Неру.

Да и сам он был уже другим. «Я чувствовал себя полным сил и жизненной энергии, и ощущение внутреннего разлада и разочарования, которое раньше так часто угнетало меня, пока не давало о себе знать»¹, — писал он. Неру стал решительным и радикальным националистом и убежденным социалистом. Теперь он уже не мог мириться с прежней бессистемной политической деятельностью или соглашаться на статус доминиона, что привело бы к сохранению Британской империи и ее системы эксплуатации. Вместо этого он решительно отстаивал идею независимости Индии. Лишь в ней он видел возможность перестройки Индии в соответствии с чаяниями и духом ее народа. В это же время Неру также понял, что политическая свобода должна вести и к экономической свободе. Описывая свое настроение того времени, Неру отмечал: «Мое мировоззрение стало более широким, и национализм в собственном смысле слова казался мне определенно узкой и недостаточной доктриной. Политическая свобода, независимость, без сомнения, имели существенно важное значение, но это были только шаги в верном направлении; при отсутствии со-

циальной свободы и социалистического строя общества и государства ни страна, ни человеческая личность не могли свободно развиваться»².

Стал более широким и его взгляд на международные события. Он теперь на практике познакомился с различными проявлениями империализма и капиталистической эксплуатацией колоний, понимал, что войны ведутся из-за соперничества внутри империалистического лагеря, борьбы за рынки и ресурсы. Неру также пришел к убеждению, что русская революция явилась реакцией на события в Европе, отрицанием взглядов правящих в Европе классов. Он получил достаточно доказательств того, что Советская Россия проводит политику мира и что именно Запад, особенно Англия, ведет войну против Советского Союза.

Он был полон решимости не допустить участия Индии в подобных заговорах Англии. Кроме того, Неру, как никогда раньше, был убежден, что борьба против империализма — задача общемировая. По его словам, узкий национализм больше его не удовлетворял. Увиденное в Брюсселе подтверждало, что борьба за освобождение колоний стала всемирным движением. Поэтому он пришел к выводу, что Индия «должна извлечь уроки из происходящего в других странах и учиться на их опыте»³. Однако он полагал, что спасение Индии должно быть ее собственным делом.

Вскоре после возвращения Неру в Индию в Мадрасе состоялась сессия Конгресса. Неру удивил руководство Конгресса, внеся знаменитую резолюцию с требованием полной независимости Индии. Хотя этот шаг явился вызовом авторитету его отца и Ганди, он был убежден, что реформа в рамках колониальной системы, большая степень автономии и даже статус доминиона уже не отвечают нуждам страны.

Как ни странно, но его резолюция была принята, что в какой-то степени отражало новые настроения в Конгрессе. В ней содержалось требование о немедленном предоставлении Индии независимости, контроля над обороной, финансами и внешними сношениями, а также права самой определять, какое общество она решит у себя создать. В другой резолюции Неру предложил Конгрессу присоединиться к Антиимпериалистической лиге⁴.

Неру явился также автором еще одной важной резолюции — об опасности новой войны, угрожающей миру.

В этой резолюции «Об угрозе войны» говорилось: «Конгресс отмечает с глубокой тревогой чрезвычайно широкие военные приготовления, проводимые английским правительством в Индии и восточных морях, особенно на северо-западной границе Индии. Эти приготовления к войне не только рассчитаны на укрепление власти британского империализма в Индии, с тем чтобы задушить все попытки добиться свободы, но и приведут к катастрофическому ускорению войны, во время которой будет предпринята попытка еще раз превратить Индию в оружие в руках чужеземных империалистов».

В резолюции также отмечалось, что «народ Индии не собирается ссориться со своими соседями», причем явно имелся в виду Советский Союз, и выражалось стремление «жить с ними в мире». В ней утверждалось право народа Индии самому определять, принимать ли участие в какой-либо войне. Она призывала англичан прекратить военные приготовления. В заключение подчеркивалось, что «в случае, если английское правительство предпримет какую-либо военную авантюру и попытается использовать Индию для достижения своих империалистических целей, долгом народа будет отказаться от участия в такой войне или сотрудничестве с этим правительством в той или иной форме»⁵.

К удивлению Неру, все предложенные им резолюции получили единодушное одобрение. Конечно, были и выступления против них. Главным их противником оказался сам Ганди. Хотя он и входил в состав Рабочего комитета Конгресса, Ганди присутствовал лишь на открытии сессии и, возможно намеренно, не появлялся на последующих заседаниях. Его возражения сводились к тому, что такими резолюциями «Конгресс выставляет себя на осмеяние», ибо не в состоянии осуществить их. «Принимая такие резолюции, — говорил он, — мы демонстрируем наше бессилие, становимся объектом насмешек наших критиков и презрения нашего противника. Конгресс не сможет стать непобедимой силой, которой он был и должен быть, если его резолюции неверны и остаются лишь на бумаге. Мы опустили чуть ли не до уровня школьного дискуссионного клуба». Ганди считал, что Неру «слишком торопится», что ему «следовало бы поразмыслить подольше и акклиматизироваться» в Индии, прежде чем предлагать такой революционный курс⁶.

Критикуя резолюции, Ганди руководствовался одной

целью — охладить энтузиазм и радикализм Неру. Хотя их связывали большая привязанность и уважение, Ганди не считал нужным смягчать свою критику радикализма Неру. В свою очередь Неру не хотел доводить свои разногласия с Ганди до логического завершения, что означало бы раскол Конгресса. Вместо этого он поддерживал добрые отношения с Ганди, но в то же время продолжал энергично пропагандировать свои взгляды. Никаких компромиссов в этом вопросе он не допускал.

В секретном донесении английских властей в Индии о роли Неру на мадрасской сессии говорилось следующее: «Влияние Джавахарлала Неру, столпа Антиимпериалистической лиги, ясно видно из резолюций в поддержку независимости как подлинной цели Индии и о присоединении Конгресса к Лиге (Антиимпериалистической. — В. Б.)»⁷.

Требование полной независимости вызвало опасения среди сторонников постепенных действий в националистическом движении, а также в правительственных кругах. Чтобы охладить пыл радикалов, английское правительство направило в Индию комиссию во главе с сэром Джоном Саймоном * для переговоров с индийскими политическими партиями по конституционным вопросам.

С самого начала комиссия Саймона встретила оппозицию, особенно со стороны радикалов. Консерваторы тоже выступили против нее, потому что в ее состав не входил ни один индеец. Комиссию повсюду встречали бурными демонстрациями, и по всей стране ей был объявлен бойкот. Комиссии дали ясно понять, что любая конституция Индии должна исходить из ее чаяний и стремлений. Комиссия провела в Индии почти год, который был отмечен быстрым ростом антианглийских настроений, а также активизацией политической борьбы.

Враждебное отношение и бурные выступления против комиссии Саймона побудили министра по делам Индии в Лондоне объявить, что он рассмотрит предложения индийских руководителей о конституционных реформах, если они подготовят одобренный всеми ими доклад. Был образован подкомитет, представлявший различные направления, включая Конгресс, его председателем был избран Мотилал Неру. В докладе Неру, как

* Назначенная в 1928 г. английским правительством комиссия во главе с лордом Саймоном, которая должна была подготовить предложения о новом законе об управлении Индией.

его называли, предлагалось предоставить Индии статус доминиона в составе Британского содружества наций. Состоявшаяся в августе 1928 г. в Лакхнау всепартийная конференция обсудила этот доклад и приняла резолюцию, в которой в качестве цели выдвигался статус доминиона, что явилось отрицанием резолюции мадрасской сессии Конгресса, содержавшей требование полной независимости.

На этой конференции Джавахарлал Неру вновь выдвинул требование полной независимости. Он отвергал статус доминиона как в качестве ближайшей, так и в качестве отдаленной цели. В знак протеста он покинул конференцию вместе с 30 другими участниками, отмежевываясь таким образом от ее решения. Однако он и его группа заявили, что в интересах сохранения единства они поддержат доклад. В то же время Неру сказал, что «мы собираемся делать то, что сочтем нужным и необходимым для достижения полной независимости»⁸.

Добиваясь этой цели, Джавахарлал Неру вместе с Субхас Чандра Босом, С. С. Айенгаром * и еще несколькими «левыми» создает Лигу независимости Индии и становится ее духовным вождем, стремясь использовать ее в качестве главного орудия борьбы за революционные преобразования, на которые он уже сделал ставку. Лига, созданная в августе 1928 г., поставила перед собой цель добиться полной независимости Индии. Она также призывала к перестройке индийского общества и обеспечению экономической справедливости для всех. По инициативе Неру Лига приняла радикальную социально-экономическую программу, написанную им. В ней Лиге предлагалось добиваться ликвидации всякого политического, социального и экономического неравенства различных групп индийского общества. Индия должна была стать социалистическим и демократическим государством, предоставляющим всем гражданам возможности для развития. Неру предлагал ввести государственный контроль над всеми средствами производства и распределения. Эта рекомендация была, очевидно, подсказана ему знакомством с советским экономическим строем. Неру хотел, чтобы Лига добивалась перестройки феодально-капиталистического общества Индии путем

* С. Сриниваса Айенгар (1874—1941) — один из лидеров Конгресса в Мадрасской провинции в 20-е годы, председатель Конгресса в 1926 г.

организации «тех групп и классов, которые страдают и больше всего эксплуатируются при существующей системе»⁹. Он относил к этим классам и группам крестьян, сельскохозяйственных рабочих, промышленных рабочих, лавочников, представителей определенных профессий, ремесленников, кустарей и безработную интеллигенцию. «У нас нет ничего общего с теми классами, которые по своему характеру паразитируют в обществе»¹⁰, — говорил он. Неру считал организацию всех прогрессивных и активных групп населения необходимой для социально-экономической революции. Особый упор он делал на роль крестьянства и промышленных рабочих, которые, как он понял, составляли основную массу населения и несли самое тяжелое экономическое бремя. Поэтому Лиге надлежало немедленно же заняться организацией профсоюзов крестьян и рабочих.

Для скорейшего облегчения страданий народа Лига предложила ряд радикальных мер¹¹. По ее мнению, необходимо было ввести в основном прямое налогообложение, поскольку бремя косвенных налогов легко регулируется таким образом, чтобы всей своей тяжестью оно ложилось на беднейшие слои населения. Лига требовала обложения прямыми налогами класса богатых землевладельцев. А для сокращения неравенства богатства она предложила ввести прогрессивный налог на наследство.

В программе Лиги значительное место уделялось обязательному начальному образованию, а также всеобщему избирательному праву. Для ограничения эксплуатации рабочих Лига предусматривала введение минимальной заработной платы. Что касается социальных вопросов, то Лига считала, что каста или религия не должна давать права на какие-либо привилегии или особый статус. Она также призывала к укреплению системы панчаятов в деревне с целью устранения произвола помещиков и учреждения арбитражных органов для решения споров между рабочими и предпринимателями.

В области промышленности Лига предлагала установить государственный контроль над ключевыми отраслями, обеспечить возможность для создания профсоюзов и фабричных комитетов рабочих, восьмичасовой рабочий день и сорокачасовую рабочую неделю, специальные меры охраны работающих женщин и молодых рабочих, в частности запрещение использовать их на опасных работах.

Она также отстаивала организацию охраны материнства и другие меры защиты работниц, пособия по безработице и страхование от несчастных случаев и по болезням.

В области сельского хозяйства программа Лиги содержала далеко идущие рекомендации. Она призывала к его коренной перестройке, ликвидации посредников между земледельцами и государством*, обеспечению крестьян экономически рентабельными земельными участками, аннулированию сельскохозяйственной задолженности с выплатой частичной компенсации ростовщикам, образованию производственных и потребительских кооперативов и т. д.

Лига также предлагала отменить неприкосновенность и все унижительные барьеры между людьми, а также затворничество для женщин и обеспечить правовое и гражданское равенство между мужчинами и женщинами.

Лига независимости Индии была убеждена, что англичане не предоставят Индии конституцию в соответствии с рекомендациями всепартийной конференции. Она надеялась, что в таких условиях Конгресс в соответствии со своим обязательством объявит целью полную независимость Индии. А пока что члены Лиги, являясь одновременно членами Конгресса, не хотели ставить под угрозу свое пребывание в его рядах.

Для широкой пропаганды идей Лиги было принято решение открыть ее отделения в различных районах страны. Их задачей ставилось образование рабочих и крестьянских союзов, публикация литературы на языках провинций для популяризации программы Лиги, а также организационное укрепление Конгресса и ознакомление с его политикой. В то же время Лига решила создать организацию добровольцев для проведения активных кампаний подготовки народа к массовым выступлениям. Был образован комитет по пропаганде и принято решение открыть в деревнях центры для работы среди крестьян.

Так, одно за другим появились отделения Лиги в Соединенных провинциях, Бенгалии, Бомбее, Карачи, Хайдарабаде, Аджмере, Уткале, Андхре, Тамилнаду и др. Бомбейское отделение было открыто в октябре 1928 г., и его председателем стал Б. Г. Хорниман. В работе отделения приняли участие член Законодательного собра-

* Речь идет о помещиках-заминдарах.

ния Дж. М. Мехта, член Законодательного совета К. Ф. Нариман, председатель бомбейской Молодежной лиги Х. Л. Хатчинсон и многие другие. Аналогичное отделение Лиги для провинции Синд возникло в Карачи. Его секретарем стал левый деятель Дж. Хасан Бухари, а председателем — известный в Синде революционер и коммунист Свами Говиндананда. В ноябре 1928 г. на собрании в Дели все эти отделения объединились во Всеиндийскую лигу независимости.

Ее председателем был избран С. Сринаваса Айенгар, секретарями — Джавахарлал Неру и Субхас Чандра Бос, казначеем — Шива Прасад Гупта.

Лига образовала временный Всеиндийский совет, в состав которого вошли представители Соединенных провинций, Бенгалии, Андрхы, Тамилнаду, Бихара, Дели, Кералы, Бомбея, Пенджаба, Синда, Гуджарата и Махараштры. Штаб-квартира Совета должна была находиться в Аллахабаде, где жил Джавахарлал Неру, на которого возложили ответственность за работу Лиги.

Собрание в Дели приняло еще одно важное решение: Лига должна присоединиться к Антиимпериалистической лиге.

Было принято также решение об издании еженедельника для пропаганды программы Лиги и о создании исследовательского отдела для изучения различных сторон движений за независимость в Индии и других странах. Лиге предлагалось уделить особое внимание изучению программ и деятельности религиозно-общинных организаций страны, политическая ориентация которых определялась религией. К тому времени уже существовало несколько таких организаций, стоявших на узкосектантских позициях. К их числу относились Мусульманская лига, Хинду махасабха (Великий союз индусов), Сикхская лига, Южноиндийская либеральная федерация и др. Тех, кто принадлежал к таким религиозно-общинным организациям, запрещалось принимать в члены Лиги.

А тем временем события в Индии развивались с нарастающей быстротой. Революционные идеи получали все большее распространение. Начался Мирутский процесс*, и англичане обрушили на страну репрессии. В такой обстановке 23—24 мая 1929 г. в Бомбее состоя-

* Политический процесс над группой руководителей Компартии Индии и революционных профсоюзов, проходивший в 1929—1933 гг. в г. Мируте.

лось заседание Всеиндийского совета Лиги. В нем приняли участие многие видные деятели: Джавахарлал Неру, Ганеш Шанкар Видьяркти, Шри Пракаса, Киран Шанкар Рой, Харикумар Чакраборти, С. Сатьямурти, д-р П. Ситарамая, Б. Г. Хорниман, д-р Хардикар, Свами Говиндананда.

Всеиндийский совет Лиги заявил: его не удивляет, что «английское империалистическое правительство в Индии развернуло еще одно крупное наступление на быстро растущие националистическое и рабочее движения, которые добиваются ликвидации всякой эксплуатации индийского народа»¹². В принятом им заявлении говорилось, что усиливающиеся с каждым днем репрессии и аресты радикально настроенных людей по всей стране говорят о силе национального и рабочего движений. Совет Лиги приветствовал тех, кто «стал особым объектом правительственных гонений», и подтвердил твердую решимость продолжать борьбу за независимость и социальное равенство, несмотря на все официальные репрессии и террор. Он приветствовал также сближение националистического и рабочего движений и выразил убеждение, что от эксплуатации можно избавиться только путем такого сотрудничества.

«Поскольку Национальный конгресс по-прежнему выступает за независимость, Совет считает, что, если английское правительство в течение года не примет целиком и полностью предложение, выдвинутое Конгрессом на его последней сессии, следует приложить значительные усилия, чтобы подготовить страну к прямым действиям», — указывалось в резолюции. А для того чтобы эти действия принесли результаты, они должны опираться на добрую волю и организацию масс. Поэтому Совет призвал членов Лиги всячески добиваться этой цели.

Совет не придает большого значения участию в деятельности официальных законодательных органов страны, говорилось в заявлении, и считает, что энергия народа тратится впустую, пока прилежно культивируется мелкая реформистская психология, отодвигающая на второй план более важные и насущные проблемы страны. Однако Совет не хотел бы запрещать своим членам добиваться избрания в эти законодательные органы, если это делается с согласия Национального конгресса. Однако Совет Лиги разъяснил, что «в любом случае согласие на занятие какой-либо должности в законода-

тельном органе или созданном им кабинете министров или содействие в занятии или сохранении должности коренным образом противоречат целям Лиги».

На бомбейском заседании была также обсуждена и принята программа Лиги, представленная ее отделением в Соединенных провинциях.

Важнейшая роль в составлении программ и определении политического курса Лиги принадлежала Неру. Эти программы носили гораздо более революционный характер, чем тогдашние программы Конгресса.

Несмотря на неустанные усилия Неру, Лига в целях обеспечения успеха своей деятельности и создания прочной базы предпочла остаться «группой давления» внутри Конгресса. Она оказалась неспособной сколько-нибудь значительно повлиять на большинство членов Конгресса, остававшихся в плену учения Ганди. Не сумела Лига стать и предвестником революции, как хотел того Неру. Входили в нее в основном члены Конгресса, которые не могли найти общую основу для отличных друг от друга требований Лиги и Конгресса. Во всяком случае многие из них продолжали считать, что экономическая программа Лиги в то время не имела такого уж большого значения, и не видели необходимости в выдвижении ее на первое место, ибо, по их мнению, это привело бы только к обострению конфликта с англичанами¹³. Лига страдала также от отсутствия средств, необходимых для финансирования ее деятельности.

Один из генеральных секретарей Лиги — Ачария Нарендра Дев, впоследствии один из основателей Конгресс-социалистической партии, в отчаянии писал Неру в 1929 г., что у Лиги «нет серьезных, убежденных членов, которые по-настоящему верили бы в какую-то экономическую программу»¹⁴. Тот факт, что ряд деятелей рабочего и крестьянского движения не вступили в Лигу, подтверждает слова Ачарии. Самому Неру состояние дел в Лиге тоже совсем не нравилось.

Лига просуществовала недолго: почти через два года она распалась. Фактически с провозглашением Конгрессом в декабре 1929 г. достижения полной независимости в качестве главной цели ее самостоятельное существование потеряло всякий смысл. Но на протяжении этих двух лет Лига оказывала влияние на ход событий, сделала независимость целью, приемлемой для большинства в Конгрессе. Кампании в защиту этой цели, проводившиеся Неру, оказали глубокое воздействие на молодежь.

Английское правительство не ошибалось, когда отмечало, что «среди молодых и более пылких идея независимости полностью вытеснила более благоразумные призывы сторонников статуса доминиона»¹⁵. Английские власти в Индии также считали, что Лига симпатизировала коммунизму, «поскольку ее руководитель (Джавахарлал Неру. — В. Б.) побывал в Москве»¹⁶. Англичане после возвращения Неру из Москвы установили за ним строгую слежку.

Наряду с работой, связанной с Лигой независимости, Неру в 1928—1929 гг. активно действовал и в других областях. Его уже считали одним из ведущих деятелей страны. Он стал героем, идеалом для молодых, а для рабочих и крестьян — не только другом и руководителем, но и человеком, который нес им надежду на лучшее будущее. Больше чем кто-либо другой в Конгрессе, он заботился о будущем трудящихся.

В это время Неру присутствовал на многих провинциальных партийных конференциях, принимал участие в молодежных и студенческих собраниях, в собраниях рабочих, крестьян и профсоюзов. Повсюду он говорил о независимости Индии и необходимости создания социалистического общества. Как правило, он также неизменно выступал за дружбу с Советским Союзом.

Неру считал необходимым открыто говорить об отрицательной роли, которую играли некоторые индийцы, продолжавшие оказывать поддержку англичанам. Время от времени он выступал против них. Неру поставил проблему нищеты Индии, возлагая ответственность за нее на англичан. Он отвергал капиталистическую систему и капиталистическую эксплуатацию и приводил пример Советского Союза, уничтожившего бедность и неравенство людей и обеспечившего работой всех. Он также рассказывал о советских достижениях в области образования и здравоохранения. По его убеждению, Индия многому могла научиться у Советского Союза. Наряду с защитой идей социализма в Индийском национальном конгрессе Неру вел большую работу среди молодежи, рабочих и крестьян. Он призывал их создавать союзы и устанавливать связь с Конгрессом. Делал он это с целью расширения базы Конгресса среди радикально настроенных индийцев.

Однако все это отнюдь не означает, что Неру был единственным сторонником социализма в Индии. Вовсе нет. Там имелось уже немало людей, оставивших свой

след, несмотря на расплывчатость их представлений о социализме и марксизме. Сам Неру признавал это. Он говорил, что рабочие профсоюзы и молодежные лиги, возникшие в стране, придерживаются социалистической идеологии, хотя их социалистические воззрения путанны и туманны. «Когда... я вернулся из Европы, — писал он, — в Индии уже получили распространение некие смутные и неопределенные социалистические идеи»¹⁷. И даже до этого в стране насчитывалось много социалистов. По его словам, учение Маркса оказывало на них все большее влияние, и некоторые из них считали себя стопроцентными марксистами. «События, происходившие в Советском Союзе, в особенности пятилетние планы, усилили эту тенденцию как в Индии, так и в Европе и Америке», — отмечал Неру. Но лишь он один, больше чем какой-либо другой националистический деятель, внес важнейший вклад в пропаганду и популяризацию социализма и достижений Советского Союза в Индии. К тому времени Неру уже считался специалистом по международным делам, особенно по Советскому Союзу.

По мере роста интереса к Советскому Союзу требовалось все больше сведений о нем и теоретических основах советского опыта. Сам Неру к этому времени уже воспринял многие из положений ленинского учения, в частности учение об империализме как высшей стадии капитализма. Он взялся за изучение индийских проблем в свете этих положений и установил, что Индия служит наглядным их подтверждением. Англичане появились в Индии в поисках товаров. Затем им понадобились рынки для своих собственных товаров и сырье для промышленности. Чтобы заполучить их, Англия укрепила свою власть над Индией и приступила к систематическому разрушению индийской промышленности с целью овладения индийским рынком для своих товаров.

Неру развивал эту тему в многочисленных речах на различных собраниях. Так, выступая на Пенджабской провинциальной конференции в апреле 1928 г., он подчеркнул, что именно нужда в изделиях Востока обусловила появление европейцев. Вначале европейцы удовлетворялись созданием торговых факторий. Однако вскоре началась борьба за рынки и товары. С ростом промышленности и развитием капитализма в Европе, в частности в Англии, потребовалось сырье, а также рынки сбыта. К несчастью, европейская промышленность на ранних этапах выпускала товары, в производстве кото-

рых Азия уже ушла далеко вперед. Поэтому оказалось необходимым уничтожить это производство, чтобы обеспечить Европе обширные азиатские рынки. С капитализмом была связана также бесчеловечная система эксплуатации. После ужасов промышленного переворота в Англии, в результате которого миллионы крестьян были разорены, а промышленные рабочие были поставлены в нечеловеческие условия, ожидать сочувствия от растущего класса английских капиталистов, начавшего эксплуатировать Индию, не приходилось. Складывавшаяся бесчеловечная система отталкивала Неру. В его глазах «единственной альтернативой ей являлась какая-то форма социализма, т. е. государственная собственность на средства производства и распределения». Выбор казался ему однозначным, и он писал: «Мы не можем идти другим путем, и, если действительно хотим лучшей формы общества, конца эксплуатации человека человеком, мы должны встать на сторону социализма»¹⁸.

«Таким образом, нашим идеалом, — подчеркивал Неру, — может быть только независимое, демократическое и... социалистическое государство»¹⁹.

В то же время Неру понимал, что переход к социализму в условиях Индии без революционных преобразований будет трудным. Он знал, что вековые предрассудки, обычаи и привычки индийского народа нельзя изменить с помощью половинчатых мер, предлагавшихся реформистами. Будучи невысокого мнения о реформистах, он писал, что «реформатор, который боится радикальных перемен или свержения деспотического режима, стремится лишь к устранению отдельных его пороков, на деле становится одним из защитников этого режима»²⁰. Нельзя было быть уверенным в том, что реформистский подход высвободит энергию народа и поднимет его на героические дела. Ясно, что народ находился под влиянием происходившего в Советском Союзе, где, как он говорил, деморализованный, неграмотный и разобщенный народ превратился в народ героев, победивших войну, голод, болезни и сонм врагов²¹. С точки зрения Неру, лишь изменения, порожденные революцией, могли мобилизовать энергию веками угнетаемого советского народа, сделать его готовым пойти на героические жертвы, чтобы добиться успеха и закрепить его.

Выступления Неру за социализм, в частности его восхищение достижениями Советского Союза, не могли не вызвать враждебную реакцию английских правителей

Индии. Критикуя выступление Неру в качестве председателя на Пенджабской провинциальной конференции, власти назвали его «коммунистическим нападением на империализм, индустриализм и капитализм. Проповедуемые им теории потенциально опасны... Тема его выступления — передача политической власти массам»²².

Критика англичан мало трогала Неру, и он продолжал пропагандировать свои взгляды. На Всебенгальской студенческой конференции 22 сентября 1928 г. в Калькутте Неру снова обратился к своим излюбленным темам — социализму и Советскому Союзу. Он призвал молодежь «оценить новые силы и идеи (Советский Союз и социализм. — В. Б.), которые потрясают мир, и применить их» в Индии. Хотя он не был согласен с «многими методами коммунистов, и я, — говорил он, — вовсе не уверен в том, в какой мере коммунизм может отвечать существующим в Индии условиям», тем не менее он подчеркивал, что верит в коммунизм как идеал общества. «По существу это социализм, асоциализм, я думаю, представляет собой единственный путь, если мир хочет избежать катастрофы»²³.

Неру был убежден, что будущее принадлежит социализму, но не был уверен в том, что все методы, используемые в Советском Союзе, правильны. Однако советские достижения производили на него глубокое впечатление. Кроме того, он понимал, что другой модели социализма, кроме советской, не существует, и поэтому готов был изучить ее критически, но с пониманием, чтобы выделить те стороны, которые подошли бы для Индии. Такова была его позиция с самого начала, и он не отходил от нее и впоследствии.

Неру имел ясное представление о разногласиях между европейскими государствами и Советским Союзом в вопросах внешней политики. Запад стоял на позициях империализма, колониализма и расизма. Советский Союз же был их непримиримым противником. Империалисты не хотели независимости колоний. Они даже сочинили теории, доказывающие, что угнетенные народы не в состоянии быть независимыми. Советский Союз провозгласил право всех народов на самоопределение. Он также выступал за мирный международный порядок. Неру хотел, чтобы индийцы судили о Советском Союзе по его делам и достижениям. Он утверждал, что борьба Индии за освобождение является частью более общей мировой борьбы, что Индия должна вести эту борьбу сов-

местно со всеми теми, кто выступает против империализма. К числу антиимпериалистических, притом главных, сил он, несомненно, относил Советский Союз. Поэтому он предлагал Индийскому национальному конгрессу «послать своих представителей за рубеж, особенно в Москву», которая является «величайшим другом слабых и угнетенных»²⁴. Напоминая о первых политических декларациях молодого Советского государства и его последующих действиях, Неру говорил: «Россия обращается к Востоку как к равному, а не как завоеватель или же исполненный расового чванства победитель. Так удивительно ли, что мы ее приветствуем?»²⁵

Отсутствие в Советском Союзе каких-либо расовых предрассудков произвело на Неру огромное впечатление. Он посоветовал индийским студентам поехать на учебу в Советскую Россию, ибо там они убедятся в сходстве проблем, стоящих перед нею и Индией, а стране пригодится опыт, накопленный там ими. В то же время, указывал он, учеба на Западе мало что может дать студентам. Скорее всего их оттолкнут расистские предрассудки западных обществ.

Индустриализация, проводившаяся в Советском Союзе, особенно трудности и лишения, ложившиеся на плечи народа в связи с этим, вызвала у некоторых критическое отношение к ней. Неру отмечал, что до революции в России не было развитой промышленности и она в основном экспортировала сырье. Новое Советское государство встало на путь индустриализации, не имея достаточного опыта, капиталов и техники, а также не пользуясь иностранной помощью. Западные страны, в частности Англия, все это имели. Английские промышленники, утверждал он, накопили огромные капиталы благодаря эксплуатации колоний. У Советского Союза такая возможность отсутствовала. Он представлял собой преимущественно аграрную страну. Та относительно небольшая промышленность, которая существовала до революции, финансировалась иностранным капиталом или создавалась с его участием. Хотя Советский Союз обладает величайшими в мире природными богатствами, до революции он ввозил минеральное сырье из-за границы.

Все это изменилось с установлением социалистического строя. Сначала Советский Союз восстановил потери, понесенные в гражданской войне. Наибольшее внимание при этом уделялось энергетике. С ростом производства электроэнергии по всей стране начали воз-

водить заводы. Все это делалось без внешней помощи или ресурсов. В то же время кооперативное, или коллективное, сельское хозяйство изменило лицо страны. Одновременно Советский Союз взялся за быстрое развитие образования. К 30-м годам в стране почти исчезла неграмотность. Все это Неру считал большими достижениями, а те, кто скептически относился к советскому эксперименту, начали менять свое мнение.

Неру продолжал отстаивать идеи социализма. Его влияние на молодежь было колоссальным. Это объяснялось в значительной степени его радикализмом. Кроме того, внимательно прислушиваться к нему начало и крестьянство. В рассматриваемое время ему удалось оживить деятельность крестьянских союзов, в частности в Соединенных провинциях. Сотни тысяч крестьян в этой провинции стали принимать участие в крестьянском движении и кампаниях гражданского неповиновения. В своих выступлениях на собраниях крестьян Неру часто приводил в качестве примера, которому могла бы следовать Индия, достижения советского крестьянства. Он призывал к отмене помещичьего землевладения, к аннулированию крестьянской задолженности, к политическим выступлениям²⁶.

Выступая в октябре 1928 г. в Чампаране (Бихар) перед крестьянами, он даже говорил о допустимости применения силы ради доброго дела. «Хотя применять силу плохо, но она лучше рабства», и ею нужно воспользоваться, если она принесет Индии свободу, но, с его точки зрения, «политическая борьба представляет собой лучший способ в настоящее время, потому что народные массы недисциплинированы»²⁷.

В октябре — ноябре 1928 г. состоялся целый ряд рабочих, крестьянских и молодежных конференций в Мируте. Неру играл в этом видную роль. Его выступления подчас носили настолько радикальный характер, что английские власти за ними «пристально следили»²⁸.

В 1929 г. на сессии в Лахоре Неру стал председателем Индийского национального конгресса. Лахорская сессия была знаменательной по многим причинам. Народ Пенджаба оказал Неру горячий прием. В своем выступлении в качестве председателя Неру обрушился на английское правление в Индии и открыто заявил, что является сторонником социализма. Он сказал: «Я должен откровенно признать, что я — социалист и республиканец, я не верю в королей, князей или порядок, который

порождает современных королей промышленности, обладающих большей властью над жизнью и судьбами людей, чем короли прошлого...» Однако Неру признавал, что «Конгресс при существующем в стране положении, возможно, не сумеет принять полную социалистическую программу. Но мы должны понимать, что идеология социализма постепенно пропитывает структуру общества повсюду в мире... Индии придется тоже пойти по этому пути, если она хочет покончить с нищетой и неравенством, хотя она, возможно, выработает свои собственные методы и приспособит идеал к характеру своего народа»²⁹.

Показательно, что в том же году, когда он был избран председателем Конгресса, его избрали также председателем Всеиндийского конгресса профсоюзов. Неру использовал и рабочий форум для решительного выступления против капитализма и империализма. Он заявил, что классовую борьбу породили не социалисты или коммунисты, как часто утверждают капиталисты. Она, утверждал Неру, является прямым результатом эксплуатации рабочих, которая «превратила подавляющее большинство человечества в наемных рабов, живущих во многих отношениях еще хуже, чем рабы в прошлом»³⁰.

Однако по вопросу о вступлении индийских профсоюзов во II или III Интернационал Неру высказывался откровенно и недвусмысленно. Он был против такого вступления, называя II Интернационал чем-то вроде «рабочего империализма», и считал, что связь с ним не в интересах Индии. II Интернационал, указывал он, в основном занят «борьбой против коммунизма». Что же касается III Интернационала, то Неру полагал, что вступление в него вынудит рабочих подчиниться его идеологии. Он был против этого. Тем не менее Неру высоко ценил советскую политику. Советская Россия, говорил он, больше, чем любая другая страна, «обещает всему миру, и особенно трудящимся, лучшие и светлые дни»³¹.

1928 и 1929 годы были в Индии годами выступлений рабочих. В ряде городов произошли всеобщие забастовки. Как обычно, во время некоторых из них рабочие прибегали к силе, на что англичане отвечали репрессиями. В начале 1929 г. власти арестовали ряд видных профсоюзных деятелей и руководителей рабочих и устроили в Мируте процесс над ними по обвинению в заговоре против английского правительства Индии. Знаменитый Мирут-

ский процесс, ставший важной вехой в борьбе за независимость Индии, еще больше ожесточил рабочих и индийских националистических деятелей, настроив их против англичан. Из 31 обвиняемого восемь были членами Конгресса. Тот факт, что они входили в его высший руководящий орган — Рабочий комитет, говорил о силе влияния социалистических идей внутри Конгресса. Конгресс образовал комитет для защиты обвиняемых и выделил для этой цели 1500 рупий. Возглавил комитет Мотилал Неру, а Махатма Ганди побеседовал с многими из узников в тюрьме.

Джавахарлал Неру также принимал активное участие в работе комитета. Он резко критиковал англичан за арест обвиняемых под предлогом борьбы с коммунистическим влиянием. Он считал, что это был шаг, направленный против растущего рабочего и профсоюзного движения Индии. В письме секретарю Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов Уолтеру Ситрину Неру решительно осудил действия англичан. Он писал: «В Индии много кричат о коммунистах, но нет никаких сомнений, что эта шумиха вокруг коммунизма рассчитана на то, чтобы прикрыть многочисленные грехи правительства. Из 31 подсудимого на Мирутском процессе... большинство мало что знает о коммунизме. Арестованы и отданы под суд люди, которые хоть как-то связаны с работой среди рабочих и крестьян»³².

Однако репрессии, к которым прибегли англичане, не оказали никакого действия. Массовое движение в стране продолжало набирать силу, и немалую роль в нем играли студенты и рабочие. Недовольство рабочих вело к частым стачкам. К этому времени на индийское рабочее движение значительное влияние оказывали коммунисты, действовавшие через Рабоче-крестьянскую партию*. Последняя уже провозгласила своей главной целью революцию. Эти события осложнили обстановку в Индии, а английские власти настолько были встревожены, что в сентябре 1928 г. внесли в центральное Законодательное собрание законопроект об общественной безопасности. В правительственном заявлении указывалось, что законопроект необходим для борьбы с иностранными коммунистическими агентами в Индии, поскольку обычных за-

* Возникшие в 1926—1928 гг. в различных провинциях рабоче-крестьянские партии, объединившиеся в 1928 г. в масштабах всей страны, имели революционно-демократический характер.

конов страны для этого недостаточно. На деле английское правительство хотело заручиться чрезвычайными полномочиями, чтобы подвергать аресту радикальные элементы в националистическом движении, крестьян и рабочих. Это стало еще более очевидным, когда правительство внесло свой законопроект об общественной безопасности в Законодательное собрание. Законопроект, как и аресты обвиняемых по Мирутскому процессу, вызвал возмущение всех участников освободительного движения.

Поэтому, когда законопроект был поставлен на голосование в Законодательном собрании, он был отклонен. Его вторично внесли в январе 1929 г. Выступая в Законодательном собрании, английский вице-король лорд Ирвин разъяснил мотивы, побудившие внести этот законопроект. «Тревожное распространение методов коммунизма на протяжении некоторого времени вызывает беспокойство у моего правительства, — говорил он. — Коммунистические агенты из-за границы не только организовали серию забастовок в промышленном мире; программа, которую они откровенно выдвинули, включает неприкрытое нападение на всю экономическую структуру общества. Распространение этих теорий в равной степени грозит всем классам, и никакое правительство не может игнорировать столь коварную опасность. Мы видели, как... в промышленном Бомбее рабочее население пришло в состояние большой неустойчивости и возбуждения, ведущего к насилию, и часто оказывалось глухо к голосу разума, а в Калькутте мы были свидетелями бесконечно затянувшейся забастовки, для которой, казалось бы, нет ясных, разумных причин... Мы решили представить вам еще раз предложения о мерах против коммунистических агентов из-за границы... и включить в них право запрещать или контролировать переводы денежных средств из зарубежных коммунистических источников, которые оказывают весьма внушительное влияние на деятельность коммунистов в этой стране и их способность создавать и затягивать в своих собственных целях эти беспорядки в промышленности...»³³

На этот раз сопротивление националистических руководителей движения законопроекту стало еще более сильным главным образом из-за выступлений по всей стране против комиссии Саймона. Джавахарлал Неру вел активную кампанию против законопроекта, особенно среди студентов, рабочих и молодежи. Он говорил, что

англичане стремятся «остановить процесс изменения психологии народа», который со всей определенностью означал поворот к социализму. Английское правительство в свою очередь утверждало, что пламенные речи Неру «направлены на раздувание недовольства законопроектом об общественной безопасности» и «популяризацию социализма». Оно также заявило, что «в речах Джавахарлала Неру, в его упоминаниях о России и успехах народа этой страны, достигнутых в результате свержения царского режима, заключена революционная пропаганда»³⁴.

Однако ведущая роль в борьбе против законопроекта и в его отклонении принадлежала Мотилалу Неру, который назвал его «законопроектом о рабстве Индии» и «законопроектом о безопасности бюрократии». Выступая в Законодательном собрании, он говорил: «Я считаю этот законопроект прямым нападением на индийский национализм и Индийский национальный конгресс. Цель его — отрезать и изолировать Индию от внешнего мира. Он направлен на то, чтобы помешать другим странам интересоваться тем, что происходит в Индии. Можно ли соорудить заграждение из колючей проволоки, чтобы помешать проникновению идей? Такие времена уже прошли. Идеи путешествуют, несмотря на все меры предосторожности. Какой вред могут причинить коммунистические идеи в Индии? Я не принадлежу к числу тех, кто начинает дрожать при одном упоминании коммунизма. Я встречался со многими коммунистами, и это были способные люди с сильным характером, мужественно отстаивавшие свои убеждения...»³⁵

Роль, которую играл Мотилал Неру в борьбе против законопроекта об общественной безопасности и в защите подсудимых на Мирутском процессе, со всей очевидностью говорит о том, что он постепенно переходил на левые позиции. Он признавал преимущества социализма и многие положительные стороны жизни в Советском Союзе. Он не только проявлял симпатии к коммунизму, но и защищал Советский Союз. Советское правительство, говорил он в Законодательном собрании, «вовсе не такое варварское и противоестественное, как его изображают, утверждая, будто там каждый — людоед, пожирающий другого»³⁶. Вспоминая о своей поездке в Москву, Мотилал Неру рассказал депутатам Законодательного собрания о том, что он увидел там собственными глазами. Он заявил, что «в конечном счете Советское

правительство не менее гуманное, чем любое другое правительство». Он остановился также на достижениях советского народа и сказал, что Советское правительство за короткий период в семь лет фактически ликвидировало неграмотность в Советском Союзе, в то время как английское правительство в Индии после полутора-векового владычества мало чего добилося в этой области.

Из выступления Мотилала Неру также следовало, что в его отношении к коммунизму как учению нет предвзятости. «Они могут совершать ошибки, — отмечал Неру, — но за такие ошибки правительства нельзя осуждать теорию, на которую это правительство опирается... С теорией все в порядке... хотя некоторые аспекты ее практического применения не понравятся» в Индии.

Мотилал Неру выступил также в защиту Антиимпериалистической лиги. Он уже был хорошо знаком с ее деятельностью и без обиняков заявлял, что Лига существует для того, чтобы защищать угнетенные народы от империализма во всех его проявлениях. В этой связи он сказал, что там «на общей основе слились цели социализма, национализма и коммунизма» и что ни у социалистов, ни у националистов не должно быть возражений против совместной работы с коммунистами для осуществления этих целей. Он отвергал утверждения англичан, будто Советская Россия представляет угрозу для Индии и что в Индии существует страх перед коммунизмом. Эти утверждения англичан были, по мнению Мотилала Неру, направлены лишь на то, чтобы «запугать старух и детей». Он также не соглашался с заявлениями правительства о том, что за рабочие волнения в Индии ответственность несут иностранные коммунистические эмиссары. «В действительности, — отмечал он, — выступления рабочих, случаи саботажа и другие происшествия могут быть следствием естественных и экономических причин».

Мотилал Неру также разъяснил позицию индийских националистов в вопросе о революциях, которые так пугали английские власти. Он говорил: «Мы за революции, но не такие, которые происходят с помощью насилия и других подобных методов... Я не из тех, кто хотел бы внедрить в нашей стране на теперешнем этапе нашей истории коммунистические теории и практику в любом виде или форме. Возможно, в будущем произойдут события...» в этом направлении ³⁷.

Все эти острые споры не проходили мимо Ганди. Несмотря на близкие с ним отношения и общую приверженность его философии, Джавахарлал Неру продолжал пропагандировать социализм и достижения Советского Союза. Ганди уважал его искренность и бесстрашие. Во всяком случае он знал, что широкие массы индийского народа, особенно молодежь, рабочие и студенты, все больше поддаются под влияние взглядов Неру. Самому Ганди мало что было известно о марксизме, но он не мог дольше игнорировать широкую популярность социализма и марксизма среди интеллигенции как за границей, так и у себя на родине. Поэтому под влиянием Неру он стал положительно относиться к социализму и Советскому Союзу. В 1928 г. Ганди опубликовал три статьи Неру о советских достижениях в области образования со своими собственными комментариями, в которых давалась высокая оценка значительным успехам Советского Союза. Однако Ганди оставался противником коммунизма, считая его сторонником идеи насильственных революционных преобразований.

Ганди говорил: «Должен признаться, что я не сумел понять большевизм. Я знаю только, что его цель — уничтожение института частной собственности. Это представляет собой применение этического идеала невладения в области экономики, и, если народ следует этому идеалу добровольно или же принимает его в результате мирного убеждения, ничего лучше быть не может. Но из того, что я знаю о большевизме, следует, что он не исключает применения силы, свободно санкционирует его для экспроприации частной собственности и установления коллективной государственной собственности. А в этом случае я не колеблясь заявляю, что большевистское правление в его теперешней форме не может сохраняться долго, потому что, по моему убеждению, ничего, что основано на силе, не может быть прочным». В то же время Ганди откровенно признавал, «что бесконечно большое число людей принесли себя в жертву ради большевистского идеала и идеал, освященный жертвами таких гениев, как Ленин, не может не принести плодов. Благородный пример их жертвенности будет прославлен в веках и со временем очистит идеал»³⁸.

Еще о России

Страшная экономическая катастрофа на Западе в начале 30-х годов, рост и активизация фашистских сил в Европе, с одной стороны, и неуклонный прогресс Советского Союза — с другой, пробудили новый интерес к русской революции и ее практическим достижениям. Образованным индийцам хотелось лучше понять, как развивается Советская страна. Народным же массам было достаточно знать о ее достижениях в общих чертах. Неру помогал и тем и другим. Помимо него теоретическими исследованиями занимались и другие индийцы, чаще всего марксисты и коммунисты. Кроме того, в стране создавались коммунистические кружки для изучения русской революции и ее отличительных черт.

Историк Конгресса Паттабхи Ситарамаяй живо описывал настроение, царившее тогда в стране: «Быстрый прогресс, достигнутый Россией, начал привлекать внимание всего мира. Все сообщения об успехах этой полувосточной страны, ломавшей оковы рабства и сбрасывавшей путы капитализма, вызвали вздох облегчения у народа Индии, у которого длительный гнет чуть не убил всякую надежду на освобождение»¹.

Положение действительно было таким. Добиться независимости с помощью движения ненасильственного несотрудничества с англичанами не удалось, и это вызвало разочарование у молодежи. Многие молодые люди, потеряв почти всякую надежду на освобождение мирными средствами, стали обращаться к более революционным методам. Поэтому советская революция и ее большие достижения приобрели для них особую притягательность; они увидели в ней верный выход из бедственного состояния.

Правда, многие члены Конгресса все еще не хотели отказываться от гандистского пути, хотя стремились к скорейшему освобождению Индии. Но «умами моло-

дежи страны овладевала идея быстрых результатов, которые, как ожидалось, должны последовать за переворотом, совершенным с помощью силы»², — писал Ситарамайя.

Историк Конгресса подчеркивал, что молодежь особенно возмущали расистское высокомерие английских правителей и произвол, к которому они все больше прибегали при подавлении движения за независимость.

Новое брожение в стране захватило не только городские образованные классы, но и рабочих и крестьян. Лишения, которые терпели крестьяне, с каждым годом возрастали. Конгресс же не всегда оказывался в состоянии вселить в них оптимизм и энтузиазм. Он не решался выдвинуть требование радикальных аграрных реформ, боясь оттолкнуть класс помещиков. Единственное, что он обещал, — это независимость страны и смутную надежду на развитие. Однако его радикальные и левые элементы знакомили крестьян с достижениями русской революции, рассказывали, как Советское правительство одним ударом освободило крестьян от тирании помещиков, провело национализацию земли, отменило помещичье землевладение и уделило большое внимание развитию сельского хозяйства.

Это оказывало большое влияние на индийское крестьянство. У Ситарамайи есть следующее красочное описание того, что происходило в индийской деревне в то время: «Массы крестьян собирались большими группами, проходили сотни миль по деревням, пытаясь создать партию, власть или силу, выступавшую более или менее против Конгресса. Они нашли лозунг, знамя и вождя. Крестьянский лозунг не был новым, его все время поддерживал Конгресс. В качестве знамени они выбрали советский красный флаг с серпом и молотом. Это знамя все больше и больше становилось известным как знамя крестьян и коммунистов... Пожалуй, атмосфера постепенно насыщалась идеями не столько социализма, сколько коммунизма...»³

Вот в такой обстановке растущего брожения в стране и горячего стремления лучше узнать и понять советскую действительность великий индийский поэт Рабиндранат Тагор посетил Советский Союз. Тагор принадлежал к числу гигантов — творцов индийского возрождения, но, будучи универсальной личностью, интересовался и политикой. Он сочувствовал освободительному движению и был близок Ганди, который из-за ши-

роты его взглядов и кругозора называл Тагора своим «гуру» — учителем. Тагор после бойни на Джалианвала-Баг отказался от дворянского титула, которым наградило его английское правительство.

Октябрьская революция произвела на него глубокое впечатление, и он все время стремился поехать в Советский Союз, чтобы познакомиться с его достижениями, особенно в области образования и культуры. Эта поездка состоялась в сентябре 1930 г. Тогда он провел в СССР две недели. Тагор был поражен огромными достижениями Советского государства в области образования, особенно в ликвидации неграмотности широких масс. Он писал: «Все, что я увидел, меня поразило. За восемь лет просвещение изменило духовный облик народа. Немые обрели речь, тупые — живую душу, униженные — человеческое достоинство. Со дня общества, из самых темных его глубин, поднялись те, кого все презирали. Теперь они получили равные права... Свет новых надежд озаряет их путь. Повсюду кипит полнокровная жизнь»⁴.

Будучи поэтом, Тагор писал поэтическим языком. На него, несомненно, произвело глубокое впечатление распространение образования в Советском Союзе, и он, очевидно, сравнивал его с почти поголовной неграмотностью в своей стране после полуторавекового английского правления.

Не меньшее впечатление произвело на него равенство советских людей. Он писал, что в России ему больше всего понравилось полное отсутствие неравенства. «Этого оказалось достаточно, чтобы в народе пробудилось чувство человеческого достоинства»⁵.

Тагора поразило, что театры переполнены крестьянами и рабочими. Искусство и культура почти во всех странах были доступны только высшим слоям населения, а простой люд должен был довольствоваться его народными формами. Распространение образования и сокращение имущественных различий в Советском Союзе дали возможность простым людям участвовать в художественной и культурной жизни страны. Тагор писал: «Желающих попасть в театры — огромное множество, и все это — крестьяне и рабочие. Нигде их не оскорбляют»⁶.

Кроме того, Тагору импонировало отсутствие расизма среди русского народа. «Теперь я увидел... что в их

государстве нет никакой национальной, кастовой или расовой дискриминации»⁷, — отмечал он.

Не будучи специалистом в вопросах экономики, Тагор все же понял суть положения в Советском Союзе. «...Я вижу, что они полны решимости построить на месте развалин новую жизнь. Им приходится торопиться, ибо весь мир им враждебен, все против них. Им нужно как можно скорей доказать, что то, к чему они стремятся, не ошибка и не обман. Десятилетие бросает вызов тысячелетиям — и уверено в победе! Экономически они еще очень слабы, но зато их духовная мощь неизмерима»⁸. Тагор не объяснил причины «уверенности в победе». А она заключалась в общественном строе, что для такого человека, как Неру, лучше знакомого с социально-экономической обстановкой в СССР, было само собой разумеющимся.

Тагор не мог не заметить контраст между советской внешней политикой и внешней политикой западных держав. Он считал, что первая значительно честнее, потому что Советский Союз проводил на практике то, что Запад провозглашал только на словах. Он пишет: «Я помню, как советское предложение о разоружении напугало миротворцев (Запада. — В. Б.) из Лиги Наций!» Тагор говорил, что мир необходим Советскому Союзу. «Но ты хорошо знаешь, — продолжал он, — что правила Лиги Наций, сколько бы они ни кричали о мире, в душе отнюдь не хотели бы расстраивать разбойничьих замыслов. Поэтому во всех империалистических странах лес штыков растет быстрее колосьев на полях»⁹.

Суммируя свои впечатления от поездки в Советский Союз, Тагор писал: «Политическая жизнь там (в Советской России. — В. Б.) не отравлена охотниками за прибылями, и все советские граждане, независимо от национальности и касты, пользуются привилегией равных прав и возможностей для получения наилучшего образования... Эти два момента произвели на меня столь глубокое впечатление только потому, что я поданный Британской Индии»¹⁰. Слово «только» весьма знаменательно, ибо в любой другой стране, кроме Британской Индии, Тагор допускал развитие просвещения.

Для Тагора посещение Советского Союза было мечтой его жизни. Он писал из Москвы: «А пока — я в России, и, если бы сюда не приехал, обет моей жизни не был бы исполнен...» Первое, что приходит в голо-

ву, — какое неслыханное мужество. Они исполнены решимости создать новый мир. Они не могут терять время, потому что против них — целый мир. «Если бы я не увидел этого собственными глазами, я бы никогда не поверил, что всего за десять лет в России не только вывели из тьмы невежества и унижения сотни тысяч людей, не только обучили их грамоте, но и воспитали в них чувство человеческого достоинства. Причем они думают не только о себе, но и о благе других народов. Однако последователи различных религий осуждают их и называют безбожниками»¹¹. Тагор не верил в то, что большевики — безбожники, ибо видел в их идеалах величайший гуманизм.

Как мечтатель и просветитель Тагор стремился к тому, чтобы человек развивался наиболее полно. Он считал это важнейшей задачей. И лишь в Советском Союзе он увидел, что государство предоставляет человеку все возможности для достижения этой цели с помощью образования и всеобщего развития культуры.

Английская и западная пропаганда поднимала большую шумиху относительно применения «насилия» в Советском Союзе. У Тагора нашлось для этого объяснение. Он писал, что обстановка в России напоминает военное время. Ее окружают и внутренние и внешние враги. Повсюду предпринимаются попытки сорвать ее эксперимент. Поэтому необходимо как можно быстрее укрепить фундамент ее здания, поэтому там без колебаний прибегают к силе¹².

Тагор резко критикует англичан за искажение советской действительности. Он говорит, что они не имеют права судить о Советском Союзе, потому что являются врагами этого нового эксперимента¹³.

24 сентября 1930 г., перед отъездом из Москвы, Тагор выступил на большом собрании представителей советской общественности. В своем выступлении он сказал: «То немногое, что я увидел, убедило меня в удивительном прогрессе, чуде, которое здесь совершено... и я стал мечтать о том времени, когда древняя страна цивилизации ариев — Индия тоже будет пользоваться великим счастьем образования и равных возможностей для народа»¹⁴.

О впечатлениях Тагора от поездки в Советский Союз следует судить с учетом того факта, что он не был неkritичным поклонником ни русской революции, ни ее нового эксперимента. Многие из того, что он говорил,

отнюдь не было похвалой. Поэтому если он что-то хвалил, то делал это, исходя из своего глубокого убеждения.

Из России Тагор отправился в США. Контраст между двумя странами поразил его. В письме из США он написал о Советском Союзе: «Никогда раньше в человеческой истории не наблюдал я причин для радости и надежд». В другом письме, жене сына, он говорил: «То, о чем я мечтал так долго, Россия осуществила на практике». А касаясь Америки, замечал: «Повсюду здесь недоброжелательность к Азии, раздуваемая широкой кампанией клеветы»¹⁵.

Впечатления Тагора о Советском Союзе не могли не повлиять на его современников, особенно скептически настроенных консерваторов и, конечно, радикальную молодежь. Он был значительно старше Неру, считался зрелым и мудрым человеком. Никогда он не разделял коммунистическую идеологию. Но его наблюдения совпадали со взглядами других, особенно Неру.

Поездка Тагора и его впечатления послужили новым толчком для роста интереса к Советскому Союзу, к изучению его.

Пока Тагор путешествовал за границей, Джавахарлал Неру томился в тюрьме*. Но, как и раньше, он не терял там времени даром. Он много размышлял и серьезно занялся изучением марксизма, а также других связанных с ним наук. Прочитанные им в это время книги говорят о широте его интересов и глубине понимания природы людей и вещей. Кроме того, он внимательно следил за прессой. По-видимому, эти книги были не чисто теоретическими, а научно-популярными. Но это не суть важно. Неру уже стоял на позициях социализма. Книги помогали ему углублять знания и понимание различных проблем.

Знакомство с работами по империализму, социализму и марксизму оказало сильнейшее влияние на Неру. Он писал в «Автобиографии»: «...теория и философия марксизма осветила много темных уголков в моем сознании. История наполнилась для меня новым содержанием. Марксистское толкование пролило на нее поток света, и она предстала передо мной в виде развер-

* В 1930 г. Неру находился в тюрьмах Наини в Соединенных провинциях и Неравды в Махараштре за участие в развернувшейся в указанном году кампании гражданского неповиновения.

тывающейся драмы, в которой имелись закономерность и цель, пусть даже и неосознанные. Несмотря на ужасающее расточительство и страдания в прошлом и настоящем, будущее было озарено надеждой, хотя впереди было еще много опасностей».

Особенно привлекал Неру в марксизме антиимпериалистический характер его идеологии, он соглашался с его положением о тесной связи между капитализмом и империализмом, с его анализом социального развития. Ему импонировало отсутствие в марксизме догматизма, научный подход, свойственный всем его положениям. А больше всего он ценил здоровый оптимизм марксизма, определявшийся взглядами Маркса на исторический процесс. Поэтому, несмотря на неудачу движения гражданского неповиновения в Индии, Неру писал: «Я чувствовал новый прилив энергии, и мое уныние, навеянное неудачей движения гражданского неповиновения, рассеивалось». Он задавал вопрос: «Разве мир не двигался быстро к желанной цели?»¹⁶

Правильность положений марксизма подтверждалась опытом не только Советского Союза, но и других стран мира. Маркс предсказал периодические кризисы капитализма. Мировой кризис 30-х годов, приведший к «великой депрессии» на Западе, пошатнул веру многих людей в капиталистическую систему. Он оказал глубокое воздействие на всех мыслящих людей, и его взрывные волны достигли также и колоний. Ни один серьезный экономист в колониальных странах не мог не прийти к выводу, что капитализм — это не тот путь, который должны выбрать колонии. Когда американское правительство президента Франклина Рузвельта провозгласило «новый курс» с целью спасти американскую экономику, стало ясно, что свободную от кризисов экономику можно создать только с помощью государства, а не свободного предпринимательства.

Кризисы, переживаемые Западом, дали Неру возможность сравнить два типа экономики — капиталистической и социалистической. Это сравнение еще больше убедило его в правильности марксистского учения. Во всяком случае он увидел, что в то время, когда западные экономисты оказались не в состоянии удовлетворительно объяснить происхождение экономических кризисов, не говоря уже о мерах по их преодолению, марксисты не только объяснили причины кризисов, но и предложили пути выхода из них. «В то время, когда

все прочие системы и теории блуждали во тьме, один только марксизм более или менее удовлетворительно объяснил природу этого кризиса и предложил действительное решение»¹⁷, — отмечает Неру.

Первая большая работа Неру «Взгляд на всемирную историю» была написана в 1930—1933 гг. в тюрьме. Задуманная в форме писем дочери Индире, знакомивших ее с очерками всемирной истории, эта книга отразила его марксистское понимание истории. Неру писал дочери, что ей следовало бы заинтересоваться социализмом, потому что «в наши дни она (эта теория. — В. Б.) приводит в движение огромные массы мужчин и женщин». Он твердо верил, что она «может оказаться полезной для нас в нашей собственной стране»¹⁸.

«Взгляд на всемирную историю» — богатый источник мыслей Неру по социальным, политическим и экономическим вопросам. Критикуя буржуазную политическую демократию, Неру, занимаясь марксизмом, явно все больше подпадал под его влияние. С его точки зрения, свобода и демократия ничего не значили без экономического равенства. Он считал, что политическая демократия, существовавшая на Западе, — не более как обман. Предоставив право избирать и богатому и бедному, она создала лишь видимость равенства, не обеспечивая в то же время настоящих равных возможностей для всех. «...Некоторая политическая свобода мало чего стоила, если страх перед голодом всегда вынуждал подавляющее большинство людей во всем мире подчиняться воле немногих к вящей их славе и выгоде»¹⁹, — утверждал он.

Капиталистическая система безжалостно разделила людей на богатых и бедных, и власть оставалась в руках богатых. Владея средствами производства, они сумели увековечить это деление. Согласно Неру, отношения в обществе определялись многими факторами, причем самыми главными и важными из них были отношения собственности. Без изменения этих отношений подлинная демократия невозможна, говорил он. Поэтому классовая борьба становилась неизбежной в капиталистическом обществе, где неимущие всегда стремятся установить равенство с владельцами собственности.

Добиваются они этого либо путем организации профсоюзов, либо с помощью контроля над парламен-

том. Но те, кому выгодна существующая система, не хотят с нею расставаться и лишаться власти и привилегий, полученных в силу владения собственностью. Неру задавался вопросом, может ли при таком положении вещей существовать настоящая демократия, и отвечал: «Настоящая демократия до сих пор не могла существовать, ибо между капиталистической системой и демократической имеется существенное противоречие»²⁰.

Социалистическая система, напротив, гарантировала всем не только избирательное право, но и экономическое равенство. Неру, несомненно, был сторонником социалистического и коммунистического идеала равенства и совместного пользования богатством страны всеми ее гражданами. При этом он говорил, что такой идеал осуществим только в том случае, если на смену капитализму придет социализм.

По его словам, «подлинный гражданский идеал — это идеал социалистический». Неру считал, что при социализме будет больше свободы, чем при капитализме, ибо свободу дает экономическая обеспеченность, которая на Западе сейчас «есть лишь у немногих»²¹.

Неру не считал, что насилие заложено в коммунизме. Наоборот, он утверждал, что насилие присуще капиталистическому строю. Именно классовый конфликт, характерный для капитализма, вел к постоянным столкновениям в обществе. Но эта система классового конфликта, присущего капитализму, подчас приводившая к войнам ради империалистических интересов и приносившая неисчислимые страдания народу, была, по мнению Неру, чужда социализму. Неру, который уже пережил первую мировую войну и понимал ее причины, не мог соглашаться с обвинениями марксизма в приверженности насилию. Он считал, что насилие в советском обществе — временное явление. Во всяком случае, писал он, социализм нацелен «на создание нового строя, основанного на мире, сотрудничестве и подлинной свободе для масс»²².

Русская революция, несомненно, привела к насилию, потому что у нее появилось множество врагов как внутри страны, так и за ее пределами. Внутри страны те, кто лишился власти и привилегий, организовали контрреволюцию. За границей те, кто увидел в революции угрозу своему положению, начали иностранную интервенцию. Так могли ли большевики в этих условиях стать пацифистами? Насилие, несомненно, оказалось

необходимым и продолжалось до тех пор, пока с врагами не было покончено. В то же время большевикам нужно было ускорить темпы своей созидательной деятельности, чтобы построить обещанное ими новое общество. Поэтому, утверждал Неру, временами они прибегали к «ненужному насилию» и даже совершали ошибки. Он был убежден, что «реформизм не мог дать решения ни одной жизненно важной проблемы в критический момент, когда надо было менять основы общественного строя». Неру не выступал бы против постепенных изменений, если бы, «замедлив темп преобразований», можно было «добиться действительно радикальных результатов». Но он утверждал, что, «каким бы медленным ни было дальнейшее продвижение, первым шагом должен быть разрыв с существующим порядком, который выполнил свое назначение и теперь лишь тормозил дальнейшее развитие»²³.

Очевидно, он имел в виду психологическую инертность людей к переменам, которую он во все большей степени наблюдал у себя в стране.

В то же время Неру признавал, что, поскольку условия в разных странах могут быть различными, насилия можно избежать. По его мнению, таким исключением являлась Индия. Хотя он не хотел подражать советскому образцу во всем, он все же пребывал в убеждении, что «Индии и всему миру предстоит развиваться в направлении социализма»²⁴.

В брошюре «Куда идет Индия», написанной в 1933 г., Неру снова подверг анализу положение в Индии в свете кризиса капитализма, от которого в то время содрогался мир, и признаков новой войны, которую готовили империалистические силы. Неру признавал, что капитализм внес свой вклад в увеличение производства, но не сумел, как он говорил, решить проблему распределения. Он способствовал увеличению мирового богатства, но богатство это попало в руки немногих людей и еще меньшего числа стран. Капитализм породил эксплуатацию человека человеком, одной страны другой, и, что еще хуже, он породил империализм — завоевание колоний в поисках сырья и рынков сбыта. Судьба Индии представляла собой типичный пример развития колониализма и империализма: там «метрополия» позволила акционерной компании приобрести колонию (Индию) путем завоевания, чтобы эксплуатировать ее богатства. В результате в Индии

произошло обнищание народных масс. Для Неру было естественным считать борьбу Индии за свободу частью всемирной борьбы за освобождение людей от колониализма и империализма. И в этой великой борьбе «политических и экономических сил, которая развертывалась повсюду... мои личные симпатии все больше склонялись в сторону коммунистов»²⁵.

Определение экономических целей (1930—1938)

Год 1930-й стал знаменательным для Индии, ибо день 26 января этого года был провозглашен Днем независимости. Клятву независимости написал Неру. Для Индийского национального конгресса она явилась еще одной вехой в движении вперед, вселила новую веру в то, что недалеко время достижения настоящей независимости.

В клятве говорилось: «Индия должна порвать узы, связывающие ее с Англией». Англичане разрушили индийскую экономику, лишили народ свободы, поставили его в унижительное положение в политической, культурной и духовной жизни¹. Это было поистине смелое заявление.

Хотя Конгресс сделал последний шаг, выдвинув задачу достижения независимости, у многих его деятелей явно отсутствовало ясное представление о путях ее достижения, а также о том, что дает независимость. Британская империя все еще оставалась достаточно сильной, чтобы сопротивляться требованиям Индии, а репрессии англичан уже показали, что ждет участников националистического движения. Однако Неру был уверен, что англичанам придется уйти из Индии под давлением обстоятельств. Поэтому он стал серьезно задумываться о будущем Индии. Выдвижение в качестве цели одной лишь политической свободы с определением других задач на более позднем этапе его больше не удовлетворяло. Он хотел, чтобы у Конгресса были четкие политические, экономические и социальные взгляды и чтобы при достижении независимости страны у него имелась уже готовая программа. Он считал, что его идеология должна носить прогрессивный и революционный характер.

Однако Конгресс подошел к этой проблеме как задаче более узкой. Стремясь лишь к политической независимости, он показал свое непонимание природы империализма и его многочисленных проявлений. Конгресс не захотел также признать необходимость совместных действий с другими угнетенными народами и понять, что такие действия ускорили бы конец колониализма не только в Индии, но и в других районах мира. Правда, Ганди позднее отошел от такой позиции. Не до конца понимая природу империализма, руководство Конгресса не считало, что империализм постарается увековечить свою экономическую эксплуатацию, даже если предоставит какой-либо стране политическую независимость.

Неру, прекрасно разбиравшийся в природе империализма, выступал против узкого национализма Конгресса. Он утверждал, что капитализм выходит за узкие национальные рамки и в силу переплетения интересов капиталистических государств становится подлинно интернациональным. Что же касается социализма, то в результате его расширяющегося влияния он создавал основу для нового международного порядка. Будучи интернационалистом, Неру считал, что «если мы требуем сейчас независимости, то не потому, что мы хотим изоляции. Напротив, мы готовы поступиться, вкупе с другими странами, частью этой независимости ради подлинного международного порядка»².

Вот такие соображения побудили Неру поднять вопрос об экономическом освобождении и связи индийского освободительного движения с другими освободительными движениями мира. Он хотел, чтобы Конгресс сделал экономическое освобождение не только одной из своих главных целей, но и облек эту цель в плоть и кровь, сформулировав конкретный план.

Ганди охотно откликался на новые идеи, что помогало Неру в осуществлении программы ознакомления народа с международными событиями и в разъяснении необходимости социалистического пути. Ганди, как всегда, был занят подготовкой страны к кампании гражданского неповиновения. На этот раз в качестве цели выдвигалась полная независимость. Но понимание важности задачи достижения независимости все еще было недостаточным. Ее популяризация легла главным образом на плечи Джавахарлала Неру.

Он продолжал говорить о ней стране и членам Кон-

гресса. Его усилия оказали определенное влияние на Ганди, который 13 сентября 1933 г. написал Неру о необходимости признания Индией того, что «ее национализм не может оставаться в изоляции, не подвергаться влиянию происходящего в других частях мира. Поэтому я, целиком и полностью поддерживая тебя, могу сказать, что нам следует идти вместе с прогрессивными силами мира»³.

Одним из важных достижений Неру в начале 30-х годов было принятие на сессии Конгресса в Карачи в 1931 г. резолюции об «Основных правах и экономической политике». Это была очень важная резолюция, в которой нашла свое выражение забота Неру об экономическом будущем страны, а также сказалось влияние на Неру посещения Советского Союза. В резолюции Конгресс выступил за государственную собственность на ключевые отрасли промышленности и сферы услуг и контроль над ними, определил меры, направленные на ликвидацию феодальных и полуфеодальных отношений в экономической и общественной жизни индийского народа.

Как и следовало ожидать, резолюция вызвала немалое беспокойство у английских властей. Они утверждали, что резолюция составлена под влиянием коммунистов и большевиков. На самом же деле ее написал Неру с одобрения и разрешения Махатмы Ганди. Вспоминая об этой резолюции в своей «Автобиографии», Неру пишет, что во время одной из утренних встреч с Махатмой в феврале—марте 1931 г. он коснулся вопроса о внесении такой резолюции на сессии в Карачи. К его удивлению, Гандиджи одобрил эту идею и поручил Неру представить ее текст на рассмотрение заседания Рабочего комитета до сессии⁴.

Резолюция была несомненно смелой для того времени. Эта смелость испугала консерваторов в Конгрессе. В ней говорилось, что для того, чтобы покончить с эксплуатацией масс, политическая независимость должна предусматривать подлинную экономическую свободу умирающих ныне от голода миллионов. Это положение всегда оставалось твердым убеждением Неру. Он неизменно считал политическую свободу шагом к свободе экономической. Принятая в Карачи резолюция обеспокоила многих деятелей Конгресса, которые не хотели ущемлять интересы индийских привилегированных групп. С их точки зрения, эти вопросы не име-

ли отношения к борьбе за политическое освобождение. Однако Неру считал, что в резолюции, принятой в Карачи, Конгресс «сделал очень небольшой шаг в социалистическом направлении». По его мнению, «это отнюдь не был социализм, и капиталистическое государство легко могло бы принять почти все, содержащееся в этой резолюции»⁵. Конечно, такая оценка преуменьшала значение резолюции, являвшейся важным выражением стремления Индии к социалистической цели.

Резолюцию, принятую в Карачи, отличали также и многие другие прогрессивные черты. В ней утверждались свобода выражения мнений, религиозных убеждений, создания организаций, равенство перед законом независимо от касты, религии и пола. Она содержала также много положений о защите интересов трудящихся, улучшении условий труда — повышении заработной платы, сокращении рабочего дня и т. п. Выдвигалось требование о создании профессиональных союзов крестьян и рабочих, предусматривались некоторые меры социального характера, такие, как страхование на случай болезни, по старости и безработице. Резолюция призывала к сокращению земельного налога и арендной платы, введению системы прогрессивных налогов, всеобщего избирательного права, бесплатного начального образования, к ограничению размеров жалований, сокращению военных расходов и т. д. Но самой важной была ее часть, посвященная экономическим принципам. В ней предусматривалось создание смешанной экономики на основе государственной и частной собственности, принадлежность государственному сектору ключевых отраслей промышленности и сферы услуг.

Сессия Конгресса в Лакхнау в 1936 г. предоставила Неру новую возможность для пропаганды его радикальных политических и экономических идей. На этой сессии он председательствовал. В своем выступлении он прямо заявил о своей приверженности социализму и восхищении Советским Союзом. Характеризуя международную обстановку, Неру сказал, что «повсюду нарастают конфликты, мир охватила великая депрессия и везде, кроме широко раскинувшейся территории СССР, где в отличие от всего остального мира достигаются поразительные успехи во всех областях, положение все более ухудшается»⁶. Неру признал су-

ществование двух соперничающих систем, противостоящих друг другу. Одна из них — капиталистическая система, превратившаяся в империалистическую, а другая — «социалистическая система СССР, который добивается успеха за успехом, где трудностей, стоящих перед капиталистическим миром, больше не существует»⁷. Он также понимал, что фашизм — естественное порождение капитализма и империализма. Фашизм и империализм «выступили как два лица загнивающего сейчас капитализма», говорил Неру. Остановившись на расстановке сил в мире, Неру указал, что империализм и фашизм находятся на одной стороне, а социалистические и националистические силы — на другой. «Мы неизбежно встаем в ряды прогрессивных сил мира, выступающих против фашизма и империализма»⁸.

Неру утверждал, что «единственный ключ к решению как мировых, так и индийских проблем — это социализм»⁹. Но его социалистические воззрения уже не носили утопического характера. Он придавал им научное направление. Неру был убежден, что экономическая справедливость — не только право людей, но при здоровом общественном строе и необходимость. Фактически Неру рассматривал социализм в его всеобъемлющей форме как исчерпывающую философию жизни. Он писал: «Социализм, однако, нечто большее, чем даже экономическое учение. Это философия жизни и как таковая меня привлекает»¹⁰.

Позиция Неру никогда не была доктринерской. Она носила весьма прагматический характер. Неру выбрал социализм потому, что только это учение предлагало решение многовековых проблем Индии. «Я не знаю иного пути уничтожения бедности, широко распространенной безработицы, деградации и угнетения индийского народа, кроме социализма»¹¹, — утверждал он. И это не было выражением туманной надежды. Он увидел некоторые практические достижения социализма в Советской России. О них он говорил: «Речь шла о новой цивилизации, в корне отличной от теперешнего капиталистического строя. Какое-то представление об этой новой цивилизации можно получить на территории СССР». Неру уже стал сторонником этой новой цивилизации и был уверен, что у западной цивилизации нет будущего. Он писал: «Если будущее несет нам надежду, то это благодаря Советской России, тому, что

она сделала, и я убежден, что, если не помешает какая-нибудь мировая катастрофа, эта новая цивилизация распространится и на другие страны и положит конец войнам и конфликтам, порождаемым капитализмом»¹². Неру был убежден, что Советское правительство и народ направляют всю свою энергию на создание этого нового строя. А советский народ уже действительно мог вот-вот превзойти достижения капиталистических стран за чрезвычайно короткое время. Осуществляя эту гигантскую задачу, Советский Союз проводил миролюбивую политику, направленную на обеспечение всеобщего мирного международного порядка. Хотя империалистические страны продолжали говорить об «угрозе», исходящей из Советского Союза, Неру в эти разговоры не верил. Он писал: «Сегодня русская политика... не может не быть удивительно миролюбивой» — и добавлял: «И речи быть не может о том, чтобы при обычном положении вещей ожидать вторжения России. Что касается меня лично, то я весьма одобряю русскую систему правления»¹³.

В каком-то смысле 30-е годы были наихудшими для Запада. Испания стала жертвой откровенной агрессии, и демократия там была уничтожена. Итальянские фашисты захватили Абиссинию. Вынашивались заговоры с целью спустить с цепи псов войны, прежде всего фашистов и нацистов, натравить их на Советский Союз и удовлетворить претензии Германии на «жизненное пространство» за счет Советской России. Европейские государственные деятели соревновались друг с другом в готовности умиротворить фашизм и нацизм, изображая себя при этом защитниками демократии. В то же время европейский колониализм в условиях угрозы новой войны усиливал эксплуатацию угнетенных народов. Неру оценивал политику и достижения Советского Союза в сравнении с вероломством и беспринципностью Запада. Он понял, что только Советский Союз оставался ярким светочем в эти мрачные годы.

Экономические и социальные успехи Советского Союза, достигнутые на основе планового развития, побудили Неру серьезно задуматься о создании в Индии в 1938 г. планового органа. Индийский национальный конгресс образовал Национальный плановый комитет во главе с Неру для разработки плана развития и индустриализации Индии. Индустриализация рассматрива-

лась как первейшая из задач, поскольку «проблемы нищеты и безработицы, национальной обороны и экономического восстановления в целом не могут быть разрешены без индустриализации»¹⁴.

В Плановый комитет входили представители различных слоев населения. В его составе были промышленники, финансисты, экономисты, преподаватели, ученые и сторонники коммунизма. Как говорил Неру, «это был странный конгломерат различных типов людей». Очевидно, он согласился на такой пестрый состав потому, что хотел учитывать при разработке национальной экономической программы самые различные точки зрения. Он согласился стать председателем комитета, потому что, по его словам, эта работа была ему по душе и он не мог держаться в стороне¹⁵.

В ходе деятельности Комитета выяснились большие трудности планирования в Индии с ее огромной пестротой интересов и ужасающей нищетой. У Комитета был выбор: либо покончить со стремлением к наживе и создать общество справедливости, либо следовать философии капитализма и большого бизнеса и согласиться на свободное предпринимательство с его стремлением к обогащению.

Неру считал, что «при тех условиях, которые имели место не только в Комитете, но и в Индии в целом, мы не могли в то время наметить переход к социализму». Однако для него было ясно, что «наш план, в том виде, в каком он вырисовывался, неизбежно должен был привести нас к созданию некоторых основ социалистического строя». Ему казалось, что план этот устранял наихудшую сторону капитализма — алчность и поощрение инстинкта стяжательства у людей. Неру был убежден, что план предусматривал удовлетворение интересов простых людей, повышение их жизненного уровня, давал простор для роста и проявления талантов и способностей. «Все это предполагалось осуществлять в условиях демократической свободы и при наличии широкого сотрудничества со стороны хотя бы некоторых групп, которые в обычных условиях были противниками социалистической доктрины»¹⁶.

Однако в трудный период второй мировой войны Плановый комитет перестал существовать, но оставил в памяти Неру неизгладимый след. Он пришел к выводу, что метод классовой борьбы не подходит для Индии, ибо может привести к всеобщему хаосу без сопут-

ствующих положительных последствий. Он хотел также избежать регламентации, в основном потому, что на начальной стадии она могла бы привести к колоссальным ошибкам и их повторению из-за отсутствия корректирующего демократического процесса. По его мнению, следовало дать достаточно места для творческой инициативы. Кроме того, он стремился придерживаться демократического принципа во всех областях. В стране, столь разнообразной, как Индия, со множеством противоположных друг другу интересов, это было, как ему правильно казалось, просто необходимо.

Более широкое применение социалистических принципов и идей в индийских условиях не дало бы больших результатов. Ведь нищета Индии была не только делом рук англичан; она была присуща и кастовой системе, обрекавшей множество людей на прислуживание другим. Улучшение их положения составляло не только экономическую, но и социальную проблему. Индустриализация, несомненно, принесла бы пользу образованным слоям населения и высшим кастам. Но она никак не повлияла бы на положение широких масс немущих. Другими словами, в индийских условиях нужны были четыре одновременные революции: политическая, экономическая, социальная и культурная.

Неру стало ясно, что государство в целях добиться необходимых преобразований должно сохранить в своих руках рычаги власти в этих областях. Он считал, что, если развивать крупную промышленность на некапиталистической основе, она создаст необходимую базу и в процессе ее создания энергия не будет потрачена зря. Поэтому Неру выступил за развитие промышленности на социалистической основе и отводил ей роль могучего орудия социально-экономических преобразований.

В то же время Неру не отвергал кхади* и программу развития деревенского ремесла, предложенную Ганди. Он видел в ней временный способ обеспечения средств к существованию для широких масс безработных. Но он никогда не считал, что такая программа укрепит экономическую мощь страны. Он говорил, что рассматривает деревенское ремесло «больше как временную меру переходного периода, а не как решение наших насущных проблем». Он хотел, чтобы промыш-

* Ткани ручного производства.

ленное и сельскохозяйственное развитие Индии «осуществлялось примерно такими же темпами, как в России»¹⁷. Но при этом он понимал, что руководство Конгресса не готово к проведению такого курса.

Растущие расхождения между взглядами Неру и некоторых деятелей Конгресса дали себя знать после сессии Конгресса в Лакхнау, на которой Неру решительно высказался за социализм. Эти разногласия и, в частности, включение по предложению Неру трех видных социалистов* в состав Рабочего комитета, привели к кризису в Конгрессе. В июне 1936 г. семь членов Рабочего комитета Конгресса — правых — сторонников Ганди, и в их числе д-р Раджендра Прасад, Валлабхай Патель, Ч. Раджагопалачарья и Дж. Б. Крипалани**, заявили о своем недовольстве по поводу руководства Неру Конгрессом, а также его проповедью социализма. Они вышли из Рабочего комитета и в письме от 29 июня 1936 г. заявили Неру: «Мы считаем, что проповедь социализма председателем и другими членами Рабочего комитета — социалистами, в то время когда Конгресс не признал социализм, наносит ущерб важным интересам страны и мешает успеху национально-освободительной борьбы, которую мы считаем самой главной и первостепенной задачей страны... Наши впечатления от событий в Лакхнау отличны от Ваших... Мы считаем, что Ваши речи, а также речи других коллег-социалистов и действия других социалистов, осмелевших благодаря этим речам, привели к тому, что организация Конгресса оказалась ослабленной повсюду в стране, ничего при этом не выиграв...»¹⁸

Таким образом, правые делали вид, будто ничего не имеют против социализма, а лишь подчеркивают необходимость сосредоточить усилия на политической борьбе за освобождение. Тем не менее все эти деятели вскоре оказались сторонниками свободного предпринимательства, серьезными противниками социализма. Это

* Джайпракаша Нараяна, Ачарии Нарендры Дева и Ачьюта Патвардхана.

** Ч. Раджагопалачарья (1878—1972) — один из лидеров правого крыла Конгресса, в 1960 г. — один из основателей правой партии «Сватантра» («Независимость»), первый индеец — генерал-губернатор Индии после провозглашения ее независимости; Дж. Б. (Ачарья) Крипалани (1888—1982) — одно время видный деятель Конгресса, его председатель в 1946 г. В 1951 г. вышел из него, возглавил правосоциалистическую Крестьянско-рабочую народную партию.

свидетельствовало о том, что их выступление против Неру объяснялось вовсе не тем, что он умалял значение политического освобождения, а его разговорами о социализме, что, по их мнению, было кошунством. Деятельность в свободной Индии этих людей послужила еще одним доказательством их истинных убеждений.

Правые выражали недовольство Неру еще по одной причине. Они утверждали, что Неру и его друзья-социалисты создавали впечатление, будто правые шагают не в ногу со временем и должны уйти со сцены. Об этом недвусмысленно говорилось в письме, полученном Неру от Раджендры Прасада, в котором последний жаловался на то, что, выступая с пропагандой социализма, не взятого Конгрессом на вооружение, Неру — председатель Конгресса — выражал взгляды меньшинства. «Возможно, что, как Вы говорите нам, — указывалось в письме, — опубликована лишь та часть речей, в которой речь идет о социализме, а остальные в печати не освещаются, поскольку считаются менее интересными... Против нас ведется постоянная кампания, нас изображают людьми, чье время прошло, сторонниками устаревших идей, никому сейчас не нужных, мешающими прогрессу страны, которых надо лишить необоснованно занимаемого ими положения»¹⁹.

После вмешательства Ганди правые взяли обратно свои заявления об отставке. Но вся эта история привела Неру в состояние уныния. Он даже стал подумывать об уходе с поста председателя Конгресса. Трудности, с которыми он столкнулся, усугублялись тем, что, порывая с правыми, он в то же время не мог удовлетворить и поддержать устремления левых. А тем временем над Европой сгустились тучи войны, и Неру был озабочен ее последствиями, а также угрозой для Индии. Пойти на раскол Конгресса или его ослабление в это время было нельзя. Неру выступал за сохранение единства Конгресса. Он никогда не стремился навязывать ему идеологию, воспринять которую тот еще не был в состоянии, ибо в Конгрессе того времени были представлены различные направления индийской общественной мысли. Хотя шел рост рабочего и левого движения, оно еще не стало альтернативой Конгрессу. В силу этих обстоятельств Неру не вступал в Конгресс-социалистическую партию, основанную в 1934 г. Джайпракашем Нараяном, Нарендрой Девом, Ашокой Мехта и др.

Это был также период «единых фронтов» коммунистов и некоммунистов против империализма, фашизма и нацизма в Европе, и Неру хотел, чтобы в Индии тоже существовал единый фронт всех группировок против империализма и его новых проявлений. Ему хотелось, чтобы в нем были представлены самые различные взгляды. В этих условиях он не желал раскола в рядах Конгресса, не стремился, в частности, отстранить Ганди от руководства освободительной борьбой. Ганди не только был объединяющим фактором, но и играл ведущую роль в деле подъема народа на борьбу. Неру также не был уверен в том, что какой-либо другой метод, кроме ненасильственного, принесет успех в борьбе против англичан в существовавшей в то время в Индии обстановке.

Неру знал, что Ганди в идеологических вопросах проявлял некоторую наивность. Но он знал также, что Ганди был одним из величайших революционеров своего времени. Он всегда поддавался убеждению, и его можно было убедить в правоте новых идей. Поэтому Неру надеялся, что Ганди встанет на его сторону. Да и сам Ганди изменил свою позицию в вопросе ненасилия. Он сказал, что предпочитает насилие трусости. Несколько изменился его взгляд и на развитие промышленности. Он пересматривал также свое отношение к социализму и советскому эксперименту. Неру полагал, что практический опыт заставит Ганди пойти еще дальше. «А попутно, — писал Неру, — он (Ганди. — В. Б.) высвободил бы колоссальную энергию масс и стал бы сам, как я отчасти надеялся, шаг за шагом продвигаться к социальной цели»²⁰.

Существовали и другие причины, из-за которых Неру не настаивал на создании социалистической партии. Он разделял некоторые из основных принципов марксизма, но был против того, чтобы они воспринимались как догма. В его глазах марксизм не был верой. Он представлял собой лишь «философию истории, метод подхода к истории, многое объясняющий, придающий истории целостность, метод действий, направленных на достижение социализма или социального равенства»²¹. Он считал марксизм эволюционирующей идеологией, а не набором жестких догм. Он хотел, чтобы его принципы применялись с учетом фактических условий жизни народа. В «Автобиографии» он подчеркивал, что во все не является коммунистом, что его больше устраи-

вает гуманистическая либеральная традиция. И хотя его в большей степени привлекала экономическая теория Маркса, он не утверждал, что она охватывает все стороны экономики. Он просто считал ее более научной и точной, чем другие теории. Неру не разделял склонность первых коммунистов к насилию. В этом смысле он был ближе к Ганди. Неру также был сторонником демократических методов обеспечения перемен, когда они оказывались возможными.

Очевидно, понять истинную позицию Неру в этих идеологических вопросах нелегко. Он признавал, что в его уме царил путаница. Но путаница не невежественного человека, а человека, слишком много знающего. Он понимал, что марксизм не годится для «бабушек» индийского политического горизонта. Марксизм был продуктом двух тысячелетий развития европейской мысли и опыта. Средний конгрессист был не в состоянии, да и не стремился понять его. А сам Неру не имел желания обсуждать его с людьми, смотревшими назад, в прошлое. О вставшей перед ним дилемме Неру писал: «В настоящее время марксизм — это не тема, которую может рассматривать Конгресс. Перед нами стоит вопрос: должны ли мы бороться с вредными следствиями, которые окружают нас, или же выяснить причины, их порождающие? Те, кто занимается следствиями, редко достигают успеха. Им не следует забывать, что, ведя борьбу против следствий, а не причин, вызывающих их к жизни, они лишь тормозят скатывание вниз, не меняя направления движения, прибегают к паллиативам, не излечивая болезни». Далее он продолжал: «Вот в чем настоящая проблема — причины и следствия. А если мы обращаемся к причинам, а мы должны это делать, то свет на них проливает социалистическое учение. И хотя социалистическое государство может быть мечтой далекого будущего и многие из нас не доживут до ее осуществления, социализм представляет собой маяк, освещающий сейчас путь, по которому мы должны следовать»²².

Есть основания утверждать, что Неру не выступал за немедленную революцию. Он считал, что Индия не готова для социализма. Он понимал, что она все еще находится во власти теории «кармы»*, которая по-

* Одна из основополагающих догм индуизма, по которой все деяния человека заранее предопределены.

своему объясняла причины и следствия. Марксистское толкование причин и следствий показалось бы среднему индийцу святотатством. Ганди и ряд других приверженных религии деятелей Конгресса полагали, что решение проблем заключается в изменении психологии. В этом не было ничего нового. Этому различные религии учили людей на протяжении тысячелетий, и тем не менее такое решение оказалось труднейшей и недостижимой задачей. Даже после провозглашения независимости подобное убеждение сохранялось, и некоторые из наших руководителей видели решение аграрного вопроса в Индии в изменении психологии землевладельцев. Сам Ганди обратился к промышленникам с призывом считать свою собственность имуществом, «доверенным» им, возможно, богом, и управлять им во благо общества. Такие конгрессисты не понимали, что конституции и законы пишутся не в умах людей, а на пергаменте, что они находят свое отражение в величии государства и его власти, дающей возможность проводить в жизнь то, что полезно для общества. Короче говоря, в Конгрессе существовала своеобразная форма широко распространенного утопизма.

Имелись, конечно, и другие трудности. О них Неру написал конференции Конгресс-социалистической партии (20 декабря 1936 г.): «Как вы знаете, я проявляю большой интерес к социалистическому подходу ко всем вопросам. Мы, безусловно, должны иметь представление о теории, лежащей в основе этого подхода. Но мой ум занимают две стороны этого вопроса. Одна — каким образом применить этот подход в условиях Индии. Вторая — как говорить о социализме языком Индии»²³. Это были несомненно практические проблемы. Например, как можно говорить о равенстве людей в стране, на протяжении тысячелетий приверженной системе каст? Неру мог бы пойти по пути терпеливого разъяснения. Но ведь ему пришлось бы столкнуться с сопротивлением ряда самых влиятельных членов Конгресса, пользовавшихся большим уважением и почетом в стране.

В письме, написанном накануне сессии Конгресса в Фаизпуре, второй по значению после Неру человек в Конгрессе, Валлабхай Пател, заявил: «Мой отказ (от поста председателя) не должен восприниматься как мое согласие со всеми взглядами Джавахарлала. Ведь члены Конгресса знают, что по ряду важнейших во-

просов я расхожусь с Джавахарлалджи. Например, я не считаю, что нельзя очистить капитализм от его уродливых черт»²⁴. Возможно, Патель также принадлежал к числу тех, кто считал, что и империализм можно очистить от его уродливых черт. При этом Патель и ему подобные, очевидно, рассуждали так: зачем Индии обращаться к «безбожному коммунизму», если она может оставаться с «богобоязненными» странами Запада, очищенными от уродливых черт? Правда, то, что люди, подобные Пателю, не понимали природы империализма, нас мало волнует сегодня, когда жизнь еще и еще раз доказывает их неправоту.

Нацистско-фашистский смерч (1939—1941)

Пока Конгресс проявлял нежелание разбираться в природе колониализма и империализма, империалисты готовили мировую войну. Фашизм и нацизм уже стали новым бедствием мира. Неру не волновала судьба империализма. Но его, безусловно, глубоко беспокоили последствия войны для колоний, а также Советского Союза, который в глазах Неру представлял собой могучую прогрессивную силу в раздираемом борьбой мире. Он писал Махатме, что самая опасная сторона европейских событий заключается в «укреплении империалистических и фашистских держав для борьбы против России». Он говорил: «Положение, вероятно, скоро еще более осложнится, если западные державы мобилизуют свои силы против России. Они объявят священную войну коммунизму и под этим предлогом попытаются не только укрепить свои собственные империи, но и разгромить социалистическое государство — Советскую Россию. А это будет бедствием со всех точек зрения, независимо от нашего согласия или несогласия с русской политикой. Прошу Вас помнить об этом»¹.

Как и в других случаях, Неру был единственным, кто выступил в Индии с громовым предупреждением об опасности усиления фашизма и нацизма в Европе. Остальных руководителей Конгресса это мало беспокоило.

Неру с момента их зарождения осуждал фашизм и нацизм, называя их самой варварской и худшей формой империализма. «В Индии, я полагаю, мало кто, — справедливо указывал он, — как среди индийцев, так и среди англичан на протяжении многих лет так настойчиво поднимал бы голос против фашизма и нацизма, как я. Вся моя натура восставала против них»².

Неру был всей душой предан идеалам свободы и демократии. А фашизм и нацизм, вооруженные до зубов,

уничтожали их. Неру был возмущен. «Нас волнуют наши собственные проблемы, — писал он, — а главной, проблемой проблем, затмевающей все остальные, сегодня является рост и триумф гангстеризма в международных делах. В Европе и других местах гаснет свет, тени сгущаются, под прикрытием мрака расправляются со свободой, царит грубая сила. Мы являемся свидетелями трагедии, разбивающей сердца, мы видим гибель одного государства за другим, огромные страдания и несчастья миллионов людей, которых топчет сапог варваров. «Братство», «сестринская привязанность» — низменные понятия, утверждает синьор Муссолини; он признает только меч, который убивает свободу и демократию, несет гибель культуре и многовековой цивилизации». Неру описывает трагедию Европы: «В Испании республики и свободы больше нет, остается только светлая и немеркнущая память о ее славной борьбе. На карте Европы была Чехословакия. Теперь ее нет, и подручные господина Гитлера топчут ее отважных детей, так бессовестно обманутых Англией и Францией. С каждым новым днем мы с тревогой ждем сообщений о том, что сказал тот или иной диктатор, и с беспокойством думаем, где совершится следующая агрессия»³.

Это были слова, полные гнева и тревоги. Неру предупреждал своих соотечественников об опасности этих сил. Ему претили левацкие лозунги, с которыми выступали фашисты и нацисты, поскольку это оказывало воздействие на некоторых людей. В письме Субхас Чандра Босу от 3 апреля 1939 г. Неру говорил, что именно пропаганда левых лозунгов при отсутствии четкой левой идеологии и привела к фашизму, и предупреждал, что такого нельзя допускать в Индии⁴.

Что же касается его самого, то он уже сделал выбор между фашизмом и коммунизмом. В июне 1933 г. он писал: «Я считаю, что по существу перед миром сейчас стоит выбор между какой-то формой коммунизма и какой-то формой фашизма, и я за коммунизм. Я активно ненавижу фашизм и считаю его не чем иным, как грубой и жестокой попыткой современного капиталистического строя любой ценой себя сохранить. Между коммунизмом и фашизмом нет середины, и я выбираю коммунистический идеал». Он признавался, что не со всеми действиями ортодоксальных коммунистов согласен. «Я думаю, что эти методы придется приспособлять к меняющимся условиям и они будут разными в разных

странах», — подчеркивал Неру. Однако он считал, что «в основе своей идеология коммунизма и ее научное толкование истории верны...»⁵.

Поскольку курс, проводившийся фашизмом и нацизмом, вызывал у Неру отвращение, он развернул в стране широкую кампанию по разъяснению народу фашистской угрозы и для Индии. Он также предпринял ряд шагов для предотвращения роста фашизма в своей стране. Как отмечалось выше, на сессии Конгресса в Лакхнау в 1936 г. Неру говорил, что мир разделен на два лагеря — империалистов и фашистов на одном полюсе и социалистов и националистов на другом. Индия неизбежно встанет на сторону прогрессивных сил мира, ведущих борьбу против империализма и фашизма, утверждал Неру. Он следующим образом объяснял возникновение фашистской идеологии: «Капитализм, переживая трудности, прибегнул к фашизму, который жестоко подавляет все, что составляет существо западной цивилизации; в некоторых из своих собственных стран он становится тем, чем империализм давно уже является в угнетенных колониальных странах»⁶.

Неру продолжал выступать против фашизма и нацизма и на сессии Конгресса в Фаизпуре (1936 г.), где недвусмысленно заявил, что «агрессивность фашизма усиливается, фашистские страны вступают в союзы, объединяются для войны за установление господства над Европой и уничтожают политическую и социальную свободу. Конгресс отдает себе ясный отчет в необходимости выступить против этой всемирной опасности вместе с прогрессивными государствами и народами мира. Конгресс заявляет о своей солидарности с поработенными народами мира и народом СССР»⁷.

Когда в 1939 г. ежегодная сессия Конгресса состоялась в Трипуре, над Европой сгустились тучи войны. В своей резолюции Конгресс снова заявил, что «выражает полное несогласие с английской внешней политикой, приведшей к заключению мюнхенского пакта, англо-итальянского соглашения и признанию мятежников в Испании.

Эта политика представляет собой сознательное предательство демократии, постоянное нарушение обязательств, конец системы коллективной безопасности, сотрудничество с правительствами — откровенными врагами демократии и свободы... Конгресс решительно отмежевывается от английской внешней политики, кото-

рая неуклонно помогает фашистским державам и способствует уничтожению демократических стран»⁸.

Тем временем события в Европе начали приближаться к катастрофической развязке. Победа Франко над республиканцами в Испании, разгром Абиссинии Италией, аннексия Австрии Германией и предательство Чехословакии Англией и Францией убедили Неру в том, что империалистические государства Запада не заинтересованы в сохранении мира, что их главная забота — защита и отстаивание своих собственных интересов. Хотя правящие классы Англии и Франции знали, что Германия и Италия готовят на них нападение, они не приложили никаких усилий, чтобы обеспечить свою безопасность в сотрудничестве с Советским Союзом. Их ненависть к Советскому Союзу и страх перед ним были так велики, что они, несмотря ни на что, надеялись повернуть гитлеровскую Германию против СССР. О сотрудничестве с СССР не могло быть и речи. Оно, по их мнению, укрепило бы Советский Союз и способствовало бы его достижениям.

За короткий период двух десятилетий Советский Союз превратился в экономическом и военном отношении в сильную державу, проводившую внешнюю политику, которая оказывала глубокое воздействие на угнетенные народы. Это вызывало злобу и зависть у капиталистических стран, и они старались изолировать Советский Союз. В качестве последнего средства они хотели натравить Германию и милитаристскую Японию на Советскую страну, чтобы не только разгромить ее, но и, разделив на части, удовлетворить требование Германии о «жизненном пространстве».

Неру ненавидел фашизм и нацизм и восхищался Советским Союзом. Он питал веру в прочность социализма, построенного в СССР. Он указывал, что «авторитет России вырос благодаря планированию и великолепным достижениям во многих областях»⁹.

Советская внешняя политика, резко отличная от империалистической политики войны, тоже встречала одобрение у Неру. В письме Коммунистической партии Великобритании от 13 сентября 1938 г. он отмечал: «Внешняя политика Советского Союза — один из важнейших бастионов мира во всем мире, и нет никаких сомнений в том, что, если бы другие державы сотрудничали в ее проведении, мир стал бы неуязвим»¹⁰.

В это время Неру очень хотелось посетить Совет-

ский Союз и воочию убедиться в огромном прогрессе, достигнутом там в то время, когда западные страны переживали серьезные кризисы. Однако болезнь его дочери Индиры помешала ему осуществить это намерение.

Советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и советско-финляндский конфликт (1939—1940 гг.) послужили поводом для империалистов Запада и некоторых правых элементов в Индии поднять шумиху вокруг так называемого вероломства СССР и клеветать на него. Однако эти злопыхатели не желали замечать того, что Советский Союз был вынужден пойти на такой пакт с Германией после того, как все его усилия добиться сотрудничества с Англией и Францией оказались безуспешными.

Непосредственно после этих событий Неру заявил, что СССР платит западным державам их же монетой. Он рассматривал советско-германский пакт и конфликт с Финляндией как акты самозащиты Советского Союза. Неру утверждал, что в ходе советско-финляндского конфликта Советский Союз пытался предотвратить совместное нападение на него Англии, Франции и Германии. В то же время все знали, что Англия, Франция и Италия помогали Финляндии оружием, людьми и деньгами, а Германия планировала нападение на Советский Союз, в частности на Ленинград, через территорию Финляндии. Все это, говорил Неру, — часть общей политики Запада, направленной на изоляцию Советского Союза и его конечный разгром. Неру считал, что, поскольку Ленинград находился на близком расстоянии от финской границы, это усиливало стремление СССР помешать такому нападению.

От внимания Неру не ускользнула также усиленная концентрация английских и французских войск на Ближнем и Среднем Востоке. Он считал, что ее цель — втянуть Советский Союз в войну на востоке, с тем чтобы позволить войскам Германии осуществить быстрое вторжение в СССР. Английская пропаганда распространяла утверждения, будто Англия опасается нападения Советского Союза на Средний Восток и Индию. Неру высмеивал эти домыслы. Он призывал своих соотечественников, особенно правых, в целом враждебно относившихся к Советскому Союзу, не поддаваться такой пропаганде. В статье «Что можно сказать о России сейчас?», написанной 16 января 1940 г., Неру предупреж-

дал своих соотечественников: «Нам следует настороженно относиться к волне пропаганды против России, идущей к нам из нечистых и предвзятых источников. Когда в других государствах или в Индии ведутся кампании клеветы на Советский Союз, нужно быть начеку. Мы должны сохранять веру в социализм и социалистический строй как средство уничтожения пороков мира, если такая вера у нас существует. Нужно помнить, что Советская Россия, несмотря на многие недостатки, немало сделала для создания этой экономической системы, и было бы трагедией, если бы это великое начинание, несущее столь светлую надежду для будущего, погибнет или будет изуродовано. Мы в этом участвовать не можем». Он писал: «Мы, индийцы, выражаем дружеское сочувствие социализму в России и всякую попытку погубить его встретим с неодобрением»¹¹.

Освещая основные принципы советской внешней политики, Неру указывал, что «из года в год эта политика строится на принципах мира, коллективной безопасности, помощи и содействия тем, кто сопротивляется агрессии. В то время как нацистские и фашистские державы осуществляют свои программы бесстыдной агрессии, а Англия и Франция помогают им своей внешней политикой, Советская Россия становится символом честной и всеобъемлющей политики международного мира»¹². В глазах Неру Советский Союз был единственным серьезным барьером для фашизма как в Азии, так и в Европе. Без него фашистская реакция восторжествовала бы повсюду, а демократия и свобода ушли бы в прошлое.

Неру надеялся, что, поскольку фашистская угроза становилась все более реальной, против фашистской агрессии будет образован союз ряда западных стран, России, Индии и Китая. Он хотел бы также, чтобы в этих странах была создана «плановая социализированная экономика, которая положила бы конец существующим сейчас конфликтам». Однако к возможности присоединения западных стран к такому союзу он относился скептически. Одно лишь казалось ему безусловным: «Ни один прогрессивный союз не может обойтись без Советского Союза»¹³.

Правда, Неру беспокоили некоторые явления в Советском Союзе. Но это никак не влияло на его социалистические убеждения. Временами те или иные сдвиги в советской внешней политике также вызывали у него не-

доумение и тревогу. Поступали сообщения о все более сильном подавлении в СССР свободы личности, утверждалось, что там все чаще широко прибегают к насилию. Но Неру оставался непреклонен в своей вере в правоту дела Советской страны. Он отдавал себе полный отчет в общем положении в мире и не придавал значения мелким отклонениям. Такие отклонения были присущи не одному только Советскому Союзу. Государственные деятели Европы искали решения мировых проблем в двуличии и приспособленчестве. Государственной мудростью они не отличались. У Неру созрело убеждение, что если бы империалистам удалось уничтожить единственную настоящую антиимпериалистическую силу — Советский Союз, то те, кто победил бы в борьбе, которую они ведут между собой, навязали бы миру гораздо более суровый режим. Он опасался, что тогда повсюду воцарилась бы фашистская идеология, которая уничтожила бы свободу и прогресс.

Предупреждения Неру относительно фашистской угрозы возымели свое действие на Индийский национальный конгресс и его руководителей. Конгресс все яснее понимал, какую опасность представляют для Индии и всего мира фашизм и нацизм. Конгресс, в основном по инициативе Неру, заявил о сочувствии и поддержке жертв империализма и фашизма в Испании, Абиссинии, Китае, Чехословакии, Палестине и принял также решение вести среди народа разъяснительную работу. По всей стране проводились дни протеста против фашистской агрессии в Африке (Абиссиния) и Азии (Китай). Индийцы вступали в интернациональные бригады, сражавшиеся против мятежников Франко в Испании. Сам Неру побывал на боевых фронтах в Испании, чтобы выразить солидарность Индии с республиканской Испанией. В Китай Конгресс послал группу медиков во главе с доктором Котнисом с целью помочь китайским патриотам в борьбе с японской агрессией. Конгресс даже провел сбор средств для помощи китайцам и объявил бойкот японских товаров, ввозимых в Индию.

Неру очень хотел, чтобы руководители Конгресса пошли за ним. Он направил много личных писем различным деятелям Конгресса, пытаясь убедить их в необходимости осознать серьезность угрозы, которую представляли собой для Индии фашизм и нацизм, показать им, что с помощью различных маневров и махинаций фашисты стараются изолировать и окружить Советскую

Россию. В письме¹⁴ видному борцу за освобождение Индии Маулане Азаду * от 22 февраля 1940 г. Неру изложил свой взгляд на политику империалистов, а также фашистов и нацистов в отношении Советской России. В силу своей объективности и откровенности это письмо заслуживает того, чтобы его процитировать. По мнению Неру, «...после войны английское правительство сознательно и последовательно проводило империалистическую политику». Он говорил, что эта политика по существу не изменилась. «Эта старая политика была политикой поощрения всех реакционных сил в Европе, на Дальнем Востоке и даже в Америке; она преследовала цель ослабления России, бросившей вызов всем реакционным силам и империализму». Неру разъяснял, что страх перед растущей мощью германского фашизма побуждал иногда англичан искать помощи у России, но их ненависть к ней была так велика, что они не могли пойти на сотрудничество с этой страной. Поэтому англичане проводили политику умиротворения Гитлера и Муссолини и тем самым способствовали их значительному усилению. Цель их заключалась в том, чтобы Гитлер начал войну против Советской России и таким образом ослабил ее — их главного врага. «Они вели такую игру до тех пор, пока Россия не почувствовала, что сложившаяся обстановка чрезвычайно опасна для нее, и, заподозрив истинные цели английской политики, попыталась нейтрализовать ее, пойдя на соглашение с нацистской Германией. На какое-то время это нарушило планы англичан».

Неру казалось очень странным, что, будучи в состоянии войны с Германией, английское правительство стояло скорее на антисоветских, чем антигерманских, позициях. Неру также считал объяснимым военный конфликт Советского Союза с Финляндией и возлагал ответственность за него на западные державы, особенно на Англию и Германию. Об этом он писал Маулане Азаду: «Англия использовала Финляндию как для интриг против России, так и в качестве будущего плацдарма для вторжения в эту страну...» Неру доказывал Азаду, что Англия намеревалась воспользоваться обстановкой

* Маулана Абул Калам Азад (1888—1958) — один из лидеров Конгресса в период между двумя мировыми войнами, его председатель в 1923 и 1940 гг., первый министр образования в период независимости.

в Финляндии в своих собственных империалистических интересах и вовлечь в войну Россию. «Для нас это чревато большой опасностью, — говорил он, — ибо, если начнется война между Англией и Россией, она затронет и наши границы». Неру считал, что Индия не должна с предубеждением относиться к Советскому Союзу. «Мы можем критиковать многое из того, что делает Россия, и выражать свое неодобрение, но было бы чрезвычайно опасно разрешить английскому империализму использовать это к своей собственной выгоде», — указывал Неру.

Он подчеркивал, что «будет трагедией, если в результате войны Советская Россия окажется искалеченной и ослабленной, ибо тогда исчезнет единственный сильный противник империализма». Поэтому очень важно, подчеркивал он, «чтобы мы отдали себе ясный отчет в том, что представляет собой английская политика в отношении России, и заявили, что мы против такой политики, никогда не поддержим и не одобрим действий Англии против России». Он хотел, чтобы эта позиция нашла выражение в четко сформулированном политическом курсе, потому что тогда можно будет повлиять на русскую политику Англии. С другой стороны, указывал Неру, если Англия будет знать, что в Индии подобная политика встретит сопротивление, она, вероятно, поостережется переносить войну в другие районы. «Английское правительство хочет напасть на Россию, но боится последствий этого шага, — утверждал он. — Будь оно уверено, что в Индии сохранится спокойствие, оно совершило бы это нападение. Поэтому наша позиция в этом вопросе важна, и желательно изложить ее как можно более недвусмысленно и решительно».

Если же Англия в конечном счете не пошла на нападение на Россию, то это объяснялось, быть может, и пониманием ею того, что Индия выступит против, откажется сотрудничать и, возможно, даже будет действовать вместе с Россией. У Англии были все основания опасаться такого поворота событий, поскольку ей были известны симпатии Неру, да и всей Индии, к Советскому Союзу. Военные последствия такого шага были бы просто катастрофическими. Россия вступила бы в союз с националистическими силами Индии и коммунистическими силами Китая не только для того, чтобы дать отпор японской агрессии, но и для того, чтобы изгнать европейских колонизаторов навсегда из Азии. Но это лишь

предположение. Во всяком случае Неру выступил со своим предупреждением вовремя, чтобы предотвратить опасное развитие обстановки, окончательный исход которого нельзя было предусмотреть или предсказать. В конечном итоге история 40-х годов свидетельствует о том, что отношение Индии, а точнее, революционной Индии к нападению Англии на Советскую Россию немало значило для англичан.

Фашистское нападение на Советский Союз (1941—1942)

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Европа уже была охвачена огнем войны. Новость о нападении на СССР потрясла Индию. Большинство руководителей Конгресса, включая Неру, находились в то время в тюрьме*. Несмотря на их отсутствие, проявление симпатии к Советскому Союзу в стране было весьма широким. По мере того как линия фронта все больше оттягивалась на восток, в Индии росли тревога и беспокойство за судьбу советского народа.

Неру был освобожден из тюрьмы 3 декабря, после года, проведенного в заключении. События быстро следовали одно за другим. 7 декабря Япония совершила внезапное нападение на Перл-Харбор и вскоре после этого объявила войну Англии и Америке. США и Англия в свою очередь начали военные действия против Японии. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. Усилия английской дипломатии явно оказались напрасными. Политика умиротворения в Европе и подстрекательства в Азии не удержала карающую руку. Англия надеялась, что Япония удовлетворится завоеванием Китая, а остальная часть Азии останется под английским господством. Однако японские милитаристы не собирались считаться с англичанами.

Неру с беспокойством следил за этими мрачными событиями. Он питал большую симпатию к Советскому Союзу и Китаю. В своем первом после освобождения из тюрьмы заявлении, сделанном 4 декабря, Неру ска-

* Неру был арестован в ходе организованной Конгрессом кампании гражданского неповиновения 1940 г.

зал: «Мы — далекие свидетели героического мужества и нескончаемых жертв других народов, борющихся за свободу, особенно народов Китая и Советской России, проливающих кровь своих сердец и уничтожающих свои собственные огромные ценности для того, чтобы свобода продолжала жить»¹.

В Индии в результате войны и связанной с нею угрозой по-новому начали смотреть на расстановку сил в мире. Распространенным стало мнение, что Англия — меньшее зло, чем Германия и Италия. Эту точку зрения поддержал Неру, заявив, что «прогрессивные силы мира на стороне группы государств, представляемых Россией, Китаем, Америкой и Англией»². В то же время он признавал, что английская империалистическая политика не изменилась, поскольку «в этой группе союзных государств действуют имеющие прочные позиции реакционные силы, о чем свидетельствует их отношение к Индии. А это неизбежно определяет нашу собственную политику. Тем не менее мы должны сочувствовать этой группе государств, в которой есть и прогрессивные силы, и желать ей успеха»³.

Неру призвал индийский народ поддержать дело союзников. При этом он подчеркивал, что настоящее участие Индии в нанесении поражения силам фашизма возможно только в случае ее освобождения. Руководители Конгресса так же недвусмысленно заявили о том, что угнетенная Индия не примет участия в империалистической войне, если не будет признано ее право на свободу. Они говорили, что, если цель войны — сохранение статус-кво, империалистических владений, привилегий и интересов, тогда Индия никак не будет содействовать военным усилиям. Если же цель войны — сохранение демократии и создание мирового порядка, основанного на свободе, тогда Индия будет готова пойти на сотрудничество и необходимые жертвы. Англичане отвергли это заявление.

Что же касается Неру, то он хотел бы почетной договоренности с Англией, что позволило бы Индии активно участвовать в войне на стороне союзников. В нем боролись два противоположных чувства. С одной стороны, он стремился к уничтожению фашистской идеологии, а с другой — жаждал освобождения Индии. Но в тех условиях возникавший при этом конфликт не мог быть разрешен.

Вместе с тем симпатии Неру к Советскому Союзу

были несомненными. В статье, написанной в Аллахабаде 11 декабря 1941 г. для лондонской газеты «Ньюс кроникл», Неру подтвердил свою непоколебимую солидарность с Советским Союзом и его народом, «которые воплощают многие дорогие нам идеалы и наглядно демонстрируют негибаемое мужество и готовность идти на жертвы»⁴.

Большая симпатия Неру к Советскому Союзу не могла не оказать влияние на Конгресс и его руководителей. На заседании в Бардоли 30 декабря 1941 г. Рабочий комитет Конгресса выступил с осуждением спровоцированного нападения фашистской Германии на СССР. В принятой там резолюции, которая была составлена Неру, Конгресс заявил: «...Комитет (Рабочий комитет Конгресса) и в прошлом не всегда одобрял политику Советского Союза, но признавал, что Советский Союз отстаивает определенные гуманные, культурные и экономические идеалы, которые имеют большое значение для развития и прогресса человечества. Он с большим интересом следил за ходом великого эксперимента человеческой цивилизации и считает, что было бы трагедией, если бы военный катаклизм привел к уничтожению достигнутого. Конгресс восхищается поразительной жертвенностью и героическим мужеством советского народа, защищающего свою свободу, и выражает ему свое горячее сочувствие»⁵. Принятая в Бардоли резолюция была единодушно одобрена и на заседании Рабочего комитета Конгресса в Вардхе в январе 1942 г.

Неру понимал, что в войне на карту поставлены важные принципы. В выступлении в Джханси 29 мая 1942 г. он заявил: «...помимо великих стран на карту поставлены великие идеалы... Мы не можем допустить поражения России и Китая и гибели принципов, за которые они борются»⁶. В то же время у него теплилась смутная надежда на неуязвимость Советского Союза, ибо он считал, что его экономический строй поконится на очень прочном фундаменте, способном выдержать любое нападение.

Неру говорил об этом неоднократно. Он всегда подчеркивал, на какие огромные жертвы шли советские люди, отстаивая свою независимость, и повторял, что было бы весьма прискорбно, если бы Советский Союз потерпел поражение. Эти чувства разделял и Ганди. Война и сопутствовавшее ей страшное насилие вновь тревожили его совесть. Он выступал против насилия, да-

же если оно применялось ради победы правого дела. Но к агрессорам он не питал никакой симпатии. В интервью газете «Ньюс кроникл» Ганди говорил: «Если я смогу обратить Индию в мою веру, это не поможет ни одной из сторон. Но мои симпатии несомненно принадлежат Китаю и России»⁷.

Ганди был также убежден, что «вступление Японии (в войну) будет означать конец Китая, а может быть, и России. Я не хочу быть орудием поражения ни России, ни Китая. Если бы это произошло, я бы себя возненавидел»⁸.

Первые поражения Советского Союза в войне вызвали тревогу у индийских руководителей. Когда в начале 1942 г. Махатме Ганди, находившемуся тогда в тюрьме, сказали, что Россия может проиграть войну, он ответил: «Нет, Россия не может проиграть войну. Если Россия ее проиграет, то кто же позаботится об интересах бедняков во всем мире. ...Россия не должна проиграть войну»⁹.

Рабиндранат Тагор, будучи уже на смертном одре, тоже выражал симпатии к советскому народу. Он был уверен, что «этот народ победит. Он один может справиться со зверем»¹⁰.

Что же касается индийской интеллигенции, то ей претензии нацистов представлялись смехотворными. В заявлении для печати в июне 1941 г. около семидесяти писателей, редакторов, преподавателей, юристов и т. п. во главе с видным ученым, участником освободительной борьбы и социальным реформатором Ачарией Профуллой Чандра Раем выразили горячее сочувствие Советскому Союзу и высоко отозвались о его огромных достижениях, «не знающих себе равных в истории человечества». От имени «угнетенной и почти беспомощной страны» они передали ему наилучшие пожелания и выразили уверенность, что Советский Союз победит своих мучителей¹¹.

Многие видные деятели Конгресса тоже решительно протестовали против нападения Германии на Советский Союз. Говоря о своем сочувствии СССР, они подчеркивали, что только свободная Индия может оказать полную поддержку делу союзников. Например, Ч. Раджагопалачарья придерживался мнения, что японская агрессия и нападение Германии на Россию облегчили Конгрессу обращение к союзникам с предложением о сотрудничестве. С другой же стороны, говорил он, провозгла-

шение независимости Индии стало еще более настоятельно необходимым. Только свободная Индия может сотрудничать по-настоящему, утверждал Раджагопалачарья¹².

Пандит Говинд Валлабхаи Пант*, также видный деятель Конгресса в Соединенных провинциях, высказывал аналогичные чувства. Он считал, что Индия не может бороться за свободу других народов, не будучи сама свободной, что нельзя требовать от Индии огромных жертв ради свободы, например, Польши или других европейских стран, когда сама Индия лишена свободы. Отражая антипатию Индии к фашизму и нацизму, Пант утверждал, что независимая Индия окажет сопротивление японской армии¹³.

Один из выдающихся борцов за освобождение Индии, Маулана Абул Калам Азад, занимавший в 1942 г. пост председателя Конгресса, призывал Конгресс выступить против англичан, если Индии не будет предоставлена независимость. Высоко оценивая борьбу Советского Союза против фашистских орд, Маулана Азад подчеркивал, что созданный Советами новый мир не распался под ударами войны и что, несмотря на тяжелое положение в стране, там не произошло ни восстания, ни отделения какой-либо ее части. Вся страна, как один человек, поднялась на борьбу, подчеркнул он¹⁴.

К числу видных деятелей освободительного движения принадлежал и В. К. Кришна Менон**, который очень благожелательно относился к Советскому Союзу. В 30-х и 40-х годах Менон был представителем Конгресса в Лондоне. В этом качестве он не только поддерживал связь с политическими деятелями Запада, но и старался пробудить на Западе настроения в пользу независимости Индии. Он был тесно связан с английской лейбористской партией. В серии статей, написанных им для органа Коммунистической партии Великобритании «Лейбор мансли», редактором которого был Раджни Палм Датт, он выражал горячую симпатию советскому народу. В одной из статей, «Битва за свободу», Менон пи-

* Говинд Валлабхаи Пант (1887—1961) — лидер Конгресса в Соединенных провинциях в 30—40-х годах, министр внутренних дел в правительстве Индии в 1950-х годах.

** В. К. Кришна Менон (1896—1974) — близкий к Неру видный деятель Конгресса, в период независимости игравший важную роль в осуществлении внешней политики страны. Министр обороны Индии в 1957—1962 гг.

сал, что на нападение Германии на Советский Союз широкие массы повсюду в мире немедленно же ответили солидарностью и нигде эта солидарность не была такой спонтанной, такой глубокой и такой сильной, как у колониальных народов. В их глазах победа Советского Союза несла не только надежду на освобождение, но и гарантию его достижения¹⁵.

По инициативе Кришны Менона в Лондоне было создано Общество помощи Советскому Союзу, которое взяло на себя задачу не только популяризации СССР, но и укрепления дружбы между советским и индийским народами. В телеграмме Кришне Менону от 3 января 1942 г. Неру приветствовал создание этого Общества и сообщал о резолюции Рабочего комитета Конгресса, выражавшей горячую поддержку советскому и китайскому народам. Однако Неру с сожалением отметил, что в существовавшей в Индии обстановке Конгресс «не мог пойти дальше»¹⁶. Ранее, в другой телеграмме Менону, от 11 декабря 1941 г., Неру высказал пожелание, чтобы Общество помощи Советскому Союзу «выразило солидарность с героической борьбой народов Китая и Советского Союза за свободу»¹⁷. Неру хотел, чтобы это Общество вступило в Индийский национальный конгресс, но тогдашний председатель Конгресса Маулана Азад этому воспротивился. Тогда Неру передал Обществу наилучшие пожелания от себя и своей сестры Виджайи Лакшми*.

Позднее Менон предложил Неру возглавить делегацию в Советский Союз. Неру приветствовал это предложение, но не смог выехать из Индии из-за ограничений, введенных властями. В телеграмме, отправленной 21 июля 1942 г., Неру одобрил предложение о направлении делегации, но писал, что «сам лично не может сейчас покинуть страну». Он сообщал Менону, «что повторные обращения к правительству о предоставлении необходимых возможностей для поездки делегатов остаются без ответа»¹⁸. В этих условиях, говорил он, был бы рад, если бы делегацию возглавил сам Кришна Менон. 23 июля в еще одной телеграмме Неру упомянул об опасном положении, в котором оказались Россия и Китай, и призвал Менона организовать помощь «Китаю и России».

* Виджая Лакшми Пандит (1900) — сестра Джавахарлала Неру, политический деятель и дипломат, первый посол независимой Индии в СССР (1947—1949).

в этот чрезвычайно критический час». Он считал, что второй фронт помог бы обоим этим странам¹⁹.

Таким образом, симпатии индийских руководителей к Советскому Союзу и поддержка его дела сомнений не вызывают. Но когда речь заходила о союзниках вообще, среди руководителей Конгресса возникали расхождения и разногласия. Ганди, не желая поражения ни Китаю, ни России, все же настаивал на том, что Индия должна сначала получить свободу, а потом уж принять участие в военных усилиях Англии. Большинство конгрессистов с ним соглашалось, рассуждая следующим образом: угнетенная страна, подобная Индии, не может идти на жертвы ради свободы других стран. Хотя они готовы полностью мобилизовать страну на поддержку военных усилий Англии, им нужны твердые заверения англичан о предоставлении независимости Индии. Неру, соглашаясь с таким подходом, расходился во мнениях с Ганди и некоторыми другими деятелями Конгресса относительно обстановки в мире. К тому времени ему стало ясно, что независимость Индии, хоть и действительно необходимая, не является первоочередной задачей. Он утверждал, что в конечном счете это зависит от того, кто победит в войне.

Неру высказал свое мнение, заявив: «Хотя мы стремимся к независимости, она сама по себе в настоящее время не является главным вопросом. Главный вопрос сейчас — это как справиться с создавшимся положением, как отразить агрессию против Индии и как помочь Китаю, России и общему делу союзников»²⁰.

Тем временем Рабочий комитет Конгресса не добился от английского правительства положительного ответа. Вице-король предложил лишь образовывать военный консультативный совет. Ни к чему не привели старания и примирительная позиция Неру и других деятелей.

Между тем агрессия Японии в Азии расширялась. Ее жертвами стали уже Гонконг, Филиппины, Малайя, Индокитай и Таиланд. 15 февраля 1942 г. пал важнейший оплот Англии — Сингапур. Англичане начали отступать из Бирмы, и Индия оказалась открытой для японцев.

Азия напряженно ждала, как Индия выдержит это наступление. Если Индия окажется побежденной, то вся Азия попадет под железную палу японцев. На карту поистине было поставлено будущее Азии, в том числе Китая. Глава китайского государства Чан Кайши в феврале 1942 г. посетил Индию с визитом доброй воли. Ос-

новная цель его визита заключалась в том, чтобы убедить Индию в опасности японского империализма для Азии. Он знал, что для мобилизации индийского народа на борьбу с японцами важнейшую роль сыграло бы предоставление независимости Индии. Поэтому он призвал к немедленной передаче «реальной политической власти» индийскому народу, с тем чтобы поднять его на борьбу против японских захватчиков. К марту 1942 г. Япония оккупировала столицу Бирмы Рангун. Ход войны на востоке весьма тревожил Англию. Лондон направил сэра Стаффорда Криппса * в Дели с новыми предложениями, с поручением договориться с Конгрессом.

Появление японцев в Бирме, на границе с Индией, вызвало даже кризис в рядах Конгресса. Антияпонские настроения в стране были очень сильными. Вероятность японского вторжения в Индию казалась уже вполне реальной. Конгрессисты не могли больше оставаться в стороне и заниматься спорами о насилии и ненасилии. Такие деятели, как Раджагопалачарья, Маулана Азад и Неру, в это время выступили против Ганди по важнейшему вопросу — о насилии. Ганди обратился к Конгрессу с просьбой освободить его от руководства. Когда же Конгресс в январе 1942 г. предложил Англии условное сотрудничество, Ганди отказался возглавлять Конгресс.

Заседание Всеиндийского комитета Конгресса в январе 1942 г. было историческим. Оно сыграло очень важную роль для Неру, поскольку именно на этом заседании Махатма назвал его своим преемником. Он уже считал Неру своим «гуру» в международных вопросах. Поскольку распространились слухи о том, что между Ганди и Неру назревает разрыв, такой поворот оказался несколько неожиданным.

В Индии на миссию Криппса возлагали большие надежды. Однако она закончилась полным провалом, и Конгресс испытывал большую, чем всегда, горечь. Криппс предложил Индии полный статус доминиона после войны с правом выхода из Британского содружества. Для Конгресса, отклонившего предложение о статусе доминиона еще раньше, повторение этого предложения Лондоном казалось оскорбительным.

* Стаффорд Криппс (1889—1952) — видный английский политический деятель, лейборист, неоднократно занимал министерские посты.

Предложение отвергли все партии. Ганди назвал его «чеком, срок которого истек». Несомненно, в решении не принимать это предложение ему принадлежала ведущая роль. Неру тоже не поддержал его и не выступил за компромисс с миссией Криппса. Поскольку Криппс имел строжайшие указания, отступать от них он уже не имел права.

Провал миссии Криппса не мог не усилить враждебное отношение к англичанам. Сначала оно стало заметно среди конгрессистов, а вскоре охватило и всю страну. Имелся лишь один выход — начать кампанию гражданского неповиновения. Но японцы уже стояли чуть ли не на пороге Индии. Неру был встревожен и расстроен ходом событий. Он выступал за помощь делу союзников и не хотел поражения Советского Союза и Китая. Ганди писал, что Неру, опасаясь разгрома Китая и России, «пытался забыть свои старые претензии к империализму...» (британскому. — В. Б.)²¹. Но он не мог игнорировать настроения в стране, а также рядовых членов Конгресса, отказавшихся сотрудничать с англичанами. Неру хотел организовать партизанскую борьбу против японцев. Однако Махатма отнесся к этой идее отрицательно и потребовал, чтобы англичане ушли «прочь из Индии», притом как можно скорее, и дали возможность организовать сопротивление японцам. Он хотел получить ответ от англичан до начала движения гражданского неповиновения.

Лозунг «Прочь из Индии» наэлектризовал страну. Повсюду на него откликнулись тысячи людей, которые настаивали на том, чтобы англичане подвергли их аресту*. Хотя Неру согласился на принятие резолюции с требованием ухода англичан, его беспокоило, как бы гражданское неповиновение не нанесло ущерба военным усилиям. Он не мог забыть того, что фашизм, нацизм и японский милитаризм представляли собой более серьезную опасность, чем британский империализм.

Перед Неру встала серьезная дилемма. Ганди знал об этом и в откровенном письме вице-королю остановился на отношении Неру к войне. Ганди писал: «Я с ним спорил много дней подряд. Он выступал против моей позиции (несотрудничества с англичанами. — В. Б.) с такой страстью, что мне не хватает слов, чтобы ее описать. ...Он уступил, когда со всей ясностью понял, что без ос-

* Форма сатьяграхи.

вобождения Индии свобода двух других стран (Китая и России) окажется в большой опасности»²².

По инициативе Неру резолюция Рабочего комитета Конгресса «Прочь из Индии» содержала хвалебное упоминание о Советском Союзе. В ней говорилось: «Комитет с огорчением отмечает ухудшение положения на русском и китайском фронтах; он высоко ценит героизм, проявляемый русским и китайским народами при защите свободы». В резолюции подчеркивалось, что Рабочий комитет стремится ничем не мешать обороне Китая или России, чья драгоценная свобода должна быть сохранена²³.

Реакция правительства не была неожиданной. Утром 9 августа 1942 г. Махатма и все члены Рабочего комитета были арестованы. Их арест вызвал в стране невиданный ранее взрыв негодования.

Друзья Советского Союза

Ничто другое не вызывало у Неру-мечтателя такую тревогу, как возможность уничтожения социалистического эксперимента в Советском Союзе. Прилежно изучая историю, он возлагал большие надежды на русскую революцию, в которой видел зарю новой цивилизации. А поскольку империалистическая система становилась все более жестокой и он не видел в ней ничего такого, что следовало бы сохранить, значение русской революции в его глазах еще более возросло. Новые язвы мира — фашизм и нацизм старались навязать человечеству еще более отвратительное рабство, чем империализм. Лишь нестигаемая решимость Советского Союза и высокие идеалы, вдохновлявшие его, светили как маяк в сгущавшейся тьме. Неру действительно боялся, что война погасит этот свет.

Тревога, которую испытывал Неру, имела и личную подоплеку — его приверженность делу социализма. Со времени возвращения с Брюссельского конгресса и из Москвы в 1927 г. он был его неутомимым пропагандистом. Он уже видел в своих планах социалистическую Индию, чем вызывал недовольство многих своих единомышленников в Конгрессе. Неру хотел, чтобы Индия заняла видное место в будущем социалистическом мире. А поскольку он понимал, почему империализм стремится уничтожить социализм, его гнев и возмущение не знали предела. Неру считал Советский Союз единственной подлинно антиимпериалистической силой и боялся, что если ее уничтожат, то, возможно, наступит конец мечте множества людей о социализме.

Нападение фашистских орд на СССР, естественно, глубоко потрясло как Неру, так и всех других индийцев, мечтавших о социализме.

Широкое распространение получило убеждение, что все социалисты во всех странах должны встать на защиту советского эксперимента. В Индии реакция на напа-

дение на СССР была мгновенной. Индийские социалисты и прогрессивные деятели стремились показать миру, что Советский Союз не остался без друзей. Так возникло решение создать общества друзей Советского Союза по всей Индии. Первое такое общество появилось в Калькутте в июне 1941 г. Его председателем стал брат Свами Вивекананды, известный ученый-марксист Бхупендра-натх Датта, который побывал в Москве еще при жизни Ленина. Стать патроном общества дал согласие Рабиндранат Тагор.

С самого начала вокруг обществ друзей Советского Союза сплотились все прогрессивные деятели страны. Его члены представляли самые разнообразные слои общества, среди них были учителя и профессора, юристы и ученые, общественные и политические деятели. Многие из них вовсе не придерживались марксистских взглядов, а некоторые даже не соглашались с основополагающими принципами марксизма. Но в одном они были полностью согласны — советский эксперимент вдохновляется высокими идеалами, в нем заложена надежда на лучшее устройство человеческого общества. Защиту и сохранение этой надежды они считали своим долгом.

Основная цель обществ друзей Советского Союза заключалась в том, чтобы объединиться на общей платформе. Для начала они решили знакомить индийский народ с советскими достижениями, помочь ему лучше понять советскую политику, чтобы пробудить в нем симпатии к Советской стране и ее народу.

16 ноября 1941 г. в Калькутте состоялась всеиндийская конференция обществ друзей Советского Союза, на которой председательствовал мусульманин левых взглядов Ифтикар уд-Дин. Конференция приняла следующую резолюцию:

«Конференция друзей Советского Союза, представляющая писателей, художников, ученых и интеллигенцию, а также рабочих, крестьян, студентов и другие прогрессивные круги из различных районов Индии, приветствует героический народ Советского Союза, высоко поднявший знамя свободы и социальной справедливости в борьбе против дьявольских сил организованной и беспощадной реакции, и заявляет о решимости индийского народа вместе с советскими людьми всегда стоять на страже новой цивилизации, которую они построили и которая сделала Советский Союз образцом, вдохновляющим все человечество»¹.

На конференции решено было создать всеиндийскую организацию друзей Советского Союза для изучения советского опыта и пропаганды достижений СССР. Было также принято решение вести среди народа работу по разъяснению характера и причин войны, которую фашисты развязали против Советского Союза, и оказывать прямую практическую помощь советскому народу в той мере, в какой «это разрешают существующие в Индии условия и ее интересы». Конференция назначила временный всеиндийский комитет друзей Советского Союза, облеченный правом кооптировать других членов из различных провинций. Кроме того, было решено направить представительную индийскую делегацию в Советский Союз для укрепления дружбы между народами двух стран.

Неру не смог присутствовать на калькуттской конференции, так как находился в то время в тюрьме. Однако председатель калькуттского Общества друзей Советского Союза Ифтикар уд-Дин 16 декабря 1941 г. написал ему о конференции и ее результатах: «Пару месяцев назад наши друзья в Калькутте создали организацию, названную Обществом друзей Советского Союза. Около трех недель назад Общество созвало всеиндийскую конференцию. Я на ней председательствовал. На конференции был образован всеиндийский комитет и принято решение создать аналогичные комитеты и провести конференции во всех провинциях»².

Ифтикар уд-Дин сообщал также, что занятость Конгресса борьбой за независимость «не должна мешать нам выражать наши симпатии Советскому Союзу в более или менее организованной форме... В случае если Вы не возражаете, всеиндийский комитет соберется... и изберет Вас своим председателем»³.

Из этого письма явствует, что Общество считало Неру действительным руководителем левого движения и защитником дела Советского Союза. Неру в своем ответе выдвинул конкретные предложения относительно деятельности Общества, хотя отказался от руководящего поста в нем из-за занятости другими делами. Он написал, что знает о калькуттской конференции, что сам после освобождения из тюрьмы пытался создать аналогичную организацию в Аллахабаде. Такие же усилия прилагались в Бенаресе, Лакхнау и других городах Соединенных провинций, главным образом университетских. «Предполагалось в каждом из этих городов издать ма-

нифест, а затем образовать организацию, состоящую из лиц, подписавших эти манифесты». По его мнению, такие организации не добьются больших результатов, если в них будут входить только убежденные и известные друзья Советского Союза. «Задача заключается в том, — писал Неру, — чтобы вовлечь рядовых представителей интеллигенции, преподавателей и т. п. ... и мне кажется, что лучше, если именно такие люди образуют костяк этих организаций»⁴.

Сам Неру не одобрял идеи создания всеиндийской организации, во всяком случае на первых порах. Он убеждал Ифтикар уд-Дина, что ему не следует навязывать стране всеиндийскую организацию, состоящую из назначенных членов, потому что она не добьется успеха. «По-моему, гораздо лучше было бы поощрять создание местных групп, а затем установить между ними связи, притом свободные. Впоследствии эти организации могли бы образовать всеиндийский комитет», — предлагал Неру. Он считал, что ему не следует соглашаться на пост председателя комитета, ибо это явилось бы нарушением демократического порядка выборности на этот пост. Но, выразив готовность участвовать в работе комитета, он выступил за то, чтобы была создана широкая организация, в которую не обязательно входили бы марксисты; ведь такая организация, полагал он, скорее получит признание в стране.

Отделения Общества друзей Советского Союза скоро возникли в целом ряде городов страны. В декабре 1941 г. было создано такое отделение в Бомбее. Оно также обратилось к Неру с предложением возглавить его. Так, например, генеральные секретари отделения Г. Дж. Коллинз и Раджа Кулкарни 8 декабря 1941 г. писали Неру: «Нам весьма приятно, что нашим национальным руководителем является такой видный друг Советского Союза, как Вы, и мы надеемся, что Вы можете нам ценными советами и, что не менее важно, представите нас широкой публике»⁵.

Коллинз и Кулкарни полагали, что долг прогрессивных деятелей всего мира — выражать сочувствие Советскому Союзу и поддерживать его историческую борьбу. «Цель Общества, — говорили они, — укреплять дружбу и взаимопонимание между народами Индии и Советского Союза»⁶.

Невежество и предрассудки, продолжали авторы письма, мешают многим индийцам правильно понимать

и оценивать прогресс, достигнутый советскими народами в области культуры, образования, науки, в социально-экономической сфере. Они также затронули сложную тему, вызывавшую в стране ожесточенные споры: «Существующий у нашего народа всеобщий антагонизм к британскому империализму ведет к появлению у многих настроений в пользу нацистов, а союз СССР с Британской империей в ведущейся теперь борьбе породил сомнения и враждебность к Советскому Союзу». Такая оценка не была, конечно, правильной. В стране не было настроений в пользу нацистов, а если они и существовали, то лишь у немногих заблуждавшихся людей. Большинство же индийцев просто радовались, когда англичанам как следует доставалось в первые месяцы войны от нацистов. Но это вовсе не означало симпатий к нацистам. Что же касается союза СССР с Англией, то у неграмотных людей во время войны он действительно вызывал сомнения и враждебные чувства к Советскому Союзу. А это кое-кем использовалось для того, чтобы очернить Советскую страну.

Генеральные секретари бомбейского отделения заверили Неру, что Общество постарается доказать ошибочность подобных взглядов и показать, что борьба советского народа — это борьба против всех сил реакции, заслуживающая полного сочувствия и поддержки⁷.

В письме говорилось о ряде достижений Советского Союза, в частности о создании новой системы ценностей, которая, по мнению авторов письма, имела огромное значение. «Мы считаем, что уничтожение или поражение Советского Союза в войне и прекращение в результате этого его великого эксперимента в деле человеческого прогресса нанесут вред человечеству, — писали они. — Сама его борьба продемонстрировала прочность Советского государства, его силу и стойкость, а также способность идти на жертвы ради дела народа, равных которым найти трудно». В заключение в письме сообщалось, что не все члены бомбейского Общества друзей Советского Союза — социалисты, что не все они — сторонники экономической и другой политики Советского Союза. «Но мы убеждены, — указывалось в письме, — что в целом Советский Союз выступает за прогресс человечества, и потому в этот час испытаний выражаем ему нашу горячую симпатию»⁸.

Письма калькуттского и бомбейского отделений Общества друзей Советского Союза свидетельствуют о том,

что у этого движения имелась очень широкая база, хотя его члены не были сторонниками ни марксизма, ни даже политики СССР. Однако все они выражали убеждение в том, что советский эксперимент вдохновляется высокими идеалами и имеет своей целью прогресс человечества. Полностью одобряя цели бомбейского Общества, Неру при этом предлагал: «Если будет созван какой-нибудь митинг, он должен проходить под эгидой Конгресса и рассматривать вопрос об общей обстановке (войне. — В. Б.)»⁹.

9 января 1942 г. состоялось заседание исполкома калькуттского Общества друзей Советского Союза, которое одобрило ряд резолюций, переданных Неру секретарем отделения Мони Силом.

В основной резолюции отмечалось, что участники заседания возмущены ужасными зверствами, совершаемыми на оккупированных территориях России и Европы вторгшимися туда немецко-фашистскими бандами, сгонном ни в чем не повинного гражданского населения в концентрационные лагеря, эксплуатацией людей, принудительным трудом, организованным поруганием женщин и девушек. Заседание обратилось с призывом к Джавахарлалу Неру и всем левым деятелям Индии сформировать отряд индийских добровольцев, который отправился бы «на Восточный фронт в Россию в этот тяжелый для нее час», ибо СССР борется за прогресс, мир и спасение цивилизации, «за права и свободы не только своих народов, но и всех свободолюбивых народов мира»¹⁰.

Калькуттское отделение в январе 1942 г. организовало митинг женщин с целью выразить сочувствие и солидарность советским женщинам и принять конкретный план поддержки Советского Союза индийскими женщинами, а также организации изучения стоящих перед СССР проблем. Митинг вызвал большой интерес у женщин других провинций.

По инициативе Неру Общество друзей Советского Союза в январе 1942 г. было создано в Аллахабаде. Оно тоже приняло решение направить миссию доброй воли в Советский Союз, чтобы выразить солидарность с советским народом в час тяжелых испытаний. В деятельности аллахабадского Общества ощущалось явное влияние Неру. В январе 1942 г. заместитель редактора газеты «Нэшнл геральд» Чалапатхи Рау по указанию Неру написал две статьи, в которых потребовал от англичан ус-

тановить дипломатические отношения между Индией и СССР.

В начале января 1942 г. Общество решило провести провинциальную конференцию в Лакхнау. Все политические партии согласились поддержать ее и принять в ней участие. Было объявлено, что Неру откроет конференцию, а известный индийский философ и ученый С. Радхакришнан будет ее председателем.

Фироз Ганди * во время конференции организовал выставку, посвященную жизни Советского Союза. Выставка вызвала большой интерес. Она содержала обширную информацию о всех сторонах советской жизни: советском искусстве, образовании, промышленности, сельском хозяйстве, науке и медицине. Среди экспонатов были фотографии, диаграммы, а также кустарные изделия. Особое внимание уделялось Средней Азии — советским Таджикистану, Узбекистану, Киргизии и Туркмении. Экспонаты, посвященные этим республикам, давали яркое представление о развитии этих некогда отсталых районов¹¹.

22 февраля 1942 г. «Нэшнл геральд» поместила статью о выставке под крупным заголовком: «Только Россия может обеспечить «новый порядок»». Открывая выставку, ветеран Конгресса из Соединенных провинций П. Д. Тандон сказал: «Когда Англия и Америка говорят, что после войны установят «новый порядок», никто им не верит. Это не «новый порядок», потому что народ не сможет участвовать в управлении. Лишь Советский Союз может дать миру «новый порядок», отвечающий интересам всех людей».

Как видно из его слов, идея «нового порядка» овладела умами индийцев. Но они не ждали его от западных государств. Они надеялись, что «новый порядок» появится только благодаря советскому эксперименту.

Тандон разъяснял, что цель выставки — дать представление о достижениях советского народа в области культуры, в которой Советская власть сделала для народа больше, чем любое другое правительство. Естественно, продолжал он, что Индия питает большую симпатию к советскому народу. Тандон заявил далее, что Россия — страна демократическая, что никакой другой

* Муж дочери Неру Индиры, журналист и политический деятель.

народ не участвует в войне так активно, как советский, считающий это своим кровным делом.

Тандон также сказал, что Индия хотела бы иметь народное правительство наподобие существующего в России.

22 февраля 1942 г. в Лакхнау открылась провинциальная конференция Общества друзей Советского Союза. Ее открыл Джавахарлал Неру. С. Радхакришнан, который должен был на ней председательствовать, заболел, и его заменила Сароджини Найдуг*.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о С. Радхакришнана, поскольку он тоже немало способствовал распространению прогрессивных идей в Индии. Хотя он был философом идеалистического направления, у него хватило прагматизма, чтобы понять важность социальных аспектов марксизма для Индии.

В своей книге «Религия и общество», вышедшей в 1942 г., Радхакришнан писал: «Даже самые жестокие критики не могут отрицать, что Советская Россия представляет собой колоссальный эксперимент, более важный, чем американская и французская революции. В нем мы видим попытки перестроить всю структуру общества — политическую, экономическую и социальную... Социалистическая программа марксистов больше отвечает реальным нуждам человечества и потребностям производства, применяющего современные технические средства. Требование социализма — требование высokonравственное». Однако с рядом других положений марксизма Радхакришнан не соглашался. Он писал: «Забота марксистов о бедных и обездоленных, выдвинутое ими требование более справедливого распределения богатства и возможностей, их упор на социальное равенство... не вызывают возражений ни одного идеалиста... но симпатии к марксизму как действенному орудию социальной революции не означают одобрения его философской основы»¹². Несмотря на такие оговорки, Радхакришнан находился под сильным влиянием марксистской мысли. Тот факт, что его пригласили председательствовать на конференции Общества друзей Советского Союза, уже сам по себе говорит о признании про-

* Сароджини Найдуг (1879—1949) — в конце XIX — начале XX в. видная поэтесса, писавшая по-английски; в годы первой мировой войны выдвинулась в качестве одного из лидеров Конгресса; его председатель в 1925 г.

грессивности его взглядов и глубокой приверженности социальным переменам.

Открывая конференцию, Джавахарлал Неру сказал, что России, Китаю и Индии придется строить будущее вместе. Сароджини Найду назвала Россию и Китай «эмблемами демократической битвы» и отозвалась о Советском Союзе как о «живом знамени и светоче демократии»¹³. В конференции приняли участие около 15 тысяч человек — мужчин и женщин.

Председатель организационного комитета Рафи Ахмед Кидваи*, друг и соратник Неру, подчеркнул непартийный характер конференции. «В руководстве оргкомитета, — сказал он, — вы найдете людей, придерживающихся различных и даже противоположных взглядов на текущие политические вопросы. Некоторые из них всячески стараются помочь военным усилиям правительства (явный намек на коммунистов. — В. Б.)**», другие считают, что не могут участвовать в войне, навязанной Индии, и, хотя они очень хотели бы присоединиться к тем, кого считают «прогрессивными силами мира», они могут сделать это только как свободные люди, ведущие борьбу за свободу других людей, а не как рабы британского империализма, который борется за сохранение статус-кво» (тут имелся в виду сам Конгресс. — В. Б.). Кидваи говорил, что всех собравшихся в зале конференции объединяет восхищение героическим сопротивлением Советской России нападению нацистской Германии. «Индии, — сказал он, — следует поучиться у Советской России, которая за 20 лет превратилась в могучее и современное государство».

Кидваи, который после достижения независимости стал министром в правительстве Неру, подчеркнул, что в Индии лишь немногие внимательно и пристально следили за происходящим в России и еще меньше индийцев были готовы признать, что коммунизм смог совершить чудеса за первые два десятилетия. Он заявил делегатам,

* Рафи Ахмед Кидваи (1894—1954) — один из лидеров Конгресса в Северной Индии в 20—40-х годах, видный государственный деятель в первые годы независимости; в 1951 г. вышел из Конгресса и вместе с Крипалани основал правосоциалистическую Крестьянско-рабочую народную партию.

** В 1942 г. Компартия Индии, которая после начала Великой Отечественной войны советского народа выдвинула лозунг о необходимости поддержки военных усилий союзных держав, была легализована колониальными властями.

что система, обеспечившая такие успехи, заслуживает изучения. «Что бы ни произошло, чем бы ни кончился нынешний конфликт, система, которая сумела создать государство, подобное существующему в Советском Союзе, будет продолжать оказывать влияние на мышление и жизнь человечества», — утверждал Кидвай. Конференция, по его словам, представляла собой собрание людей, восхищающихся достижениями Советского Союза. От имени конференции он выразил советскому народу «горячее сочувствие в час испытаний»¹⁴.

Госпожа Найду, яркая и многосторонняя личность, участница национально-освободительного движения, в своем выступлении в качестве председателя тепло говорила о советском народе, о его героическом сопротивлении, о защите страны от неспровоцированного нападения фашистских войск. Сопротивление советских людей, сказала она, вызвало восхищение всего мира. Она выразила мнение, что жертвы и страдания русского народа послужат для империалистических государств наглядным уроком того, как социалистический строй поднимает народ на защиту своих достижений и вселяет в него энтузиазм.

Однако молодое поколение индийцев, говорила она, не должно слепо следовать всему, что исходит от Советского Союза. Индия сама должна определить свою судьбу в соответствии со своими нуждами, хотя ей и надлежит воспринять все хорошее, что есть в советской философии жизни. С. Найду далее заявила собравшимся, что цель конференции — отдать дань уважения великому русскому народу, которому суждено построить новый порядок в мире, и выразить благодарность России как следопыту, прокладывающему путь новому обществу. Она также дала высокую оценку мужеству советских людей, которые за короткий период сумели мобилизовать все силы для отпора фашистской агрессии¹⁵.

В своем вступительном слове Неру сказал: «Сегодня перед нами в Индии стоят те же проблемы, которые стояли перед Россией несколько лет назад, и решить их можно теми же способами, какими их решили русские. Нам нужно поучиться у правительства СССР проведению индустриализации и организации образования в нашей стране»¹⁶.

Неру высказал мысль, что индийцы могли бы много добиться в улучшении своей жизни, если бы последовали советскому примеру. Россия сумела достигнуть

большого прогресса, сказал он, потому что после революции стала действительно свободной и ее народ мог сам определять, как ему жить. «Именно в результате революции Россия, одна только Россия среди многих других стран Европы, куда вторглась фашистская Германия, сумела не только выдержать ее напор, но и остановить немецкие войска, отразить их наступление. Это произошло потому, что ее экономика покоится на прочнейшем фундаменте, способном отразить даже такой удар».

Конференция единогласно приняла следующую резолюцию, внесенную П. Д. Тандоном: «Конференция Общества друзей Советского Союза Соединенных провинций, представляющая людей с различными политическими убеждениями, считает, что Советский Союз выступал и выступает за идеалы, имеющие важное значение для прогресса и развития человечества, что он добился замечательных достижений в различных областях, особенно в борьбе с невежеством, нищетой, болезнями, за уничтожение унижительных различий между национальностями, группами и сектами». В резолюции высказывалось мнение, что разгром Советского Союза и последующее прекращение проводимого им великого эксперимента причинили бы ущерб человечеству. В ней также говорилось о восхищении мужественной борьбой русского народа, которую он ведет в весьма неравных условиях, и выражалось горячее сочувствие страданиям и жертвам, которые он несет, защищая свои идеалы. Участники конференции пожелали советским людям всяческих успехов в их борьбе. Поведение англичан в резолюции называлось позорным, «потому что они, с одной стороны, заявляют, что ведут борьбу за демократию, а с другой — отказываются применять этот принцип в Индии»¹⁷.

На конференции было также решено учредить комитет для ознакомления широкой публики с жизнью в СССР, в частности с советскими достижениями в развитии культуры отсталых народов и национальных меньшинств, для разъяснения причин, обусловивших героическое сопротивление народа Советского Союза. Было также принято решение послать представительную делегацию в Советский Союз, чтобы укрепить узы дружбы с советским народом.

Отделения Общества друзей Советского Союза в различных районах страны вели работу по ознакомлению индийцев с ходом войны и разъясняли, почему Индии

следует оказывать поддержку советскому народу в его смертельной схватке с фашизмом.

В послании конференции отделения Общества округа Пратапгарх (Соединенные провинции), состоявшейся в Джалесаргандже под председательством Рафи Ахмеда Кидваи в мае 1942 г., Джавахарлал Неру указывал, что «люди могут расходиться во мнениях по многим вопросам, политическим или экономическим, но лишь немногие из них не восхищаются Советским Союзом, его достижениями в развитии человеческой личности и культуры. Было бы трагедией, если бы эти достижения погибли в грозной войне»¹⁸.

Общества друзей Советского Союза породила тревога за судьбу великого Советского государства. Угнетенный народ Индии не мог многого сделать для Советского Союза, оказать ему практическую помощь, но он щедро предложил ему свое доброе отношение и выразил твердую веру в «новый порядок», созданный Советским Союзом. Трудно представить себе более красноречивое выражение отношения индийского народа к советскому, чем беспокойство и тревога, которые он испытывал за судьбу Советской страны на всем протяжении войны.

Исполнение желаний (1942—1947)

Резолюция Конгресса «Прочь из Индии» явилась самым серьезным вызовом англичанам в Индии. Реакция была яростной. На протяжении всей войны руководители Конгресса находились в тюрьмах.

Для Неру это пребывание в заключении оказалось самым длительным. Сначала его отправили в Ахмеданагарский форт, а затем переводили из тюрьмы в тюрьму и наконец освободили 15 июня 1945 г.

Заключение руководителей Конгресса в тюрьмы не привело к прекращению освободительной борьбы, хотя несколько повлияло на ее интенсивность и направление. В связи с усилившимися репрессиями, экономическими трудностями и мобилизацией в армию и вспомогательные войска большого числа молодых людей ее накал ослабел. Ужасный голод 1943 г., охвативший обширные районы страны, и особенно Бенгалию, где от него умерло больше всего людей, подействовал на страну отрезвляюще. Утверждают, что от голода погибло около трех миллионов человек и еще больше пострадало от его последствий. Холодное равнодушие английских властей к этой величайшей трагедии еще больше настроило народ против правительства. Конгресс обвинил его в апатии и бездеятельности. Он считал, что английская администрация не приняла своевременных мер для предупреждения голода, ничего не сделала она и для ослабления его последствий.

Неру узнавал об этом страшном шествии смерти среди его соотечественников, находясь в тюрьме. Он не мог оказать им никакой помощи и глубоко страдал от этого. Он писал, какие чувства обуревали его: «Наступил голод, ужасный, потрясающий, не поддающийся описанию... мужчины, женщины и маленькие дети ежедневно тысячами умирали из-за отсутствия пищи. Они па-

дали мертвыми перед дворцами Калькутты, их трупы лежали в глинобитных хижинах бесчисленных деревень Бенгалии и устилали дороги и поля ее сельских районов... Смерть стала обычным явлением повсюду. Но здесь смерть была лишена всякой цели, всякой логики и необходимости; она являлась результатом человеческого неумения и бессердечности, делом рук человека. Это было нечто страшное, медленно подкрадывавшееся, от чего не было спасения. Жизнь постепенно угасала и переходила в смерть; смерть глядела из ввалившихся глаз и высохшего тела, где пока еще теплилась жизнь»¹.

Неру возмущало то, что ни Англия, ни Америка не пришли на помощь умирающим людям. «Четыре свободы», провозглашенные президентом США Рузвельтом, вызывали у него горький смех. «...Богатая Англия и еще более богатая Америка очень мало внимания обращали на физический голод, убивавший миллионы людей в Индии, точно так же, как они обращали мало внимания и на сильную духовную жажду, которая мучит народ Индии», — писал он².

1942—1945 годы, несомненно, были годами пассивности для Конгресса, хотя война в Европе продолжалась, а японцы находились чуть ли не на пороге Индии. Националистическое движение возглавили второстепенные деятели, не способные придать ему новый размах. В лучшем случае они могли лишь заниматься осуществлением конструктивных программ Конгресса, таких, как прядение и ткачество, улучшение положения в деревне и т. п. Что же касается Неру, то, как и прежде, тюрьма предоставила ему время для раздумий и чтения. В этот период он много читал и размышлял о проблемах, которые волновали его ум. Он снова начал писать и создал последнее произведение своей трилогии — «Открытие Индии».

Эта книга в какой-то степени представляет собой краткую историю борьбы Индии за освобождение и участия Неру в этой борьбе. В ней нашло отражение то влияние, которое родина оказала на его мировоззрение и взгляды. «Открытие Индии» остается самой впечатляющей сагой освободительной борьбы Индии, наложившей отпечаток на многие поколения индийцев.

Война выявила расхождение между военными целями союзников и их действиями. Союзные державы воевали против фашизма, во имя свободы и демократии, но их мало заботили устремления многочисленных угнетен-

ных народов, которые фактически находились у них в рабстве. Это все более толкало Неру к гандистскому учению о чистоте средств и цели, верность которому он сохранил и в последующие годы.

«Открытие Индии» свидетельствовало также о его приверженности социализму и о высокой оценке того, что делалось в Советском Союзе. Неру откровенно признавал, что изучение Маркса и Ленина оказало огромное влияние на его сознание и помогло ему «увидеть историю и современную жизнь в новом свете. В длинной цепи исторических событий и общественного развития обнаружился некий смысл, некая последовательность, а будущее уже не казалось таким неясным»³.

Однако Неру «не нравились и были непонятны некоторые явления в СССР», ему казалось, что «слишком много внимания уделяется приспособлению к требованиям момента и политике великой державы». Но он признавал, что «практические достижения Советского Союза также производили чрезвычайно глубокое впечатление», что, «несмотря на все эти явления и, возможно, на некоторый отход от первоначального страстного стремления к совершенствованию человека», он не сомневался, что «советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир»⁴.

По существу Неру был индивидуалистом и убежденным сторонником свободы личности. Поэтому он не мог одобрительно относиться к регламентации советского общества. Однако он был готов объяснить ее. Он писал: «В сложном социальном организме свобода личности должна быть ограничена и ...ограничение такого рода в социальной сфере является, быть может, единственным путем обеспечения свободы личности. Часто оказывается необходимым ограничить второстепенные свободы в интересах свободы в более широком смысле этого слова»⁵.

Неру не испытывал затруднений в восприятии философского содержания марксизма, поскольку оно во многом совпадало с различными положениями индийской философии. Ему, например, импонировали его «монизм, единство духа и материи, движение материи и диалектика непрерывного изменения, совершающегося как путем эволюции, так и скачками в результате действия и взаимодействия причины и следствия по формуле: тезис, антитезис, синтез»⁶.

Неру писал, что «марксистский метод, более или менее отвечающий нынешнему состоянию науки», мог оказаться весьма полезным. Однако, принимая этот метод, он считал, что выводы, которые из него вытекают, и «интерпретация прошлых и настоящих событий далеко не всегда были ясны». Неру признавал, что данный Марксом общий анализ общественного развития «представляется замечательно правильным». Но впоследствии произошли многочисленные события, «не согласующиеся с его представлениями о ближайшем будущем»⁷. Согласно Неру, Ленин успешно развил положения марксистской теории в применении к некоторым из этих событий. Однако с тех пор произошли новые перемены — возникновение фашизма и нацизма со всем тем, что стояло за ними. Бурное развитие науки и техники и их применение на практике удивительно быстро меняли картину мира, вызывая к жизни новые проблемы.

Марксистская философия удовлетворяла Неру не полностью и не давала ответов на все волновавшие его вопросы. Неру признается, что почти бессознательно в уме складывались смутные идеалистические воззрения, несколько напоминавшие положения веданты*.

В «Открытии Индии» Неру серьезно размышлял о будущем своей родины. Она представлялась ему свободным, секулярным, демократическим, социалистическим современным государством с развитой промышленностью. В этой связи он обращался за примером к Советскому Союзу. Неру был уверен, что Индия могла многому научиться у Советской страны в области развития, но хотел, чтобы Индия развивалась на собственной прочной основе.

Неру стремился после достижения независимости Индии установить дружественные отношения с СССР, но в то же время у него не было уверенности относительно того, каким будет внешнеполитический курс Советского Союза. Он писал: «Будущая политика Советского Союза пока что окутана тайной, хотя кое-что проявляется уже и сейчас. Он стремится иметь вблизи своих границ как можно больше дружественных и зависимых или полузависимых стран»⁸.

Некоторые стороны советской внешней политики иногда казались непонятными Неру, и он их критиковал.

* Классическая система философии индуизма.

Но, будучи разумным человеком, Неру считал их отклонениями, не присущими советскому строю.

Нет никаких сомнений в том, что Неру, подобно руководителям других стран, полагал, что Советский Союз предан идее мировой революции, и опасался, что сильный Советский Союз будет способствовать делу революции в других частях мира, подчинив таким образом многие государства своему руководству. Против этого он решительно возражал.

Поэтому, когда он увидел, что в советской внешней политике проявляются «экспансионистские тенденции» и Советский Союз «расширяет свою территорию, более или менее беря за основу границы царской империи», это вызывало у него беспокойство*. Он говорил, что «тенденция к расширению — если не в территориальном, то в других отношениях — очевидна», и признавал, что «некоторые события там (в Советском Союзе. — В. Б.) за последние годы потрясли многих его старых почитателей»⁹. Но он был убежден, что Советский Союз больше сочувствует политическим устремлениям Индии, чем США или Англия. Он сравнивал заявление Черчилля о том, что цели Атлантической хартии не распространяются на Индию, с заявлением Сталина о целях войны и мировом порядке, который должен быть создан после окончания войны, и писал в «Открытии Индии»: «Что думали об Индии те, кто был у власти в России, или что думал там народ вообще об этой стране, невозможно было сказать. Они были слишком заняты своими колоссальными военными усилиями и изгнанием захватчиков из своей страны, чтобы думать о делах, не затрагивающих их непосредственно. Но они привыкли заглядывать далеко в будущее, и вряд ли они будут игнорировать Индию, которая почти соприкасалась с их границами в Азии. Какова будет их политика в будущем, никто не мог сказать, за исключением того, что она будет реалистичной и главное внимание будет уделять увеличению политической и экономической мощи СССР»¹⁰.

Неру утверждал, что Советский Союз избегал всякого прямого упоминания Индии. Он привел заявление Сталина по случаю двадцать пятой годовщины Октября-

* Неру, следуя точке зрения, распространенной на Западе, так интерпретировал вступление в СССР Прибалтийских республик и воссоединение Западной Белоруссии с Советской Белоруссией, Западной Украины с Советской Украиной и Бессарабии с Советской Молдавией.

ской революции в ноябре 1942 г. в качестве иллюстрации общего направления советской внешней политики, которая имела своей целью «отмену расовой исключительности, равноправие народов и целостность их территорий, освобождение порабожденных народов и восстановление их суверенных прав, предоставление каждому народу устроиться так, как он желает, оказание экономической помощи пострадавшим народам и содействие в деле достижения ими благосостояния, восстановление демократических свобод, уничтожение гитлеровского режима»¹¹.

Советское заявление о целях войны получило в Индии положительный отклик, о чем говорит официальный историк Конгресса Паттабхи Ситарамаяя, выражающий официальную точку зрения этой партии: «Когда вспоминаешь туманное и ограниченное заявление из восьми пунктов, с которым выступили Черчилль и Рузвельт, то заявление Сталина, содержащее семь положений, поражает как своей ясностью и недвусмысленностью, так и всеобъемлющей широтой»¹².

Неру отмечал сильную националистическую струю в советской политике, внешне противоречившую, как ему казалось, интернационализму, одному из важных элементов марксизма. Он писал: «Советская Россия — олицетворение интернационализма — проводила строго национальную политику, что приводило в смятение многих ее друзей и сторонников». Тем не менее он был готов оправдать эту политику в связи с оживлением националистических традиций и настроений во время войны, необходимым для поднятия духа русского народа в жесткой борьбе против фашизма и нацизма. «Национализм, — указывал он, — возродился в такой форме, что он ужился с новым окружением и умножил силы народа»¹³.

Неру не придавал серьезного значения тем сторонам советского строя и советской политики, с которыми был не согласен. Важно то, подчеркивал он, что Советский Союз преобразил старое, феодальное общество России в социалистическое и заложил основы международной социалистической политики. «Ни одна страна мира не отличается сейчас такой политической прочностью и экономической уравновешенностью, как Советский Союз»¹⁴, — отмечал он.

Неру понимал, что государства, которые станут свободными после войны, неизбежно обратятся к планиро-

ванию как методу развития и воспримут многое из того, что успешно применялось в Советском Союзе. Он писал, что «новому мировому порядку в качестве основы будет присуще много элементов социализма»¹⁵. Будучи председателем Национального планового комитета, он отдавал себе отчет в том, что государству придется играть ведущую роль в развитии базовых отраслей промышленности и сельского хозяйства.

В резолюции, внесенной им в образованное в декабре 1946 г. Учредительное собрание, в которой говорилось о конечной цели «независимой суверенной республики», Неру вновь подтвердил свою веру в социализм и социалистическую форму общества. Он сказал: «Я надеюсь, что Индия выступит за социализм и пожелает принять конституцию социалистического государства; считаю, что весь мир должен будет развиваться в этом направлении. Каким будет этот социализм — вопрос другой...» Его желанием было развитие Индии в соответствии с ее особенностями и опытом, но по демократическому пути. Он подчеркивал, что хотя государственный контроль необходим, не хотелось бы, чтобы ему приносились в жертву личная инициатива и свобода. «При любом широкомасштабном планировании государством, которое неизбежно для быстрого прогресса, необходима какая-то степень государственного контроля и руководства»¹⁶, — указывал он. Неру больше интересовало руководство со стороны государства, чем конкретные формы контроля. Контроль, говорил он, зависит от обстоятельств.

К осени 1945 г. мировая война закончилась, оставив после себя большие опустошения. Изменилось соотношение сил в мире. Все воюющие страны, за исключением Америки, были истощены. Америка непосредственно от войны не пострадала и снабжала оружием и продовольствием Европу. Народы Европы не стремились к новому раунду утверждения имперских прав. В Индии освобождение из тюрем националистических руководителей ознаменовало собой новые перемены. В Англии усталый и измученный народ отверг Черчилля и проголосовал за лейбористскую партию. Это вселило новую надежду в индийский народ. Лейбористское правительство серьезно отнеслось к вопросу о независимости Индии и вступило в длительные переговоры с Конгрессом и Мусульманской лигой.

А тем временем международная обстановка начала

ухудшаться. Соглашения между союзными державами больше не существовало. На Западе задули ветры новой, «холодной» войны, возродившей прежнюю враждебность к коммунизму и разделившей Запад на два противостоящих друг другу лагеря. Такое развитие событий было неизбежным. Вторая мировая война представляла собой лишь передышку, перемирие, перерыв в постоянном конфликте между Западом и Советским Союзом. Теперь глашатаем антикоммунизма вместо Англии стала Америка. Первым свидетельством новой войны явилась речь Уинстона Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. В ней он призвал к применению силы против русских. Торжествующая Америка, вооруженная атомным оружием, решила, что Советский Союз можно шантажировать. Еще перед отъездом в Потсдам президент США Гарри Трумэн заявил: «Если она (атомная бомба. — В. Б.) будет взорвана (в Хиросиме и Нагасаки. — В. Б.), а я думаю, что так и случится... у меня, несомненно, появится оружие против этих парней»¹⁷. О каких «парнях» шла речь? Трумэн имел в виду русскую делегацию на Потсдамской конференции. Черчилль тоже был в восторге от монополии Запада на атомную бомбу. «Теперь у нас в руках есть нечто, что выправит равновесие США с русскими»¹⁸, — заявил он.

Америка старалась ускорить события в надежде запугать русских. Она провозгласила «доктрину Трумэна», главная цель которой заключалась в «сдерживании коммунизма». Началось осуществление плана Маршалла с целью поставить на ноги Западную Европу. В то же время было прекращено оказание помощи СССР по ленд-лизу. Явно стремясь продемонстрировать свою силу, Америка создала НАТО. В западный союз вошли Греция и Турция, граничившая с СССР. Однако желаемых результатов все это не принесло. Советский Союз не поддавался угрозам. Он приступил к укреплению своих позиций, чтобы оказать сопротивление усиливавшемуся на него давлению. И он, конечно, не был таким слабым, как это думали американцы.

Война нанесла колоссальный ущерб Советскому Союзу. Он потерял почти 20 миллионов человек. Но военные годы также показали прочность его строя. Советский народ создал мощную промышленную и экономическую базу, и переход от военного к гражданскому производству привел к новому подъему народного хозяйства.

В качестве заместителя председателя Исполнитель-

ного совета при вице-короле Неру ведал внешней политикой Индии *. Он считал необходимым развивать дружбу как с США, так и с СССР. Еще в заявлении в Симле 11 июля 1945 г. Неру говорил, что Индии следует установить контакты с общественностью Америки. «То же самое относится и к России, — продолжал он. — Международная обстановка сегодня такова, что вес имеют две державы — Америка и Россия» ¹⁹.

23 октября 1945 г. Неру снова подтвердил свое желание установить тесные отношения между Индией и Советским Союзом, подчеркнув при этом: «Россия — наш сосед, и нам, очевидно, нужны более тесные контакты с ней» ²⁰.

В своем первом выступлении по радио с обращением к народу в качестве заместителя председателя Исполнительного совета при вице-короле 7 сентября 1946 г. Неру следующим образом определил основное направление внешней политики независимой Индии: «Мы предполагаем держаться как можно дальше от политики блоков держав, выступающих друг против друга, которая в прошлом приводила к мировым войнам и может снова породить катастрофу еще большего масштаба. Мы считаем, что мир и свобода неделимы и уничтожение свободы где бы то ни было обязательно поставит под угрозу свободу в других точках, приведет к конфликтам и войне». Неру тепло отзывался о Советском Союзе: «Другой великой стране современного мира — Советскому Союзу, который тоже несет большую ответственность за развитие мировых событий, мы шлем наш привет. Он — наш сосед в Азии, и нам неизбежно придется вместе решать общие задачи и много общаться друг с другом» ²¹.

Неру придерживался мнения, что США и СССР будут в равной степени определять, каким станет будущее мира, лучше или хуже. Он надеялся, что Советский Союз будет по-прежнему следовать политике мира. Что же касается США, то они пока что оставались новым, еще малоизвестным участником глобальной политической жизни. Это не означало, что перед Индией стоял какой-то выбор. Борьба против империализма уже определила в целом ее позицию и политику. Ее стратегические

* 24 августа 1946 г. было образовано временное правительство Индии, в котором вице-премьером стал Неру, а многие видные конгрессисты — министрами.

интересы требовали дружбы с СССР, ее близким соседом. Как бы то ни было, Неру понимал, что в создании нового мира государствам необходимо действовать вместе в соответствии со своими интересами. Эти интересы, считал он, выиграют от более тесных связей с Советским Союзом, хотя подчас советская политика в первые послевоенные годы была не всегда понятна Неру.

Он высказался в этом духе на пресс-конференции в Дели 25 сентября 1946 г.: «Не говоря уже о важной роли России в делах мира сегодня, Советский Союз — наш сосед, а с соседями всегда желательно поддерживать добрососедские отношения»²².

Позднее, когда 13 декабря 1946 г. Неру внес в Учредительное собрание резолюцию о «целях», он назвал Советский Союз «могучей страной, играющей огромную роль в мире; это не только могучая страна, но для нас, Индии, еще и сосед»²³. В том же году он разослал документ, в котором излагались основы внешней политики Индии и указывалось, что в стране питают симпатию к Советскому Союзу и к тому, что он делает. Поэтому он считал тесные взаимоотношения с СССР неизбежными. «Мы не можем пойти на то, — писал он, — чтобы антагонизировать Россию, хотя, как нам кажется, это вызовет кое у кого раздражение...»²⁴ Речь, очевидно, шла об Америке.

Тем временем по инициативе Неру Индию посетила делегация из четырех советских ученых, принявших участие в работе сессии Индийского научного конгресса. Ее возглавлял один из вице-президентов Академии наук СССР*. Это была первая официальная советская делегация в Индии, и она, естественно, вызвала там большой интерес. Открывая сессию научного конгресса, Неру уделил особое внимание советской делегации и отметил выдающиеся достижения Советской страны в области науки и техники. Пребывание советской делегации было продлено, с тем чтобы дать ей возможность совершить поездку по стране.

По возвращении в СССР члены делегации рассказали о том «огромном впечатлении», которое произвело на них пребывание в Индии. Ее руководитель заявил: «Все, с кем мы встречались в Индии, проявляли живой интерес к достижениям Советского Союза и выражали

* Академик В. П. Волгин, историк и философ.

горячую радость по поводу прибытия представителей советской культуры»²⁵.

Провозглашение независимости Индии* не ослабило внимания Неру к проблемам колониализма в остальной части Азии и в Африке. Во время поездки в Сингапур он убедился в новом подъеме массового движения по всей Азии. Он хотел, чтобы это движение усилилось и чтобы вся Азия добилась свободы. Это желание побудило его созвать конференцию по межазиатским отношениям, которая состоялась 23 марта — 12 апреля 1947 г. В ней приняли участие почти двести пятьдесят делегатов из двадцати двух стран, представлявших более половины населения земного шара. Конференция предоставила им возможность рассказать о своих устремлениях и обсудить пути и средства установления более тесного взаимного сотрудничества. Неру писал Ганди, что «это было весьма представительное собрание уважаемых людей... из всех стран Азии»²⁶.

На конференции также присутствовали представители советских республик — Грузии, Азербайджана, Армении, Казахстана, Советской Средней Азии — Узбекистана и Таджикистана.

В своей приветственной речи Неру, поблагодарив делегатов за участие в конференции, особенно тепло упомянул о представителях «советских азиатских республик, которые на протяжении жизни нашего поколения добились столь быстрых успехов и теперь могут преподать нам много уроков...»²⁷.

Присутствие на конференции делегатов из Советской Средней Азии само по себе уже было важным. Они рассказали о своих достижениях в социальной, культурной и экономической областях и о том, как решался у них национальный вопрос. Советская печать писала о важном значении конференции и высоко отзывалась о Неру.

Однако эти первые попытки развития отношений с Советским Союзом оставались ограниченными, как считали тогда многие в Индии, из-за идеологических позиций СССР. Им казалось, что Москва и индийское коммунистическое движение не признавали независимости Индии от Англии и продолжали утверждать, что Индия все еще связана с Англией и империализмом. Положе-

* 15 августа 1947 г. вступил в силу закон, принятый английским парламентом, о разделе бывшей колониальной Индии на доминионы Индию и Пакистан.

ние еще более осложнилось, когда индийские коммунисты развернули движение за «подлинную» независимость Индии. Неру критиковал индийских коммунистов, исходя из двух моментов: их отрицательного отношения к Махатме Ганди и Индийскому национальному конгрессу и, во-вторых, их, как он называл это, приверженности иностранной державе. В одном из своих выступлений он заявил: «Ортодоксальные коммунисты в Индии и за ее пределами резко критиковали Гандиджи и Конгресс и приписывали лидерам Конгресса всевозможные низменные побуждения». Неру не относился к коммунистам с предубеждением, ведь он признавал, что «их критика идеологии Конгресса была в значительной степени умелой и острой и их правота была отчасти подтверждена последующими событиями. Некоторые более ранние высказывания об общеполитическом положении в Индии, сделанные коммунистами, оказались на редкость правильными». Но, считал Неру, «едва они отходят от общих принципов и начинают вдаваться в детали, особенно когда переходят к рассмотрению роли Конгресса, они безнадежно запутываются».

Согласно Неру, одна из причин малочисленности и слабого влияния коммунистов в Индии заключалась в том, что «вместо того, чтобы распространять в Индии научную теорию коммунизма и стараться завоевать умы людей, они главным образом занимаются тем, что ругают других. Такая тактика обратилась против них самих и причинила им большой вред»²⁸.

Неру не соглашался с утверждением коммунистов, будто Конгресс заинтересован лишь в том, чтобы вырвать уступки для индийских помещиков и капиталистов. Его удивляло, что «способные люди... верят в правильность этого фантастического анализа». А если это так, то не приходится удивляться, почему они не смогли убедить народ Индии. Он соглашался с тем, что индийское националистическое движение было не рабочим, а буржуазным движением и что до сих пор его «целью было не изменение общественного строя, а достижение политической независимости»²⁹. Он допускал правомерность утверждений, что это не далеко идущая цель, но, по его мнению, было бы неверно критиковать Конгресс за то, что он не ставил перед собой целей, которые не мог осуществить в ближайшее время.

Несомненно, Неру отстаивал неверное положение, хотя и выступал с реалистических позиций. Больше чем

кому-либо еще в Конгрессе, ему было известно, как трудно было уговорить конгрессистов старшего поколения встать на позиции социализма. Сам для себя он решил, что добиваться этого следует постепенно, и не хотел, настаивая на этом, ставить под угрозу единство националистического движения. Кроме того, у него не было уверенности в том, что гандистская философия не подходит для Индии. Поэтому он полностью отвергал оценку Ганди, которую давали коммунисты. «Столь глупая критика личного характера, — говорил Неру, — свидетельствующая о полной неосведомленности, — явление весьма прискорбное, ибо она отвлекает внимание от подлинных проблем. Ставить под сомнение *bona fides** Гандиджи — значит вредить самому себе и своему делу, ибо для миллионов индийцев он является олицетворением истины, и всякий, кто сколько-нибудь знает его, понимает, с какой страстной искренностью он всегда стремится поступать справедливо»³⁰.

Эта несколько длинная цитата понадобилась здесь потому, что и в Советском Союзе неправильно оценивали Ганди, хотя вскоре эта оценка была пересмотрена. Критика индийских коммунистов, с которой выступал Неру, ни в коей мере не отражала его отношения ни к коммунизму, ни к Советскому Союзу.

Говоря об условиях, в которых оказались индийские коммунисты в 40-х годах, Неру указывал: «Вся страна сердится на них. В то время, когда сотни тысяч (индийцев) все поставили на карту ради своей страны... коммунисты оказались в противоположном лагере, чего нельзя забыть. Простые люди связывают Коммунистическую партию (Индии) с Россией и коммунизмом. Но деятельность Коммунистической партии наносит вред и России и коммунизму»³¹. Это важное заявление, потому что действия индийских коммунистов нередко препятствовали доброму отношению народа к коммунизму и Советской России**. Тем не менее Неру восхищался мужеством и готовностью индийских коммунистов идти на жертвы. «...В этом страдании, — говорил он, — есть какое-то трагическое благородство...»³²

* *Bona fides* (лат.) — добросовестность, честное намерение.

** Автор вслед за Неру и современными конгрессистскими теоретиками использует позицию поддержки военных усилий союзных держав, которую КПИ заняла после начала Великой Отечественной войны советского народа, для принижения роли коммунистов на последнем этапе борьбы за независимость.

Неру не хотел ухудшения отношений с Советским Союзом из-за разногласий с Коммунистической партией Индии. Поэтому по его инициативе Кришна Менон получил задание обсудить вопрос об установлении дипломатических отношений с советским министром иностранных дел В. М. Молотовым. Они встретились в Париже в сентябре 1946 г. во время совещания министров иностранных дел «большой четверки». Предложение об установлении дипломатических отношений нашло положительный отклик у Молотова. После этой беседы Кришна Менон заявил корреспонденту агентства Рейтер: «Моя беседа с господином Молотовым прошла в чрезвычайно дружелюбной атмосфере, и все в русском посольстве отнеслись ко мне с сочувствием и пониманием». Как сообщалось, Молотов выразил «надежду на успех нового правительства и счастливое будущее индийского народа». Он также высказался за установление «добрых дружественных отношений с Индией»³³.

Сочувственное отношение СССР к Индии уже проявилось и в ООН. На конференции 1945 г. в Сан-Франциско советский делегат, говоря о подчиненном положении индийской делегации, потребовал, чтобы к ней относились так же, как к делегациям других стран, в частности Соединенного Королевства, в соответствии с Уставом ООН (Индия, согласно Уставу ООН, подписанному 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско почти пятьюдесятью государствами, была одним из первых членов этой организации. — В. Б.).

Выступление Советского Союза за надлежащее место для представительства Индии в ООН не осталось незамеченным в Индии, и Неру высоко оценил его. 28 октября 1945 г. он заявил в Лакхнау: «В Сан-Франциско Советский Союз первым выступил за независимость угнетенных колоний, однако другие державы предпочли остаться в стороне и сделали все, чтобы сорвать принятие этого предложения... Он (Советский Союз) всегда выступал в защиту свободы угнетенных стран»³⁴.

Молотов вернулся к вопросу о равноправии Индии на сессии Генеральной Ассамблеи 1946 г., когда официально заявил о необходимости относиться к индийской делегации так же, как к другим делегациям. Советская делегация считала, что давно пора признать справедливые требования Индии³⁵. Такое мнение СССР имело чрезвычайное значение, поскольку в то время большинство членов ООН представляли западное полушарие.

Индия приветствовала советский жест. Комментируя заявление Молотова на Генеральной Ассамблее ООН, Виджая Лакшми Пандит сказала: «Мы приветствуем упоминание Индии В. М. Молотовым. Это признак взаимопонимания и дружбы между нашими двумя странами. Это было смелое заявление. В нем затронуты проблемы, которые волнуют всех, но о которых никто не решился заговорить открыто. Это было выступление страны, весьма в себе уверенной»³⁶.

Сердечные отношения, установившиеся между Индией и СССР на Генеральной Ассамблее ООН, вскоре переросли в общность позиций по целому ряду вопросов, таких, как расизм, положение индийцев в Южной Африке, сокращение вооружений. Советским делегатам вскоре стало ясно, что Индия занимает независимую позицию по мировым проблемам, хотя она все еще оставалась под властью Англии. Когда Индия внесла резолюцию относительно положения индийцев в Южной Африке, против которой Англия решительно возражала, никто не сомневался в том, что она сделала это, исходя из своих собственных интересов. Советский Союз поддерживал ее требования. Решительные антиколониальные позиции Индия заняла и в Совете по опеке ООН. А по вопросу о разоружении ее отношение полностью совпадало с позицией Советского Союза.

В письме советскому министру иностранных дел Неру выразил свою благодарность и признательность индийского народа Советскому правительству за поддержку, оказанную индийской делегации в ООН³⁷.

Независимая позиция Индии по различным мировым проблемам, несомненно, ускорила установление дипломатических отношений между двумя странами, состоявшееся 13 апреля 1947 г., еще до официального провозглашения независимости Индии. Этот акт был замечен повсюду в мире. Индийские и советские газеты писали о нем, выражая надежду, что отношения между двумя странами и сотрудничество между ними в различных областях будут и далее развиваться. В советской печати особенно подчеркивалось, что Индия идет по пути независимой внешней политики.

Назначение сестры Неру Виджайи Лакшми Пандит первым послом в СССР, несмотря на сопротивление ряда влиятельных членов переходного кабинета министров, свидетельствовало о заинтересованности Неру в том, чтобы отношения между двумя странами было по-

ложено наилучшее начало. По мере того как после достижения независимости стала складываться независимая внутренняя и внешняя политика Индии, несовпадения точек зрения и трудности в отношениях между двумя государствами ушли в прошлое.

Мы начали с того, что Неру был человеком, предназначенным Индии самой судьбой. Он появился в нужный момент истории страны, и если бы этого не произошло, то история Индии могла бы складываться иначе и развиваться, может быть, в худшую сторону. Мы проследили в этой книге преданность Неру социализму и социалистическому миру, его неувядающую веру в то, что Советский Союз, пионер социализма, сыграет важную роль в будущих судьбах мира. Эта вера оставалась непоколебимой, несмотря на проявлявшееся иногда непонимание Советским Союзом индийских этоса и традиций. И кто бы ни оценивал роль Неру, будь то в Советском Союзе или где-нибудь еще, следует помнить, что он сделал социализм более приемлемым и советскую политику более понятной для молодых освободившихся государств, помог им избавиться от сковывавших их табу.

Заключение

Становление Джавахарлала Неру как личности пришлось на тот период истории Индии, когда начался подъем националистического движения, особенно среди интеллигенции. У матери он почерпнул любовь к прошлому своей родины; а у отца — восхищение англичанами. Но уже юношей он стал понимать, какие унижения терпят индийцы от англичан. И тогда у него пробудились националистические настроения. Характер и взгляды Неру, особенно его научное мировоззрение, формировались под сильным влиянием английских учителей. С самого начала он неприязненно относился к религии. Находясь в Англии в студенческие годы, он увлекся произведениями националистов Европы и установил связи с фабианским социалистическим движением. Таким образом, еще до возвращения в Индию он уже был знаком с различными европейскими националистическими движениями, а также с новыми направлениями социально-экономической мысли того времени.

Хотя Неру изучал право в Англии, адвокатская практика в Индии его не привлекала. А политическая жизнь страны в тот период тоже не открывала больших возможностей, потому что сводилась к разговорам и обращениям к английским властям за уступками.

Первая мировая война породила среди индийцев оптимистическую надежду на то, что англичане удовлетворят их политические устремления. Однако за окончанием войны последовали новые репрессии в виде законов Роуллетта и бойни на Джалианвала-Баг, вызвавших возмущение во всей Индии. Как раз в это время в Индию стали приходить известия о русской революции. Неру и националистическая общественность сразу же приветствовали эту революцию, поскольку она в первую очередь была направлена против империализма. Они, естественно, увидели в новой России союзника в своей борьбе

против империализма и колониализма. Неру понимал характер и смысл русской революции лучше других руководителей Конгресса. Это помогло ему подойти к политике с меркой социально-экономических перемен. А пока что усиление английских репрессий вызвало к жизни в Индии новые настроения, которые Махатма Ганди, уже игравший видную роль, сумел направить в русло движения ненасильственного несотрудничества. Неру, стремившийся к действию, увидел в гандистском движении более динамичный метод борьбы за независимость Индии.

В это же время он непосредственно познакомился с ужасающими условиями жизни крестьян и рабочих страны, что еще больше открыло ему глаза на методы и степень эксплуатации Индии англичанами. Это усилило его антиимпериалистические настроения, интерес к социализму и его социально-экономическим аспектам. Поскольку религиозно-общинная рознь сильно его огорчала, он вскоре стал испытывать все большее неудовлетворение гандистским подходом к политике и экономике, начал искать более широкую базу борьбы против империализма.

Поездка в Европу в 1926—1927 гг. и участие в Брюссельском антиимпериалистическом конгрессе явились поворотным моментом в его жизни и взглядах. Контакты с националистическими деятелями из различных стран мира и революционерами Европы, которые вели борьбу против империализма, не только облегчили ему понимание природы империализма, но и дали представление о мировых силах, выступавших против него. Он осознал, что борьба против империализма должна рассматриваться не в узконационалистической, а в более широкой перспективе. Знакомство с рядом выдающихся деятелей Европы того времени еще больше укрепило его в этом мнении. Все это усилило антиимпериалистические настроения Неру и в то же время привело его к убеждению, что необходимо действовать в тесном сотрудничестве с различными силами, выступающими против империализма. К числу главных из этих сил, по его мнению, принадлежала Советская Россия. К этому времени он стал с восхищением относиться к тому, что делали Советские для создания нового строя.

В 1927 г. Неру посетил Москву. На него произвели глубокое впечатление социально-экономические достижения Советской России, он понял их значение для буду-

щего Индии. Одобрение вызвал у него и внешнеполитический курс молодого Советского государства, в частности декларация о праве народов, в том числе народов угнетенных стран, на самоопределение.

После поездки в Советский Союз Неру уже больше не удовлетворял статус доминиона и цели, поставленные Конгрессом. Он выдвинул требование полной независимости.

Кроме того, он был убежден, что будущее принадлежит социализму. Империалистические порядки он считал обреченными. Поэтому для него было естественным считать, что Индии придется вести борьбу против империализма вместе с Советским Союзом. Он также понял необходимость использования советского опыта в строительстве нового общества в Индии на основе социалистических принципов. Поэтому Неру повел борьбу за полную независимость Индии, за социализм и дружбу с Советским Союзом. Стремясь привлечь молодежь и рабочих, он попытался сделать освободительное движение более радикальным. Его радикализм и пламенные выступления привели к конфликту с английскими властями и консерваторами в Конгрессе. Неру считал необходимым взяться за разработку идеологических основ Конгресса, включая социально-экономическую программу, но консерваторы в Конгрессе настаивали на том, что главное — это независимость страны. Они были против социализма и грозили даже выйти из Рабочего комитета Конгресса. Хотя Неру из тактических соображений пришлось отступить, он добился создания планового органа Конгресса для разработки проекта плана экономического развития Индии. Неру стремился сохранить единство Конгресса, поскольку в это время над Европой стали сгущаться черные тучи новой войны.

Рост фашизма и нацизма в Европе не мог, естественно, не беспокоить Неру. Он был демократом, и идеология фашизма отталкивала его. Он знал, что фашизм — это крайнее проявление империализма. Неру неустанно проводил кампании против этих новых сил, благодаря чему члены Конгресса осознали серьезность положения как для Индии, так и для всего мира. Под руководством Неру Конгресс как организация оказал поддержку жертвам фашистской и нацистской агрессии. В то же время оппортунизм государственных деятелей Европы, их попытки натравить нацистов на Советский Союз еще более усиливали отвращение Неру к империализму. Он

стал рассматривать Советский Союз как единственный луч света в сгущавшейся тьме.

После начала войны Конгресс стал возлагать все больше надежд на то, что англичане удовлетворят его требование о предоставлении независимости Индии. Поскольку таких обещаний от них не последовало, Конгресс не был склонен поддерживать союзников. Однако после нападения немецких фашистов на Советский Союз произошел пересмотр позиции Конгресса. Все националистические деятели выразили симпатии советскому народу, по всей стране росло восхищение Советским Союзом. Создание обществ друзей Советского Союза с целью оказания этой стране посильной поддержки явилось высшим выражением тревоги и беспокойства Индии о будущем Советского Союза. Неру отразил эти настроения в своих работах. Он не хотел уничтожения нацистами великого советского эксперимента.

Когда японцы начали приближаться к границам Индии, конгрессисты стали проявлять растущее беспокойство о судьбе своей страны. К их заявлениям, что лишь свободная Индия сумеет оказать должное сопротивление японскому вторжению, англичане оставались глухи. Поэтому возникло движение «Прочь из Индии», развернутое Махатмой Ганди. У Неру по этому вопросу существовали расхождения с Конгрессом. Он говорил, что свобода Индии зависит теперь не от англичан, а от того, кто победит в войне. Поэтому он хотел, чтобы Индия поддержала союзников, поскольку победа Советского Союза открывала хотя бы возможность сопротивления имперскому давлению. Победа же нацистов и Японии повергла бы мир в новое рабство. Однако Махатма уверял Неру, что независимая Индия сумеет мобилизовать еще больше средств для оказания помощи союзникам. Исходя из этих соображений, Неру поддержал резолюцию о движении «Прочь из Индии».

В годы войны Неру провел немало времени в тюрьме. Это дало ему возможность много читать и размышлять. В результате он написал свою книгу «Открытие Индии», оказавшую большое влияние на его соотечественников. В ней Неру выступает прежде всего как националист. Его подход к марксизму не был догматическим, а восхищение Советским Союзом и его достижениями было глубоким, хотя и прагматическим. Марксистское толкование истории, марксистское социально-экономическое учение, безусловно, оказали влияние на Не-

ру. Но он твердо придерживался той точки зрения, что марксистскую теорию необходимо применять в соответствии с особенностями и условиями каждой отдельной страны. В этом вопросе он все более расходился с индийскими коммунистами. Полностью отвергая их оценку роли Ганди и Конгресса в освободительном движении, Неру критиковал догматический подход коммунистов, их нежелание учитывать реальные условия индийской действительности и приверженность иностранной державе*. Однако все это никак не влияло на его отношение к Советскому Союзу, его практическим достижениям или на его преданность идеям социализма.

Убеждение Неру, что Индии нужно действовать вместе с Советским Союзом в создании нового мирового порядка, было настолько глубоким, что даже возникавшие иногда затруднения в развитии индийско-советских отношений не могли помешать ему продолжать усилия в этом направлении. Он выступил с инициативой установления дипломатических отношений с СССР, встретившей горячий отклик у Советского Союза. Советский Союз со своей стороны начал понимать, что Индия проводит независимую политику на международной арене, и продемонстрировал свое доброе отношение к индийскому народу, поддержав полноправное членство Индии в ООН еще до провозглашения ее независимости. Так было положено скромное начало официальным индийско-советским отношениям. Однако дружественные чувства и логика развития международного положения послужили мощным стимулом для установления самых тесных отношений между двумя странами в будущем.

* Так Неру интерпретировал участие Компартии Индии в работе органов международного коммунистического движения.

Приложение

Советско-индийская дружба крепнет и развивается

Речь на митинге
советско-индийской дружбы, Москва,
8 сентября 1961 г.

Я глубоко благодарен всем, кто выступал здесь со словами дружеского приветствия. По существу, с момента моего прибытия в Москву два дня назад я постоянно встречал проявления радушия и дружелюбия членов Советского правительства и населения этой великой столицы. Посещение Советского Союза всегда доставляет мне удовольствие. Это позволяет мне видеть ваши успехи в строительстве нового общества и прогресс в области науки. Меня радует окружающая нас здесь атмосфера дружбы.

С тех пор как я побывал здесь шесть лет назад, в Советском Союзе достигнуто множество замечательных успехов. У него имеются огромные достижения в такой новой области, как космические полеты. Здесь, в прекрасном городе Москве, я нахожу огромные перемены. Город вырос — за последние годы построено много новых домов — и стал еще прекраснее и привлекательнее, чем прежде.

За эти годы значительно развились индийско-советские контакты и сотрудничество; расширились также наши торговые и культурные связи. Сотни индийских студентов приезжают сюда для учебы и технической подготовки. С помощью СССР в Индии построено или продолжает строиться много больших заводов, и сотни советских специалистов участвовали в Индии в этой работе, которую мы считаем чрезвычайно важной. Мы особенно приветствуем сотрудничество советских ученых и специалистов во многих важных отраслях нашей деятельности. Я глубоко благодарен правительству Советского Союза за помощь, которую оно нам оказывало и продолжает оказывать. Мы заняты работой по строительству новой Индии, повышению уровня жизни нашего народа и созданию для него достойной жизни.

Стремясь к выполнению этой задачи, мы только что завершили наш второй пятилетний план и приступили к выполнению третьего плана. Мы надеемся, что выполнение нашего третьего пятилетнего плана заложит прочную основу для нашего промышленного и сельскохозяйственного роста.

Хотя я, естественно, поглощен больше всего проблемами моей собственной страны, я должен признаться, что сегодня мой ум и сердце встревожены международным положением, которое за последние несколько месяцев ухудшилось настолько, что теперь возникла даже опасность войны. Война всегда страшна, но в наши дни грозного ядерного оружия мысль о войне тем более ужасна. Все мировые лидеры говорили об этом и заявляли, что мир — это насущная необходимость. В Советском Союзе вопросу о мире уделяется, пожалуй, больше внимания, чем в любой другой стране. Советский Союз выступает также за всеобщее и полное разоружение под эффективным международным контролем, с тем чтобы раз и навсегда покончить с ужасной угрозой войны.

Мы в Индии особенно преданы делу мира. В течение долгих лет нас наставлял наш великий вождь Махатма Ганди, который учил нас идти по пути мира даже в нашей борьбе с английским империализмом и принес нам свободу мирными средствами. У нас, в Индии, много недостатков, и мы не считаем себя в каком-либо отношении лучше других народов. Но мы всегда стояли за мир. И действительно, все наши мечты о будущей новой Индии рухнут, если на наш истерзанный заботами мир обрушится война.

В силу этого полученного нами воспитания, а также в силу условий, в каких мы находимся, нынешнее международное положение глубоко нас волнует. Мы понимаем, что ключ к войне и миру находится не в наших руках, и мы мало что можем сделать, чтобы изменить это опасное положение. Но мы стремимся сделать хотя бы то небольшое, что мы можем, для дела мира, и мы призываем великие державы, которые держат в своих руках этот ключ к войне и миру и среди которых выдающееся место сегодня занимает Советский Союз, устранить эту ужасную угрозу войны и привести человечество к миру.

Я прибыл в Москву из Белграда, где происходила конференция 25 неприсоединившихся стран. По едино-

душной просьбе участников конференции президент Ганы и я привезли Председателю Совета Министров СССР послание, в котором эти страны выражают серьезную озабоченность по поводу нынешнего опасного международного положения. Аналогичное послание мы направили президенту Соединенных Штатов Америки Кеннеди. В этом послании участники конференции призывают обе великие державы безотлагательно приступить к переговорам, с тем чтобы попытаться разрешить некоторые важнейшие современные проблемы или, во всяком случае, уменьшить существующую напряженность, создав тем самым атмосферу для плодотворных переговоров. Это послание исходит от руководителей 25 стран нескольких континентов, и я считаю, что оно выражает сокровенные чаяния миллионов людей во всем мире.

В этом послании участники конференции не излагали своих взглядов на частные международные проблемы, стоящие перед нами сегодня. Они считают, что необходимо приложить все усилия для разрешения этих проблем путем соглашения, и они убеждены, что только переговоры могут привести к плодотворным результатам. Нам представляется, что для разрешения этих серьезных проблем нет иного пути, кроме переговоров. Если будет достигнуто смягчение нынешней напряженности и человечество перестанет бояться угрозы войны, то откроется путь для рассмотрения таких важнейших проблем, как проблема полного разоружения. Я убежден, что на земном шаре не будет мира, если человечество не поставит своей целью полное разоружение и не достигнет этой цели. Страх будет наполнять души людей во всем мире, а страх — плохой товарищ, он ведет к ненависти, насилию и разрушению. В эпоху, когда прогресс науки сделал для нас доступным построение нового мира, свободного от конфликтов, ненависти и насилия, мира всеобщего благоденствия, было бы величайшей трагедией, если бы человечество не сумело воспользоваться этой возможностью и вернулось к методам разрушения. Сегодня человечеству представляется последний шанс. Неправильный шаг в настоящий момент может лишить человечество всякого будущего.

Мы стремимся к миру, но мира можно достичь только мирными путями, ибо иначе мы будем жить в атмосфере страха, ненависти и стремления к реваншу.

Видные ученые, люди знающие, говорят нам, что сегодня война не может привести к победе одной страны

или группы стран; она может привести только ко всеобщему поражению или даже к полному уничтожению человечества. Если это так, то надо попытаться разрешить национальные и международные проблемы другими способами.

Великий учитель нашего народа Будда, который жил 2500 лет назад, сказал однажды, что величайшая победа — это победа, при которой никто не терпит поражения и все могут разделить ее плоды. А такой победы нельзя достигнуть путем конфликтов и массовых разрушений. Поэтому я призываю к тому, чтобы все наши проблемы разрешались мирными методами и путем переговоров. Уже многие годы сотни миллионов людей всех стран мира призывают к миру и обращаются с этим призывом к руководителям государств. Чтобы выполнить этот страстный призыв их сердец, мы должны прислушаться к нему и не обмануть доверие людей. Национальный престиж имеет важное значение, но престиж, который связан с надеждой установить мир через войну, не основан на разуме, на логике, ибо война никому не прибавит престижа. Вопрос о национальной безопасности — тоже важное соображение, но всеобщее уничтожение не сможет увеличить безопасность.

Прогресс ядерной науки принес миру надежду, но одновременно создал и угрозу гибели. Мир должен избрать путь, по которому он предпочитает пойти, и великие лидеры должны повести его по правильному пути. После событий в Хиросиме и Нагасаки ядерные бомбы показали нам путь к полному разрушению. Достигнутый с тех пор так называемый прогресс выразился в бесконечном увеличении угрозы такого разрушения, а усиление радиоактивности может иметь губительные последствия для будущих поколений. Вот почему мы с величайшей озабоченностью следили за ядерными испытаниями в прошлом и призывали к их прекращению. Какими бы военными соображениями ни оправдывались эти испытания, они подвергают смертельной опасности все человечество. Проблемы, затрагивающие миллионы людей, надо рассматривать также и с точки зрения человечности.

Сегодня логика и разум, как и соображения человечности, указывают на путь мира, и я со всей искренностью горячо призываю к тому, чтобы мир пошел по этому пути, чтобы весь образ мыслей и вся деятельность руководителей народов определялись заботой о мире.

Советский Союз стоит за мир и разоружение. Он занимается великой задачей строительства нового общества. Он уже добился больших успехов, и его ожидают еще более огромные успехи в будущем. Эти успехи в созидательной деятельности — истинная победа, которая никому не приносит вреда и делает счастливыми миллионы людей. Я глубоко надеюсь, что авангардную роль, которую Советский Союз играл прошлые годы в борьбе за мир, он сохранит за собой и впредь, что принесет плодотворные результаты для всех стран.

Я снова выражаю свою признательность Председателю Совета Министров СССР и другим членам Советского правительства, так же как и народу этой великой страны, за многочисленные проявления щедрого гостеприимства, дружбы и любви к нам. Я верю, что отношения между народом Индии и народом Советского Союза будут становиться все более тесными и дружественными.

(*Джавахарлал Неру. Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления, 1946—1964. М., 1965. С. 285—290*).

Примечания

Глава I

- ¹ Kohn H. A History of Nationalism in the East. 1929. P. 379.
- ² Неру Дж. Автобиография. С. 15.
- ³ Vivekananda Swami. Speeches and Writings of Swami Vivekananda. Ed. 7. 1927. P. 290.
- ⁴ Неру Дж. Автобиография. С. 14.
- ⁵ Там же. С. 24.
- ⁶ Там же. С. 31.
- ⁷ Writings and Speeches by Lala Lajpat Rai. 1966. P. 292.
- ⁸ Неру Дж. Автобиография. С. 28.
- ⁹ Nanda B. R. The Nehrus: Motilal and Jawaharlal. L., 1962. P. 90.
- ¹⁰ «The Mind of a Judge» by Nehru J. L./India and the World. L., 1942. P. 130.
- ¹¹ Неру Дж. Автобиография. С. 38.
- ¹² См. примеч. 9. С. 132.
- ¹³ Неру Дж. Автобиография. С. 42.
- ¹⁴ Там же. С. 51.
- ¹⁵ From the article «Quetta», written by Nehru J. L./India and the World. P. 147.
- ¹⁶ Ibidem.

Глава 2

- ¹ Foreign Department, Secret Internal, August 1920. Nos. 8—26 (NAI).
- ² Notes on Bolshevism//Foreign Department, Secret Internal. August 1920. Nos. 8 — 26 (NAI).
- ³ Home Political B. July 1919. Nos. 69—70 (NAI).
- ⁴ См. примеч. 2.
- ⁵ Komarov E. N. Indo-Soviet Cooperation: Historical Background and Present-Day Developments. Bombay, 1976. P. 27.
- ⁶ Rai L. Ideals of Non-Cooperation. P. 32.
- ⁷ Sehnavis C. Tagore and the World. Calcutta, 1961. P. 41.
- ⁸ Quoted by Sankar Ghose in Socialism and Communism in India. Bombay, 1971. P. 14.
- ⁹ Report of Indian Constitutional Reforms (1918). P. 14.
- ¹⁰ Panikkar K. M. Asia and Western Dominance. L., 1953. P. 250.
- ¹¹ Quoted by Dhawan S. S. in October Revolution and India's Independence. Ed. by Ali Ashraf and G. A. Syomin. New Delhi, 1977. P. 23.
- ¹² Congress Presidential Speeches. Ed. by Sankar Ghose. AICC. New Delhi, 1975. P. 83.

- ¹³ Indian National Congress Report 1918 Session. Delhi, 1919. P. 18.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ Indian National Congress Report (1919). Amritsar, 1919. P. 17.
- ¹⁶ Panikkar K. M. Op. cit. P. 252.
- ¹⁷ Gandhi M. K. Collected Works: Vol. V. P. 413.
- ¹⁸ Tendulkar D. G. Mahatma (8 Volumes). Bombay, 1951—1954. Vol. VII. P. 177.
- ¹⁹ Gandhi M.K.//Young India. August 11, 1924.
- ²⁰ Tendulkar D. G. Op. cit. Vol. II. P. 58.
- ²¹ Ibid. P. 39.
- ²² Mende Tibor. Conversations with Mr. Nehru. L., 1956. P. 16.
- ²³ Nehru J. L. Roads to Freedom — рецензия на книгу Бертрана Рассела «Roads to Freedom». Она написана от руки и не имеет даты, хотя, кажется, относится к концу 1919 г. Nehru Papers (NMML).
- ²⁴ Nehru J. L. Roads to Freedom.
- ²⁵ Ibidem.

Глава 3

- ¹ Home Political. June 1920. Nos. 165—166.
- ² Home Political Deposit. July 1920. N 96. Fortnightly Reports on the Internal Political Situation (UP) for the First Half of June 1920 (NAI).
- ³ Home Deptt. Political Deposit Proceedings. July 1920. N 95. Fortnightly Reports on the Internal Political Situation for the Second Half of May 1920 (NAI).
- ⁴ Неру Дж. Автобиография. С. 64.
- ⁵ Неру Дж. Открытие Индии. С. 380.
- ⁶ Там же. С. 323.
- ⁷ Home Department (Political). February 1921. N 13 (NAI).
- ⁸ Неру Дж. Автобиография. С. 62.
- ⁹ Там же. С. 46.
- ¹⁰ Там же. С. 53.
- ¹¹ Там же. С. 81—82.
- ¹² Quoted by Brecher, Michael. Nehru: A Political Biography. L., 1959. P. 78—79.
- ¹³ Ibid. P. 79.
- ¹⁴ Ibid. P. 128.

Глава 4

- ¹ Неру Дж. Автобиография. С. 185.
- ² Home Deptt. Political (1926). File N 23 on Nehru's Visit to Europe (NAI).
- ³ Grew-Hunt R. N. Willy Munzenberg//Anthony Papers. N IX. P. 72, 87.
- ⁴ Jawaharlal to Motilal. November 16, 1926//Selected Works of Jawaharlal Nehru. Vol. 2. P. 250—251.
- ⁵ Nehru's Letter Dated June 26, 1929 to the Secretary. League against Imperialism. From the File "Important Correspondence by Nehru with Foreign Countries" 1929 (NMML).
- ⁶ Ahikari G. India and League against Imperialism//Mainstream. Annual (1976). P. 37.
- ⁷ Ibidem.

- ⁹ Nanda B. R. Op. cit. P. 255.
- ⁹ Selected Works of Jawaharlal Nehru. Ed. by S. Gopal. New Delhi. Vol. 2. P. 270—272.
- ¹⁰ Ibid. P. 276.
- ¹¹ Confidential Brussels File. 1927 (NMML).
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ Неру Дж. Автобиография. С. 182.
- ¹⁶ From the Confidential Report on the Brussels Congress Submitted by Nehru to the CWC (NMML).
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Nehru to Shiva Prasad Gupta, June 27, 1929//Nehru Miscellaneous Papers (NMML).
- ¹⁹ Brussels File (confidential) Report submitted by Nehru to the CWC (NMML).
- ²⁰ Selected Works of Jawaharlal Nehru. Vol. 2. P. 287.
- ²¹ Brussels File (NMML).
- ²² Selected Works of Jawaharlal Nehru. Vol. 2. P. 289.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ Ibidem.
- ²⁵ Nanda B. R. Op. cit. P. 256.
- ²⁶ Ibidem.
- ²⁷ Ibid. P. 257.
- ²⁸ Nehru Miscellaneous Papers (NMML).
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Nehru to Chattopadhyaya (NMML).
- ³¹ Nehru. A Foreign Policy of India//Nehru Papers (NMML).

Глава 5

- ¹ Ananda Bazar Patrika (Calcutta). September 26, 1927.
- ² The Bengalee (Calcutta), September 24, 1927.
- ³ Ananda Bazar Patrika (Calcutta). November 5, 1927.
- ⁴ Правда. 1927. 5 нояб.
- ⁵ Menon K.P.S. India and the Cold War. Bombay, 1966. P. 9.
- ⁶ Soviet Russia, Jawaharlal Nehru, Chetana. Bombay, 1949. P. 1.
- ⁷ An Autobiography Jawaharlal Nehru. Bombay, 1962. P. 164.
- ⁸ Неру Дж. Автобиография. С. 185.
- ⁹ Motilal's Speech in London on December 10, 1927, Relating to Communism and Congress Claim for Independence (Nehru J. Collection II. Miscellaneous (NMML).
- ¹⁰ Письмо от 10 ноября 1927 г.// Selected Workers of Jawaharlal Nehru. Vol. 2. P. 369
- ¹¹ Soviet Russia. P. 13.
- ¹² Selected Works of Jawaharlal Nehru. Vol. 2. P. 370.
- ¹³⁻¹⁴ Soviet Russia. P. 76.
- ¹⁵ Nehru to Vijayalakshmi Pandit. 12.II.1927//SW. Vol. 2. P. 372.
- ¹⁶ Soviet Russia. P. 83—84.
- ¹⁷ Рассказано автору 5 января 1970 г. в Москве.
- ¹⁸ Soviet Russia. P. 34.
- ¹⁹ Ibid. P. 35—37.
- ²⁰ Ibid. P. 53—54.
- ²¹ Nehru J. For a King's Favour, 27.6.1928//Nehru Collection, Miscellaneous Papers. File N 1 (NMML).
- ²² Soviet Russia. P. 3.

- ²³ Ibid. P. 126.
²⁴ Ibid. P. 130—131.

Глава 6

- ¹ *Неру Дж.* Автобиография. С. 185.
² Там же.
³ *Norman D. Nehru*//The First Sixty Years. Vol. 1. Bombay, 1965, P. 153—154.
⁴ См.: *Неру Дж.* Автобиография. С. 186.
⁵ Dwivedi R. (Ed.) The Life and Speeches of Pandit Jawaharlal Nehru. Allahabad, 1929. P. 47—48.
⁶ *Tendulkar D. G.* Op. cit. Vol. VIII. P. 349—351.
⁷ Home Deptt. Political 1927. File N 32 (NAI).
⁸ From the Speech Delivered by Nehru at the All Parties Conference at Lucknow, August 29, 1928//Nehru on War Danger, P. 12—17.
⁹ Programme of the U.P. Branch of Independence for India League//AICC Papers. File 17. 1929 (NMML).
¹⁰ Ibidem.
¹¹ Ibidem.
¹² Ibidem.
¹³ Ibid. File N 22. 1928 (NMML).
¹⁴ Narendra Dev to Nehru. 9.II.1929 //Nehru Correspondence (NMML).
¹⁵ *Brecher M. Nehru.* Boston, 1959. P. 60.
¹⁶ Home Department. Political. Fortnightly Reports on the Political Situation in India. September 1928. File N 1—8. (NAI).
¹⁷ *Неру Дж.* Автобиография. С. 203.
¹⁸ *Norman D.* Op. cit. P. 155.
¹⁹ Ibidem.
²⁰ Ibidem.
²¹ Ibidem.
²² Home Deptt. Political. File N 1—18. 1928. Fortnightly Report on the Political Situation in India (Punjab) (NIA).
²³ *Norman D.* Op. cit. P. 161.
²⁴ *Nehru.* India and the Need for International Contacts. May 13, 1928. Allahabad//Nehru Papers (NMML).
²⁵ См. примеч. 23.
²⁶ Home Deptt. Political. File N 1—28. Pol., 1928 (NAI). Fortnightly Report on the Political Situation in India (UP). (NAI).
²⁷ Ibid. Fortnightly Report on the Political Situation in India (Bihar and Orissa). November (2nd half) 1928. (NAI).
²⁸ См. примеч. 26.
²⁹ Congress Presidential Speeches. Ed. by Sankar Ghose. AICC. P. 236.
³⁰ Indian Quarterly Register. Ed. by Mitra N. N. (далее: Mitra). 1929. Vol. II. P. 425—428.
³¹ Ibid. P. 428.
³² Quoted by Sankar Ghose, Socialism and Communism in India. Bombay, 1971. P. 303.
³³ Mitra. (Ed.) Op. cit. 1929. Vol. I. P. 164—165.
³⁴ Home Deptt. Political. File N 17/1929. Report on the Political Situation in India (Punjab). March 1929. (NAI).
³⁵ Mitra. (Ed.) Op. cit. 1929. Vol. I. P. 173.
³⁶ Legislative Assembly Debates. Vol. III. Simla, 1928. P. 775.

³⁷ Ibid. P. 535.

³⁸ Gandhi Mahatma//Young India. 15.XI. 1928.

Глава 7

¹ Sitaramayya P. History of the Indian National Congress. 2 Vols. Bombay. Vol. 2. P. 4.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 73.

⁴ Тагор Р. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Письма о России. М., 1982. С. 379.

⁵ Там же. С. 361.

⁶ Там же. С. 358.

⁷ Там же. С. 379.

⁸ Там же. С. 362.

⁹ Там же. С. 370—371.

¹⁰ Tagore R. Letters for Russia. Vishwabharati. Allahabad, 1961. P. 113—114.

¹¹ Тагор Р. Указ. соч. С. 362, 397.

¹² Tagore R. Op. cit. P. 123.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid. P. 122.

¹⁵ Ibid. P. 119.

¹⁶ Неру Дж. Автобиография. С. 384.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 2. М., 1981. С. 379.

¹⁹ Неру Дж. Автобиография. С. 382.

²⁰ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 3. С. 398.

²¹ Where are We? VI, 3-3.1939 by Nehru//MSS of Essays and Writings of Nehru (NMML).

²² Неру Дж. Автобиография. С. 382.

²³ Там же. С. 383.

²⁴ Where are We?//Nehru. Op. cit.

²⁵ Неру Дж. Автобиография. С. 382.

Глава 8

¹ Неру Дж. Автобиография. С. 643.

² Там же. С. 441.

³ Gandhi to Nehru. September 13. 1933//Tendulkar D. G. Op. cit. Vol. III. Appendix 1.

⁴ См.: Неру Дж. Автобиография. С. 289.

⁵ Там же. С. 287, 288.

⁶ Congress Presidential Speeches. Ed. by Sankar Ghose, AICC. P. 284.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid. P. 285.

⁹ Ibid. P. 293.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid. P. 294.

¹³ Bright J. S. (Ed.) Before and after Independence (Collection of Nehru's Important Speeches. 1922 — 1950. P. 310.

¹⁴ Неру Дж. Открытие Индии. С. 430.

¹⁵ См. там же. С. 429.

¹⁶ Там же. С. 434.

- ¹⁷ India's Problems, by Nehru. Lausanne, 21.II.1936. (J. Nehru's Miscellaneous Papers) (NMML).
- ¹⁸ Nehru J. A Bunch of Old Letters. L., 1960. P. 191.
- ¹⁹ Ibid. P. 192.
- ²⁰ Неру Дж. Автобиография. С. 386.
- ²¹ Smit D. Nehru and Democracy. Bombay, 1958. P. 23.
- ²² Congress and Socialism. July 15, 1936 by Nehru//Eighteen Months in India 1936—1937. Being Further Essays and Writings, Allahabad, 1938. P. 41.
- ²³ Selected Works of Jawaharlal Nehru. Vol. 7. P. 562.
- ²⁴ Sitaramayya P. Op. cit. P. 32.

Глава 9

- ¹ Nehru J. A Bunch of Old Letters. L., 1960. P. 424—425.
- ² Unity of India, Jawaharlal Nehru. L., 1942. P. 397.
- ³ Ibid. P. 148—149.
- ⁴ См. примеч. 1. С. 357.
- ⁵ Nehru Papers. Pt I. Vol. 38 (NMML).
- ⁶ Congress Presidential Speeches. Ed. by Sankar Ghose. AICQ, P. 284.
- ⁷ Sardesai S. G. India and the Russian Revolution. New Delhi, 1967. P. 91.
- ⁸ Ibid. P. 92.
- ⁹ What of Russia Now? by J. Nehru. January 16, 1940//MSS of Essays and Writings of J. L. Nehru. File N 7 (NMML).
- ¹⁰ J. Nehru Collection II (Miscellaneous): Messages by Nehru (NMML).
- ¹¹ См. примеч. 9.
- ¹² Там же.
- ¹³ «Federation» II by J. Nehru. June 1, 1939//Manuscripts of Nehru's Essays and Articles for the National Herald (NMML).
- ¹⁴ Nehru to Maulana Azad. February 22, 1940//Nehru Papers. Pt I. Vol. 5 (NMML).

Глава 10

- ¹ Bright J. S. Before and after Independence. New Delhi, 1950. P. 196—197.
- ² Ibid. P. 204—207.
- ³ Ibidem.
- ⁴ Bright J. S. (Ed.) Important Speeches of J. Nehru. Lahore. P. 197—198 (N. D.).
- ⁵ «Confidential Draft» to the CWC in Drafts, Resolutions, Statements of the Congress Working Committee Made by J. Nehru (NMML).
- ⁶ См. примеч. 1. С. 226.
- ⁷ Tendulkar D. G. Op. cit. Vol. 6. P. 126.
- ⁸ The Indian Annual Register. Ed. by N. N. Mitra Vol. 11. July-December 1942. P. 244.
- ⁹ Sunder Lal. India and the Great October Revolution//India and World Events. November 10, 1968.
- ¹⁰ Sehanavis C. Tagore and the World. Calcutta, 1961. P. 62.
- ¹¹ Mukerjee, Hiren, Time-Tested Treasure: Recollections and Reflections on Indo-Soviet Friendship. Bombay, 1975. P. 42.

- ¹² National Herald. January 24, 1942. P. 5.
- ¹³ Ibid. February 11, 1942.
- ¹⁴ Ibid. February 3, 1942. P. 5.
- ¹⁵ Labour Monthly (London). August 1941. P. 364—367.
- ¹⁶ Nehru Papers. Vol. 47 (NMML).
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Selected Works of Jawaharlal Nehru. Vol. 12. P. 419.
- ²¹ Gandhi to the Viceroy. August 14, 1942; Nehru: the First Sixty Years/Ed. by Dorothy Norman. Vol. II. P. 127.
- ²² Ibidem.
- ²³ Ibid. P. 120—122.

Глава 11

- ¹ Nehru Papers. Pt 1. Vol. 34 (NMML).
- ² Ibidem.
- ³ Ibidem.
- ⁴ Nehru's Letter to Iftikhar-ud-Din. December 18, 1941; Nehru Papers, Pt 1. Vol. 34 (NMML).
- ⁵ Nehru Papers. Pt 1. Vol. 14 (NMML).
- ⁶ Ibidem.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Nehru's Letter to G. L. Collins, General Secretary of the Bombay FSU, Dated December 14, 1941. Ibid. (NMML).
- ¹⁰ Nehru Papers. Pt 1. Vol. 91 (NMML).
- ¹¹ National Herald. February 21, 1942. P. 3.
- ¹² Radhakrishnan S. Religion and Society. L., 1948. P. 25.
- ¹³ National Herald. February 23, 1942. P. 1.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Selected Works of Jawaharlal Nehru. Vol. 12. P. 299.

Глава 12

- ¹ Неру Дж. Открытие Индии. С. 10—11.
- ² Там же. С. 11.
- ³ Там же. С. 24.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 26.
- ⁸ Там же. С. 601.
- ⁹ Там же. С. 595.
- ¹⁰ Там же. С. 540.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Sitaramaya P. Op. cit. Vol. II. P. 409.
- ¹³ Неру Дж. Открытие Индии. С. 567.
- ¹⁴ Там же. С. 596.
- ¹⁵ Bright J. S. (Ed.) Op. cit. P. 352.
- ¹⁶ Norman D. Op. cit. Vol. II. P. 283.
- ¹⁷ A Short History of the USSR. (II). Moscow, 1965. P. 269—270.

- ¹⁸ Stein A. India and the Soviet Union. Chicago, 1969. P. 37.
- ¹⁹ Bright J. S. (Ed.) Op. cit. P. 237.
- ²⁰ Norman D. Op. cit. P. 199.
- ²¹ Ibid. P. 250.
- ²² Mitra (Ed.) Indian Annual Register. Vol. II, of 1946. P. 255.
- ²³ Norman D. Op. cit. P. 282.
- ²⁴ Quoted in Indian and Foreign Affairs. January 1966. P. 17.
- ²⁵ Quoted by Kaushik D.//Soviet Relations with India and Pakistan. New Delhi, 1974. P. 28—29.
- ²⁶ Norman D. Op. cit. P. 310.
- ²⁷ Bright J. S. (Ed.) Op. cit. P. 425.
- ²⁸ Неру Дж. Автобиография. С. 387.
- ²⁹ Там же. С. 387, 388.
- ³⁰ Там же. С. 388.
- ³¹ Norman D. Op. cit. P. 183—184.
- ³² Неру Дж. Автобиография. С. 617.
- ³³ The Hindu (Madras). October 4, 1946.
- ³⁴ Bright J. S. (Ed.) Op. cit. P. 376.
- ³⁵ The Hindu. October 31. 1946.
- ³⁶ Ibidem.
- ³⁷ The Hindu. March 11. 1947.

Указатель имен

Азад Маулана Абул Калам 158,
165, 166, 168
Айенгар С. С. 82, 108
Акбар 27
Ахмед Мохаммед 80
Ашока 27

Балабушевич В. В. 100
Барбюс А. 78, 81
Баркатулла М. 78, 80
Безант А. 36, 37, 57, 58
Бирд Ч. 57
Бос Субхас Чандра 7, 8, 11, 94,
108, 111, 152
Брокуэй Ф. 78
Брукс Ф. Т. 29, 30
Брэйлсфорд Х. Н. 101
Бухари Дж. Хасан 111
Бхатия Винод 5—6, 11, 16, 25
Бхатт 80

Вебб С. и Б. 34, 35
Верма Шьямджи 78
Вивекананда Свами 27, 28, 51,
55, 172
Видьяртхи Ганеш Шанкар 112
Вильсон Г. 39, 43, 57
Волгин В. П. 192

Ганди Индира 15, 23, 133, 155
Ганди Мохандас Карамчанд 6,
8, 11, 18, 20—22, 27, 29, 36,
40, 55, 59—61, 65—66, 71—
76, 79—81, 88—91, 105—107,
113—121, 125, 127, 138—139,
144, 146—149, 151, 164, 167—
170, 193—195, 200—205

Ганди Раджив 15
Ганди Фироз 177
Гарибальди Дж. 32
Гитлер А. 152, 158
Говиндананда Свами 111, 112
Гокхале Гопал Кришна 37
Горбачев М. С. 16
Гупта Шива Прасад 111

Дайер 40
Дас Ч. Р. 73
Датт Бхупендранатх 172
Датт Раджни Палм 165
Дев Нарендра 113, 145, 146
Деникин Ант. И. 54
Добб М. 101

Ифтикар уд-Дин 172—174
Калинин М. И. 98
Карлейль Т. 26
Кейнс 35
Керенский А. Ф. 48
Кидваи Рафи Ахмед 179, 180,
182
Коллинз Г. Дж. 174
Колчак А. В. 54
Котнис 157
Котовский Г. Г. 16
Крипалани Дж. Б. 145
Криппс С. 168—169
Кулкарни Раджа 174

Ленин В. И. 42, 47—48, 51, 52,
55, 61, 101, 102, 125, 172,
185, 186
Луначарский А. В. 98
Лэнсбери Дж. 78, 88
Людвиг Э. 101
Лютер М. 26

Малавия Мадан Мохан 58, 70
Маркс К. 20, 55, 132, 148, 185,
186
Менон В. К. Кришна 165, 166,
196
Мередит Т. 62
Мехта Ашока 146
Мехта Дж. М. 111
Мирза Бакар Али 80
Молотов В. М. 12, 196, 197
Монтегю Э. С. 39, 40
Мукерджи Хирен 7
Муссолини 152, 158

Найду С. 178—180

Намбиар А. Ч. 80
Нараян Джайпракаш 145
Нариман К. Ф. 111
Неру Джавахарлал 5—7, 8—10,
12—16, 18—40, 54, 60—
63, 65—72, 74—80, 82—
109, 111—126, 129, 131—163,
166—169, 171, 173—179,
182—189, 191—204
Неру Камала 29, 76, 98
Неру Мотилал 27—29, 34, 37—
38, 51, 54, 58, 73, 82, 88, 94,
96, 97, 107, 121, 123—124
Пал Бипин Чандра 55, 56
Пандит Виджая Лакшми 166,
197
Паниккар К. М. 57, 59
Пант Говинд Валлабхан 165
Патвардхана Ачьюта 145
Патель Валлабхай 21, 145, 149,
150
Поллит Г. 78
Пракаса Шри 112
Прасад Раджендра 145, 146
Пратап Раджа Махендра 78
Раджагопалачарья Ч. 145, 164,
165, 168
Радхакришнан Сарвапалли 94,
177, 178
Рай Лала Раджпат 32, 55—56
Рай Профулла Чандра 164
Ранаде Махадев Говинд 55, 56
Рассел Б. 35, 62
Рау Чалапатхи 176
Рид Дж. 62, 101
Рой Киран Шанкар 112
Рой М. Н. 78
Роллан Ромен 78, 81, 82
Рузвельт Ф. 132, 188

Саймон Д. 107
Саклатвала Ш. 82, 87
Сапру Тедж Бахадур 37
Сатьямурти С. 112
Сен Гупта 95
Сил Монни 176
Ситарамаяя П. 112, 126—128
Ситрин У. 121
Сталин И. В. 188
Сунь Ятсен 78, 81, 82
Тагор Р. 27, 47, 55—56, 127—
129, 130, 131, 164, 172
Тандон П. Д. 177—178, 181
Теланг К. Т. 55, 56
Тилак Гангадхар Бал 26, 29, 32,
34, 36—37, 47, 55, 57
Толлер Э. 78
Толстой Л. Н. 59, 60
Тревелиан Дж. М. 32
Трумэн Г. 190
Уилкинсон Э. 78
Франко Ф. 157
Хардикар 112
Хатчинсон Х. Л. 111
Хорниман Б. Г. 47, 110, 112
Хубхасингх Кришна 94
Чакраборти Харикумар 112
Чан Кайши 167
Чаттерджи Банким Чандра 55
Чаттерджи Рамананда 94
Чаттопадхьяя Вирендранатх
78—90
Челмсфорд 40
Черчилль У. 188—190
Шоу Б. 35
Эйнштейн А. 81, 82

Содержание

Предисловие	5
Введение	18
1	
Становление националиста (1889—1917)	26
2	
Индия и русская революция (1917—1920)	42
3	
Открывая Индию (1920—1926)	65
4	
В Европе (1926—1927)	76
5	
Поездка в Москву (1927)	94
6	
За независимость, социализм, Советский Союз (1928—1929)	104
7	
Еще о России	126
8	
Определение экономических целей (1930—1938)	137
9	
Нацистско-фашистский смерч (1939—1941)	151
10	
Фашистское нападение на Советский Союз (1941—1942)	161

Друзья Советского Союза 171

Исполнение желаний (1942—1947) 183

Заключение 199

Приложение 204

Примечания 209

Указатель имен 217

Бхатия В.

Б 94 Джавахарлал Неру и становление индийско-советских отношений, 1917—1947 / Пер. с англ.; Отв. ред. Г. Г. Котовский.—М.: Мысль, 1989.—217, [3]с.

ISBN 5-244-00271-6

Автор работы — индийский историк и общественный деятель, в прошлом аспирант Института востоковедения АН СССР, один из руководителей Общества друзей Советского Союза.

В книге прослеживается эволюция взглядов Джавахарлала Неру на Великий Октябрь и строительство социализма в СССР, освещаются его связи с международным революционным движением.

Работа написана с антиимпериалистических, дружественных Советскому Союзу позиций.

Б 0503010000-083
004(01)-89 17-89

ББК 63.3(0)6

Научная монография

Винод Бхатня

**ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ
И СТАНОВЛЕНИЕ
ИНДИЙСКО-СОВЕТСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
1917—1947**

Редактор А. П. Тарасова
Младший редактор А. П. Овсепян
Оформление художника Г. М. Чеховского
Художественный редактор Н. В. Илларионова
Технический редактор Е. А. Молодова
Корректор Т. М. Шпиленко

ИБ № 3347

Сдано в набор 09.08.88. Подписано в печать 23.05.89.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. № 2. Литерат. гарн. Высокая печать.
Усл. печ. листов 11,76. Усл. кр.-отг. 11,97. Учетно-издат. листов 11,99.
Тираж 17 000 экз. Заказ № 1445. Цена 75 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

1-я типография Профинздата. 109044. Москва, Крутицкий вал, 18.

Магазин № 1 «Дом книги», г. Ленинград, предлагает следующие книги издательства «Мысль»:

Алексеев В. П. Географические очаги формирования человеческих рас. М.: Мысль, 1985. 1 р. 90 к.

Антонов А. И., Медков В. М. Второй ребенок. М.: Мысль, 1987. (Народонаселение). 75 к.

Волков А. М. Страны Северной Европы: Экономико-статистический справочник. М.: Мысль, 1986. 1 р.

Гольман Л. И. Энгельс — историк. М.: Мысль, 1984. 1 р. 90 к.

Городская и сельская семья. М.: Мысль, 1987. (Народонаселение). 75 к.

Глобальная энергетическая проблема. М.: Мысль, 1985. 1 р. 60 к.

Дзарасов С. С. Каждому — об управлении. М.: Мысль, 1986. 30 к.

Зотиков И. А. За разгадкой тайн Ледяного континента. М.: Мысль, 1984. 1 р. 40 к.

К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви. Изд. 2-е, доп. М.: Мысль, 1986. 2 р. 60 к.

Д. И. Писарев об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1984. 1 р. 80 к.

Радищев и декабристы. Из атеистического наследия первых русских революционеров / Сост. Л. В. Поляков. М.: Мысль, 1986. 1 р. 20 к.

Салуцкий А. С. На апрельских ветрах. М.: Мысль, 1986. 85 к.

Заказы просим направлять по адресу: 191186, г. Ленинград, Невский пр., 28. Магазин № 1 «Дом книги» (01). Отдел «Книга — почтой».

Уважаемые читатели!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, публицистике, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющих-ся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли. «Союз-книга».